

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л. С. Абросимова

**СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
В ЯЗЫКОВОЙ
КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА**

Монография

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2015

УДК 808
ББК 80
А16

Научный редактор

доктор филологических наук, профессор **Т. В. Милевская**

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **С. Г. Агапова;**

доктор филологических наук, профессор **Г. Т. Поленова**

Абросимова Л. С.

А16 Словообразование в языковой категоризации мира: монография / Л. С. Абросимова ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. – 328 с.

ISBN 978-5-9275-1604-9

Монография охватывает широкий спектр вопросов, связанных с описанием принципов и механизмов словообразовательной категоризации действительности в рамках антропоцентрической парадигмы научных исследований. Автор рассматривает роль словообразования в процессах языковой категоризации действительности на примере соматизмов и соматических производных английского языка.

Издание адресовано специалистам в области филологии и лингвистики, студентам и аспирантам филологических специальностей, а также всем интересующимся проблемами теории языка.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-9275-1604-9

УДК 808

ББК 80

© Южный федеральный университет, 2015

© Абросимова Л. С., 2015

© Оформление. Макет. Издательство

Южного федерального университета, 2015

Оглавление

Введение	5
-----------------------	----------

Глава 1. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	9
--	----------

1.1. Основы исследования словообразовательной категоризации как лингвокогнитивного процесса.....	11
1.2. Словообразовательная категоризация как отражение основных когнитивных процессов языковой личности	30
1.3. Словообразовательная категоризация в формировании и развитии языковой картины мира	46
Выводы	60

Глава 2. СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В АСПЕКТЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ	63
---	-----------

2.1. Телесность как лингвокультурный стереотип и его роль в формировании отсоматического лексикона..	65
2.2. Соматическая лексика в категоризации окружающего мира	78
2.3. Соматизм как единица номинации и производящая база дериватов.....	87
Выводы	123

Глава 3. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОТСОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	125
3.1. Словообразовательное гнездо как базовая концептуально-когнитивная схема лингвистической репрезентации языковой картины мира	128
3.2. Структурная характеристика отсоматических производных.....	143
3.3. Семантическая характеристика отсоматических производных.....	163
Выводы	222
Глава 4. КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОТСОМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	227
4.1. Когнитивное моделирование в словообразовании.....	229
4.2. Метафоризация в когнитивном моделировании	243
4.3. Проблемы и противоречия когнитивного моделирования в словообразовании.....	255
4.4. Лингвокогнитивное моделирование отсоматических производных в английском языке и его специфика	264
Выводы	273
Заключение.....	275
Список сокращений и условных обозначений.....	282
Библиография	285

Введение

В последние десятилетия изучение многоплановых связей языка, культуры и мышления приобретает новые направления, что позволяет создавать новые теории и методы исследования. Данная монография посвящена научной проблеме понимания диалектического процесса словообразования, обусловленного комплексным взаимодействием собственно словообразовательных процессов и динамической природой культурной семантики в лингвокреативной деятельности языковой личности, которая включает процессы номинации и категоризации окружающего мира посредством разнообразных языковых средств.

Такое многоаспектное взаимодействие трех ведущих сторон процессов словообразования, а именно, лингвокреативной деятельности человека, социально-культурного окружения и, наконец, собственно языка с его многоярусной системой средств, подтверждает понимание языка как системы, отображающей разнообразные взаимоотношения между человеком и объектами реальной действительности.

Как известно, словообразование связано со всеми уровнями языка: грамматикой, лексикой, морфологией, фонологией, синтаксисом, что значительно усложняло задачу его выделения в отдельную науку. В последнее время появляются и развиваются новые подходы к описанию словообразовательных процессов и единиц – ономаσιологический, гнездовой, социолингвистический, когнитивный и др. Как следствие, в современной дериватологии отсутствует единство в применении понятийно-терминологического аппарата и методик анализа, несмотря на то, что во второй половине 20 века были проведены значительные исследования в сфере ономаσιологического словообразования (труды представителей Пражско-

го лингвистического кружка, М. Докулила и его последователей, Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, И. С. Улуханова и др.). Когнитивное словообразование (когнитивная дериватология) и призвано «навести порядок» в такой разнообразии подходов и точек зрения.

Словообразование, как уровень системы языка, отражает языковую действительность, обеспечивает номинацию новых понятий, их категоризацию, и вместе с тем является продуктом конструктивной работы мышления, воспроизводящего связи и отношения объектов реальности, и, тем самым, отражает базовые аспекты ментального освоения действительности и выступает инструментом их закрепления в языке.

Словообразовательная категоризация – процесс познавательной деятельности человека, позволяющий подвести объект под определенную категорию или рубрику опыта при помощи словообразования. Такая деятельность связана с процессами членения окружающего мира, с упорядочиванием выделяемых объектов в категории при помощи словообразовательных средств.

Словообразовательная категоризация может рассматриваться как отражение знаний и опыта, как индивидуального, так и коллективного, зафиксированных теми или иными языковыми средствами в номинативных единицах, а значит тесно связанных с речемыслительной деятельностью человека. Следовательно, словообразование может и должно рассматриваться с учетом «человеческого фактора» в познавательных процессах обработки и переработки информации, а также с точки зрения формирования языковой картины мира. Таким образом, изучение словообразования в рамках когнитивной науки о языке предусматривает многоплановость и представляет собой ярко выраженный предмет междисциплинарных исследований.

В данной монографии отражены результаты многоаспектного анализа явления и процесса словообразовательной категоризации (на примере соматизмов) в историко-культурном контексте, через развитие лингвистической методологии – от традиционного и классического морфо-грамматического подхода к общеструктурно-

му, от него – к семантическому, от него – через его обогащение прагматическим аспектом – к когнитивному.

Современный когнитивный подход к исследованию языка, процессов его функционирования и развития, по нашему мнению, настоятельно требует совмещения двух планов рассмотрения: формального и содержательного. Актуальным является взгляд, согласно которому язык следует рассматривать не как формальную знаковую систему, а как средство обеспечения человеческих нужд коммуникации и общения, при этом сфера человеческой деятельности и сообщает всем элементам и формам языка смысл. Поэтому анализ смыслового контекста, соединяющий в себе формальный и содержательный аспекты, и определяет когнитивный подход, задающий полномерное представление о языке.

Чтобы понять содержательно-смысловой аспект словообразования необходимо обращение к внутреннему «экзистенциальному» плану существования языка, требующего проникновения в его смысл-семантическую организацию. И здесь лингвисту-когнитологу не удастся оставаться на позиции «голой фактуальности», «анонимности» языка. Здесь необходимо включать в процесс исследования «человеческий фактор», то есть человека с его мыслями, знаниями, чувствами, мотивами и пр. Таким образом, обращение к экзистенциальным смыслам в словообразовании – есть не что иное, как попытка уяснения глубинных бытийных основ такого духовного процесса как словотворчество.

Задача такого рода есть крайне непростое дело, поскольку, во-первых, требует нетрадиционных исследовательских методологий, далеко выходящих за рамки сугубо лингвистических, а, во-вторых, сама процедура соотнесения различных планов бытия настоятельно требует междисциплинарности. На новом этапе процесса научного познания тенденцию к взаимопроникновению различных отраслей научного знания можно рассматривать как одну из определяющих характеристик лингвистической науки конца XX – начала XXI вв. И такой интерес неслучаен: значительные открытия во многих отраслях знаний спровоцировали расширение границ всех наук, и фокус исследовательского внимания закономерно смещается с уже

изученного и достаточно статичного центра на более динамичную и потому проблемную периферию и закрепляется на стыке областей научного знания. При этом невозможно определить четкие границы изучения того или иного явления.

Междисциплинарная методология является наиболее актуальной в исследовании культурно-когнитивных смыслов словообразования и является средством достижения наиболее надежных и перспективных результатов исследования. В рамках антрополингвистического подхода, реализуемого в данном исследовании, происходит объединение внеязыкового и языкового содержания, находящих выход в значении производных единиц, что обуславливает объединение достижений таких научных дисциплин, как философия, история, культурология, словообразование, лексикография, когнитивная лингвистика, антрополингвистика, социолингвистика и др.

Несмотря на недавнюю постановку вопроса о выделении когнитивного словообразования, лингвистами уже поставлены задачи и ведутся разработки его общих и частных вопросов. Актуальной задачей исследования словообразовательных процессов в русле когнитивного направления является выявление связей между словообразовательными средствами, изучение путей формирования одного из значений на базе другого, поиск общих закономерностей развития словообразовательных значений, концептуальный анализ дериватов. Все перечисленные задачи способствуют комплексному исследованию и описанию отражения в словообразовательных парадигмах закономерностей ментальной деятельности как конкретной языковой личности, так и целого языкового сообщества.

Глава 1

**МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

1.1. Основы исследования словообразовательной категоризации как лингвокогнитивного процесса

Известно, что любое сложное явление предполагает разно-сторонность его исследования. Словообразование, являясь таким сложным феноменом, также может быть рассмотрено с разных исследовательских позиций. Свою задачу в данной части работы мы видим в том, чтобы выйти на уровень концептуализации данного феномена и ввести в нашу работу интерпретационный механизм, который отсутствует в простых описаниях эмпирического материала. Это, в свою очередь, позволит представить теоретическое осмысление целостности (когнитивный синтез) такого разностороннего языкового феномена, как словообразовательная категоризация и ее культурно-когнитивная природа.

В данном параграфе будут хронологически рассмотрены разные лингвистические представления о словообразовании – о его природе, статусе, значении, генезисе и т. д. Сразу следует отметить, что словообразование, как языковое явление, в лингвистике квалифицируется как «деривация», которая определяется, как «процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные, в простейшем случае – путем «расширения» корня за счет аффиксации <...> или словосложения, в связи с чем Д. (деривация. – Л. А.) приравнивается иногда к словопроизводству или даже словообразованию. Согласно более широкой точке зрения, Д. понимается либо как обобщенный термин для обозначения словоизменения (inflection) и словообразования (word-formation) вместе взятых, либо как название для процессов (реже результатов) образования в языке любых вторичных знаков, в т. ч. предложений (см.

Знак языковой), которые могут быть объяснены с помощью единиц, принятых за исходные, или выведены из них путем применения определ. правил, операций» [ЛЭС]¹. Такое определение, оторванное от процесса возникновения слов вообще, т. е. от номинации, формализует последнюю, т. е. исходит из допущения, что новые слова образуются только внутри самого языка, на его основе и его средствами. В результате на первый план выводятся формальные механизмы словообразования и оставляются без внимания глубинные, смысловые (номинативные) причины введения новых слов.

Также в данной части работы необходимо прояснить наше отношение к термину «словообразовательная категоризация», поскольку он может быть воспринят двояко: в узком и широком смыслах. В узком смысле термин «словообразовательная категоризация» связан с обозначением набора словообразовательных типов с единым словообразовательным значением (далее СЗ), т. е. со словообразовательной категорией. В широком значении, принятом в данном исследовании, словообразовательная категоризация – процесс познавательной деятельности человека, позволяющий подвести объект под определенную категорию или рубрику опыта при помощи словообразования. Такая деятельность связана с процессами членения окружающего мира, с упорядочиванием выделяемых объектов в категории при помощи словообразовательных средств. Подобной точки зрения на термины «словообразовательная категоризация» и «словообразовательная категория» придерживается М. И. Задорожный, который, подчеркивая важность их широкой трактовки, отмечает, что термин «словообразовательная категория» должен иметь «более широкий, обобщенный смысл, а именно, как любое формально-семантическое соотношение единиц в словообразовательном плане вообще, реализующееся в самых различных проявлениях той или иной степени обобщенности (ср. с понятиями грамматической и лексикологической, или лексико-семантической, категории). Иначе говоря, в этом аспекте представляется более

---

¹ В данной работе термины «словообразование», «словопроизводство» и «деривация» следует считать синонимичными.

целесообразным рассматривать словообразовательную категорию как таксономическую сетку, набрасываемую на все множество формально-семантических соотношений соответствующих языковых единиц, а не как единственное из этих отношений» [Задорожный, 2001: 162]

Вопросы о сущности слова, его связи с мышлением, о создании слова возникают уже при первых попытках осмысления человеком самого себя. Значительная часть современных теорий значения, теории номинации и словообразования, «не только явственно коренится в семантических и семиотических идеях античности и средних веков, но по существу сводится к переформулированию этих идей в новых (а порой и в старых, но частично переосмысленных) терминах» [Леонтьев, 2001: 31]. Известно, что порой новое зримо открывается в древних пластах культуры тогда, когда накопленный опыт и достижения всей науки в целом задают такой угол зрения, который позволяет нам увидеть то, что для людей прежних эпох было *terra incognita*. Те вопросы и задачи, которые были поставлены философами и учеными-лингвистами в прежние времена [см. Абросимова, 2011], до сих пор остаются актуальными и вызывают научные дискуссии.

Так, уже в ранних философских традициях обнаруживаются попытки анализа языковых форм, их связей с культурой, психологией и историей, интерес к теории именования (Платон, Аристотель, стоицизм, реализм и номинализм, И. Кант, Гегель и др.). Значительную роль в становлении методологии современной когнитивной дериватологии занимают работы В. Гумбольдта, который считает, что словообразование представляет собой «самую глубокую и самую загадочную сферу языка». Базовые идеи В. Гумбольдта о языке (об антиномии языка и мышления, языка и речи, о деятельной природе языка и пр.) содержат огромный эвристический потенциал, впоследствии развитый его учениками и последователями – А. Поттом, Х. Штейнталем, Г. Курциусом, А. А. Потемней, И. А. Бодуэном де Куртенэ, Г. Шпетом и др.

В 20–21 вв. сложился философский раздел в рамках философии науки – философия языка, ставшая методологией лингвистики,

что, в конце концов, привело к прорывным исследованиям в области когнитивного языкознания (работы Л. Вайсгербера, Й. Трира, Х. Гиппера, Г. Ипсена, Ш. Балли, С. Пинкера). Современный интерес к антропоцентрической парадигме в гуманитарной культуре (в российской научной традиции он связывается с работами Бахтина М. М., Бодуэна де Куртенэ И. А., Выготского Л. С., Костомарова В. Г., Потевни А. А., Шахматова А. А. и др.) явился результатом всех перечисленных и других достижений философской и лингвистической мысли предшествующих поколений.

Аксиомой является тезис о том, что изменение словарного состава языка – это естественное явление, которое связано с отражением трансформаций, происходящих в обществе. Интерес к языку в целом всегда сопровождался интересом к изучению словообразования, и наоборот, что может быть доказано отдельными комментариями и работами на тему словообразования еще со времен Панини. Однако до сих пор не существует единой словообразовательной теории, нет единого мнения и о том, какие данные можно считать релевантными для ее построения, то есть данная область языкознания в настоящее время нуждается в упорядочении и унификации.

Отметим несколько проблемных вопросов в истории изучения процессов деривации. Прежде всего они касаются самого статуса словообразования среди других разделов языкознания. Обратимся к трудам отечественных ученых, разрабатывающих данную проблему.

Словообразование как раздел языкознания выделилось в отдельную дисциплину в середине 20 века (что позволяет назвать ее довольно молодой наукой) благодаря своим основоположникам – отечественным лингвистам В. В. Виноградову, Г. О. Винокуру, В. М. Жирмунскому, М. М. Покровскому, А. И. Смирницкому, М. Д. Степановой, А. М. Шахматову, Л. В. Щербе и др.

В истории становления науки существовало несколько различных мнений лингвистов:

- 1) словообразование – раздел грамматики в совокупности с морфемикой (М. В. Ломоносов, В. А. Богородицкий, Ф. Ф. Фортунатов, Н. Д. Голев);

- 2) словообразование – отдельный раздел грамматики наряду с морфологией и синтаксисом (А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, Г. О. Винокур, В. В. Лопатин);
- 3) словообразование – то же самое, что и лексикология (А. И. Смирницкий, А. И. Моисеев, Д. Н. Шмелев);
- 4) словообразование – самостоятельный раздел лингвистики (Б. Н. Головин, Е. С. Кубрякова, Е. А. Земская, Л. В. Сахарный).

Подчеркивая особый статус словообразования в кругу лингвистических наук В. В. Виноградов отмечал, что «законы современного русского словообразования тесно связаны как с грамматическими категориями и формами, так и с лексической (словарной) системой русского языка, с его основным словарным фондом и словарным составом в целом в их взаимодействии» [Виноградов, 1975: 164]. Сторонники выделения словообразования в самостоятельный раздел языкознания считают, что данная наука характеризуется наличием определенного словообразовательного уровня языка, который можно выделить в автономный благодаря присутствию в языке специфических словообразовательных единиц: словообразовательных моделей и типов [см. напр., Земская, 2004 и др.].

Особенно ценными являются идеи В. В. Виноградова по поводу необходимости изучения словообразования как *системы* [Виноградов, 1975]. Отличительной особенностью словообразования внутри общей системы языка является наличие связей со смежными («соседними») подсистемами:

а) словообразование – основное средство создания номинативных единиц языка, которое «работает» на лексику и поэтому независимо от нее;

б) для построения новых слов словообразование использует арсенал средств, подобный тому, который используется для построения словоформ, этим объясняется близость словообразования и морфологии [Земская, 2004: 100];

в) структура производного слова может быть уподоблена синтаксической конструкции, поэтому словообразование некоторыми своими чертами подобно синтаксису и сближается с ним, не даром

в последнее время говорят о синтаксисе морфем (*гипосинтаксисе*) [см. напр. Skalička, 1970].

Несмотря на разнообразие мнений лингвистов о статусе словообразования в языкознании, можно утверждать, и многие лингвисты согласны с этим, что предмет данной науки до настоящего момента не получил достаточного внимания ни у ученых, работающих в сфере дескриптивной грамматики, ни у представителей общей лингвистики [см. Тюрина, 2006].

В. Адамс указывает, по крайней мере, на две основные причины того, почему предмет словообразования в течение довольно продолжительного времени не входил в сферу интересов многих лингвистов: во-первых, его связь с экстралингвистическим миром предметов и понятий, где слова служат средством наименования; во-вторых, его сомнительное положение между дескриптивной лингвистикой и историческим языкознанием [Adams, 1973].

Продолжая рассмотрение истории изучения деривационных процессов, отметим наличие нескольких подходов. Так, двумя основными и традиционными *направлениями* анализа изучаемого материала в дериватологии являются:

- *описательное* или *дескриптивное* (главным образом связанное с *синтагматическим* аспектом образования новых лексических единиц), в центре внимания которого находятся отношения между производящей и производной основами, выявляется специфика их морфемной и словообразовательной структур;
- *парадигматическое*, в рамках которого освещаются такие вопросы, как определение и описание типов словообразовательных значений, отношения между словообразовательными средствами, а также теория наименования.

Говоря о *функциях* словообразования, ученые выделяют:

- *дискурсивную* (текстообразующую);
- *системно-ориентирующую* функции (Е. С. Кубрякова) [см., напр., Кубрякова, 2000; Кубрякова, 2001];
- *компрессивную*;
- *конструктивную*;
- *собственно номинативную*;

- *стилистическую*;
- *экспрессивную* функции [см. напр. Земская, 2004];
- *адаптирующую* – управляет процессами систематизация и адаптации заимствованной лексики к лексической и словообразовательной системам заимствующего языка;
- *эмоционально-прагматическую* – в различных типах дискурса;
- *игровую* функцию (в частности, неузального) словообразования.

Обзор истории зарубежной лингвистики свидетельствует о формировании различных подходов к изучению языка и языковых структур, которые были впервые классифицированы Ф. де Соссюром как *синхронные*, предусматривающие рассмотрение состояния языка как установившейся системы в определенный момент времени, и *диахронные*, подразумевающие рассмотрение в качестве предмета лингвистического изучения историческое развитие тех или иных языковых явлений и языковой системы в целом. Таким образом, хотя некоторые ученые, например, О. Есперсен [Jespersen, 1942], сумели объединить синхронный и диахронный подходы к изучению процессов деривации, большинство лингвистов рассматривали словообразование исключительно либо с точки зрения *синхронии* [см. напр. Bloomfield, 1935], либо с точки зрения *диахронии* [см. напр. Koziol, 1937]. Данное разделение подходов повлияло на последующее развитие лингвистического учения, в частности, на изучение словообразования, где наиболее продуктивным является учет как данных синхронии, так и диахронии.

В 1960 году вышла книга Г. Марчанда «Категории и типы современного английского словообразования» («*The Categories and Types of Present-Day English Word-formation*») [Marchand, 1960], описывающая словообразовательные процессы в английском языке в рамках как синхронного, так и диахронного подходов. Основываясь на достижениях в сфере изучения словообразования и придерживаясь структуралистских традиций, Г. Марчанд разработал свою собственную, оригинальную теорию на основе использования солидного объема эмпирического материала, с глубоким анализом отдельных деривационных процессов и многочисленными примерами.

«Категории и типы современного английского словообразования» обозначили переломный момент в истории исследования процессов деривации во многих языках, главным образом, благодаря двум фактам: 1) в ней были определены границы словообразования как самостоятельной лингвистической дисциплины; 2) в ней были даны полные и системные пути решения многих фундаментальных проблем словообразования в английском языке.

Вместе с тем существует точка зрения, что словообразование является всегда диахронным [Трубачев, 1976], однако фактически опровергаемая тем, что теория словообразования может предсказывать появление новых слов и условия такого появления, а также выявлять правила, по которым говорящий создает новые производные и сложные слова в синхронии, т. е. на данном этапе развития языка. Установка на экспланаторность в исследованиях языковых явлений подразумевает объединение данных синхронических отношений и диахронических изменений словаря. По справедливому мнению В. А. Плунгяна, при таком подходе происходит преодоление негласного запрета на «использование данных истории языка при синхронном анализе: ведь, в конечном счете, постоянное изменение языка является одной из существенных особенностей его функционирования, поэтому полное описание языка должно учитывать и диахронические аспекты» [Плунгян, 1998: 325].

История изучения деривационных процессов – не только эволюционный, но и революционный процесс. Так, в 1957 году произошла так называемая «хомскианская революция», связанная с публикацией книги Н. Хомского «Синтаксические структуры» [Chomsky, 1957], которая также явилась одним из источников возникновения *когнитивной науки* [Бейлин, 2010: 15]. В трансформационной генеративной грамматике не было места словообразованию, т. к. в ней изучались структуры фраз и предложений, хотя последние, с точки зрения данного подхода, состояли не из слов, а из морфем. Слова как таковые в действительности не играли особой роли. Р. Лииз [Lees, 1960], один из сторонников *трансформационной* порождающей грамматики, рассматривал возникающие в языке слова не как отдельные языковые единицы, а как особые типы «вложенного

предложения» (*embedded sentence*). Р. Б. Лииз в своей работе «Грамматика английских номинализаций» («*The Grammar of English Nominalizations*») попытался дать детальное описание «правил, которые потребуются в английской грамматике для обеспечения правильного образования всех грамматических предложений, характеризующихся различными видами компонентов именных конструкций» [Lees, 1960: 113]. Несмотря на то, что работа была главным образом посвящена вопросам синтаксиса, она дала толчок многочисленным и противоречивым дискуссиям по ряду проблем словообразования и стала основой для развития трансформационной теории.

Включение морфологии в учение порождающих грамматик было обозначено позднее в статье Н. Хомского «Заметки о номинализации» (1970) («*Remarks on Nominalization*») [Chomsky, 1970], что и положило начало так называемой лексикалистской гипотезе, в основе которой лежит исключение словообразовательной морфологии из синтаксиса и рассмотрение словообразовательных правил как неотъемлемой части лексикона. Н. Хомский выявил некоторые лексические закономерности с точки зрения «лексических правил»; эти правила отличались по своей природе от трансформационных правил построения предложения. По мнению ученого, лексические правила – это «правила избыточности», т. е. такие, которые выявляют закономерности в лексических элементах [Chomsky, 1970]. По утверждению К. П. Моханана, это «было началом признания того, что структура слова и структура предложения не подчинялись одному и тому же ряду принципов и что они принадлежали различным разделам грамматики» [Mohanana, 1986: 4].

Книга В. Адамс «Введение в современное английское словообразование» («*An Introduction to Modern English Word-formation*») (1973), по словам самого автора, не привносит никакой новой словообразовательной теории и «главным образом связана с данными и с классификацией данных» [Adams, 1973: vii]. Однако книга отражает ясное понимание сложности проблем английского словообразования и предоставляет их оценку, основанную на фактических данных. Работа представляет собой систематический и углубленный анализ основных деривационных процессов в английском языке с

выделением семантического принципа в качестве основного, который и призван стать основанием изучения словообразования.

Говоря об истоках когнитивной дериватологии, нельзя не отметить значительный вклад отечественных лингвистов, чьи исследования сыграли большую роль в попытках создания модели языковой деятельности, в центре которой стоит человек и его познавательный потенциал.

В последнее время появляются и развиваются новые подходы к описанию словообразовательных процессов и единиц – ономазиологический (Арутюнова Н. Д., Беседина Н. А., Кубрякова Е. С., Харитончик З. А. и др.), гнездовой (Араева Л. А., Евсеева И. В., Земская Е. А., Осадчий М. А., Тихонов А. Н. и др.), фреймовый (Косырева М. С., Резанова З. И. и др.), словообразование в модели «Смысл ↔ Текст» (И. А. Мельчук) и др. Как следствие, в современной дериватологии отсутствует единство в применении понятийно-терминологического аппарата и методик анализа.

Отмечая подлинно когнитивную природу номинативной функции словообразования – функции «ословливания и означивания мира», Е. С. Кубрякова подчеркивает ее связь с «выделением и фиксацией средствами словообразования новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах познания и оценки мира» [Кубрякова, 2004: 407].

В отечественной лингвистической науке в рамках системно-структурной парадигмы широко применялся словообразовательный анализ, который направлен на выделение непосредственно составляющих компонентов слова – производящей основы и словообразовательного форманта, и на установление и описание словообразовательных моделей как типичных структур, обладающих обобщенным лексико-категориальным значением.

Толчок разработке идей когнитивизма в дериватологии как раз и дали вопросы, поставленные в рамках системно-структурного подхода в теории словообразования, а именно исследования:

- словообразовательных типов (Араева Л. А., Арутюнова Н. Д., Бондарко А. В., Иванов В. В., Лопатин В. В., Улукханов И. С., Шведова Н. Ю., Янценецкая М. Н., и др.),

- словообразовательных гнезд и парадигм (Араева Л. А., Евсеева И. В., Земская Е. А., Морозова Т. С., Осадчий М. А., Тихонов А. Н. и др.),
  - словообразовательных категорий (Крушевский Н. В., Богородицкий В. А., Докулил М., Манучарян Р. С., Земская Е. А., Улукханов И. С.)
  - словообразовательных полей (Загоруйко А. Я., Р. С. Манучарян, Е. В. Муругова, О. Г. Ревзина, Е. А. Редкозубова и др.).
- Утверждению идей когнитивизма в дериватологии послужили:
- исследования деривационных процессов в ономасиологическом аспекте (Н. Д. Арутюнова, Н. А. Беседина, Е. С. Кубрякова, З. А. Харитончик);
  - изучение процессов порождения новых слов с точки зрения пропозитивных основ формирования словообразовательной семантики (Л. А. Араева, М. А. Осадчий, Ю. Г. Панкрац, З. И. Резанова, М. Н. Янценецкая и др.);
  - создание методик фреймового моделирования (З. И. Резанова, М. С. Косырева и др.).

Изучение словообразования с точки зрения ономасиологии было начато еще М. Докулилом, который утверждал, что создание производного слова – это подведение обозначаемого под одну из базовых категорий человеческого опыта, формирующих, по его мнению, ономасиологическую основу обозначаемого [Dokulil, 1962]. При этом последнему приписывался определенный именуемый признак, формируемый основой мотивирующего слова. По мнению М. Докулила, суффикс выражал ономасиологический базис, а основа являлась выразителем признака.

Дальнейшее изучение ономасиологического словообразования в отечественной лингвистике продолжила Е. С. Кубрякова. В результате разработки концепции М. Докулила ею был выделен третий компонент ономасиологической структуры производного слова – *ономасиологический предикат*. В рамках такого подхода описание семантики дериватов типа *пианист*, *стилист*, *сценарист* требует восстановления предиката с ономасиологическим признаком (*играть на пианино*, *создавать стиль*, *писать сценарий*). То есть,

речь идет об образно-смысловом восстановлении конкретной действительностной ситуации использования этих дериватов в ходе общения. А «ономасиологический предикат» – это системно-смысловое качество, выраженное через один из элементов этой ситуации.

Пропозициональные основы формирования словообразовательной семантики также являются предпосылкой создания новой парадигмы изучения дериватологии. Концептуальная структура лежит в основе семантики производного слова и имеет вид пропозиции. Е. С. Кубрякова утверждает, что «словообразовательные модели разного типа можно рассматривать как формулы регулярной свертки пропозициональной структуры», актуализируемой производными словами [Кубрякова, 2004: 412]. Именно когнитивная схема и есть «формула регулярной свертки» и развертки содержательного сообщения. У большинства словообразовательных моделей есть сходные модели в системе репрезентации знаний. Производная семантика в сжатом виде репрезентирует определенную пропозицию с рядом элементов, связанных синтаксическими позициями и отношениями, которые могут быть множественными, что находит отражение в идеях о множественности мотивирующих суждений и полимотивации. Категории падежной грамматики, которые начали применяться Е. С. Кубряковой в отношении деривационных явлений, позволили в дальнейшем рассматривать пропозицию в качестве первостепенной единицы анализа семантики производного слова.

В целом, ономасиологический и пропозициональный подход и полученные на их основе лингвистические данные подготовили почву для возникновения и развития когнитивного подхода в изучении производных слов и обеспечили «доступ» к изучению глубинных структур дериватов. На современном этапе когнитивная научная парадигма в лингвистике становится все более популярной, и опыт когнитивных исследований в данном направлении быстро накапливается.

Ономасиологическое направление в анализе языка, формировавшееся с начала 70-х годов прошлого столетия, стало причиной немалого интереса лингвистов к важности человеческого фактора

в языке, и такой подход успешно сочетает в себе когнитивную ориентацию анализа с коммуникативной. По мнению З. И. Резановой, в языковой онтологии когнитивная и коммуникативная функции «существуют в неразрывном единстве, взаимно обуславливая друг друга: любая коммуникация когнитивно детерминирована, а человеческая когниция глубинно коммуникативна» [Резанова, 2010: 196–197].

Из всех направлений когнитивных исследований наибольший интерес для нас представляет изучение процессов производства и интерпретации слов естественного языка, а также положений языковой категоризации. Новая парадигма позволяет не только формально интерпретировать словообразовательные процессы и модели, но и более широко трактовать семантическую составляющую, а именно показать, как категориальные смыслы субкатегоризируются посредством привлечения словообразовательных средств, находят выход в новых номинативных единицах, единицах вторичной номинации. Как справедливо отмечает Н. А. Беседина, сами морфологические формы уже служат «отправной точкой для создания языковой единицы, в основе которой лежит концептуальное содержание, подвергнутое изменению по определенной модели с целью формирования нового смысла» [Беседина, 2012: 363].

В целом, изучение словообразования в рамках когнитивной науки о языке предусматривает многоплановость и представляет собой ярко выраженный предмет междисциплинарных исследований, эффективность которых подтверждена фактами из проведенного нами анализа истории изучения процессов деривации. Такой подход призван рассмотреть все типы знаний, отражаемых в языке и приобретаемых в ходе того или иного вида познавательной деятельности человека, и – среди прочего – выявить, каким образом в структуре простого и производного слова реализуются сжатие, развертывание и детализация информации. Словообразование может и должно рассматриваться на уровне семантики, через процессы обработки и переработки, кодирования и декодирования информации об окружающем мире, в масштабе формирования языковой картины мира в целом.

Актуальным в исследовании словообразовательных процессов в русле когнитивного направления представляется выявление связей между словообразовательными средствами и репрезентируемыми ими структурами знаний человека с учетом динамики тех когнитивных процессов и предметно-практической деятельности человека, в ходе которых эти знания формируются и модифицируются. Решение данной задачи способствуют комплексному исследованию и описанию отражения в словообразовательных парадигмах закономерностей ментальной деятельности как конкретной языковой личности, так и целого языкового сообщества.

Необходимость углубленного рассмотрения процессов словообразовательной категоризации вызвана целым рядом обстоятельств:

- потребностью в изучении данных явлений с целью выявления главных признаков системы словообразования как таковой, служащей объективизации структур знания, их хранения и их использования в дискурсивной деятельности [Кубрякова, 1988: 142];
- обнаружением существующей диалектической связи между законами логического функционирования языка и законами работы человеческого мышления;
- возможностью соотнесения языковых форм с различными форматами знания, которые данные формы объективируют, поскольку в языке в сжатой форме присутствует весь набор не только дискурсивных, но и семантических мыслительных операций – кодификационных, декодификационных и интерпретационных.

Данные обстоятельства обуславливают необходимость перестройки методологии изучения словообразования с опорой на когнитивный подход, который призван расширить наши знания и взгляды на процессы словотворчества, включая многоаспектный человеческий фактор, возможность фиксирования и передачи информации в постоянно изменяющемся мире, понимание причин востребованности тех или иных словообразовательных моделей и средств, а также осознание тех культурно-обусловленных задач, которые ими выполняются.

Как уже отмечалось выше, в настоящее время корпус работ, рассматривающих словообразование в этом контексте, постоянно растет. В современной науке появляются работы о когнитивных основах деривационных процессов (Л. В. Бабина, Л. М. Зайнуллина, Е. М. Позднякова); о морфологических способах выражения концептуального содержания и формирования смысла (Н. А. Беседина); о метафорических отношениях деривационных процессов (З. И. Резанова); о когнитивной природе комплексных единиц словообразования, авторы которых рассматривают таковые как ментально-языковые категории, выступающие в роли способов познания мира (Л. А. Араева, И. В. Евсеева, Н. В. Крючкова, М. А. Осадчий) и др.

Эти исследования позволяют сформулировать некоторые методологические принципы исследования словообразования в когнитивном аспекте. В работе Е. М. Поздняковой (1999) суммируются достижения в области когнитивной дериватологии и приводятся ее принципы: «принцип языковой репрезентации человеческого опыта через призму человеческой деятельности» [Позднякова, 1999: 32]; признание «ведущей роли пропозициональных структур как форматов хранения знаний для однозначных производных слов» [там же]; учет психологии восприятия, реализуемой в выделении фона и фигуры в мысленном представлении ситуации; «признание словообразовательного моделирования как категоризирующей деятельности» [там же], а словообразовательных моделей как порождающих эталонов для образования производных; развитие подкатегорий внутри словообразовательных моделей, что обуславливает наличие различных словообразовательных значений внутри одной модели; действие «экологического аспекта человеческого мышления, в соответствии с которым ход концептуализации нового значения не является прогнозируемым, но и не может быть производным» [Позднякова, 1999: 32–33].

Остановимся более подробно на отдельных принципах когнитивного подхода к изучению словообразовательной категоризации и дополним их некоторыми положениями.

1. Словообразовательная категоризация понимается не просто как процесс рождения нового слова, но и как обуславливающий

его процесс образования новых смыслов. Появление нового слова означает не столько факт формального расширения словарного состава языка, сколько рождение нового средства закрепления смысла или смыслов в слове. Данное явление представляет собой динамический процесс изменения человеческих предпочтений в культуре, означает появление «новой значимости» в системе человеческих ценностей: практической, логической, эстетической, физической и др. Следовательно, человеческий язык, используемый в социальной практике, имеет не двойственную (знак – значение), а тройственную структуру (знак – значение – смысл), в которой одно и то же формальное значение может иметь разный смысл в зависимости от ситуации употребления знака. Обнаружение таких смыслов в производном слове предполагает обращение, в том числе, и к глубинным, деятельностным структурам культуры и знания.

2. Мы считаем, что процессы словообразовательной категоризации должны рассматриваться с учетом человеческого фактора, а образование слова является результатом активного взаимодействия познающего субъекта и предмета познания. В рамках этой парадигмы признается, что отношение в паре «субъект – предмет познания» является взаимоактивным: предмет познания столь же активен, поскольку ограничивает как характер, так и метод проведения исследовательского процесса. Результат этого взаимодействия и закрепляется в языковом знаке «за соответствующим звуко сочетанием, которое в знаке становится его означающим» [Алефиренко, 2006: 47].

3. Исследование словообразовательной категоризации требует взаимодополнительности синхронического и диахронического подходов. Для нас важным является тот факт, что вхождение нового слова или значений в язык и их закрепление в языке обусловлено множеством как экстралингвистических факторов (появление новых когний, указывающих на возникающие объекты и явления реальной действительности; задачи терминологизации; тенденция к экономии и унификации языковых средств, необходимость в новых языковых средствах экспрессивности и др.), так и лингвистических: функциональная целесообразность, критерий правильности,

частотность употребления слова [Миськевич, Чельцова, 1970] и др. Такой комплекс обнаруживает единство и, в то же время, различие диахронического и синхронического аспектов словообразования, их роли в функционировании языка. Если диахронический аспект делает акцент на фиксации процессов превращения одних лексических единиц в другие, то синхронический аспект словообразования изучает отношения между существующими единицами на определенном этапе функционирования языка и отражает системный характер словообразования, в котором оно представлено как многомерная иерархическая организация, формируемая сложной сетью оппозиций различных единиц и структур. Такой комплексный подход позволит представить деривационные процессы как часть глобальной коэволюционной системы «язык – природа – человек – общество – деятельность – общение – культура».

4. В процессе словообразовательной категоризации действительности производное слово выступает центральной единицей, занимающей позицию между элементарными и комплексными единицами и связанной с ними множеством отношений. Такое уникальное положение производного слова в словообразовательной системе предоставляет ему возможность выступать медиатором словообразовательных отношений, т. е. оно наделено способностью, с одной стороны, сохранять, удерживать первоначальный смысл, а с другой стороны, «запускать» процесс появления новых смыслов. При таком ракурсе производное слово выступает результатом сворачивания бесконечного количества определений, умозаключений, высказываний в компактную форму, задаваемую правилами и законами того или иного языка. С позиций дискурс-анализа словообразование подчиняется трем главным требованиям эргономики: простоты, экономии средств и эффективности. При этом имплицитные смыслы или прототипические значения производного слова обладают разной степенью предсказуемости. Исходное же слово – начало всех дериваций – можно назвать «когнитивным порождающим архетипом».

5. В нашем исследовании производное слово – это не только единица «извлечения, систематизации и хранения знаний человека

о мире» [Кубрякова, 1998 и др.], но также средство фиксации результатов избирательного характера человеческого мышления. Без учета данной фиксации мы оказываемся при исследовании словообразовательных процессов вне поля человеческого опыта, а целиком остаемся в сфере абстрактной и формальной лингвистики. Все вышеперечисленные факты позволяют трактовать производное слово как мотивированный знак, характеризующийся двойной референцией: «к миру предметному, фрагмент которого оно обозначало, и к миру слов, который и послужил его источником» [Кубрякова, 1988: 152].

6. В данной монографии мы исходим из принципов антропоцентрического миропонимания, в основе которого лежит методологическая установка на распознавание и описание скрытых от наблюдения конструкторов и механизмов познавательной деятельности человека с позиции самого человека. Ученые приходят к пониманию, что интеллектуальные процессы человека не могут быть целиком и полностью сведены к «универсальным законам человеческого мышления»: большая часть интеллектуальных задач решается человеком с опорой на имеющиеся у него знания и опыт, в т. ч. и повседневности. Когнитивные структуры, порождающие смыслы, складываются в рамках и под влиянием приобретаемого жизненного, практического опыта человека, использующего язык (экспериментализм). Мышление, порождающее смыслы, включает в себя (кроме логических действий) внелингвистические факторы (культурные архетипы, ситуативные оценки, смысловые преобразования, интуитивные прозрения, эмоциональные переживания, социально-психологические стереотипы и др.). По мнению А. В. Кравченко, лингвистические исследования, игнорирующие особенности «(а) человеческого восприятия и эмоционального состояния, (б) накопленного в процессе жизни эмпирического опыта, влияющего на восприятие и интерпретацию, и (в) характера (физической, социальной и языковой) среды, в которой протекает жизненный процесс и которая в значительной степени предопределяет качество приобретаемого опыта, будут продолжать накапливать фрагментированное знание, не приближая нас к синтетизму в понимании феномена жизни и познания» [Кравченко, 2004: 49].

Очевидно, что нельзя пытаться исследовать когнитивные аспекты лингвистической науки, не учитывая данные двухтысячелетней истории антропологизации знаний о мире и человечестве. Современная лингвистической науке необходимо, *во-первых*, избавиться от засилья формалистических приемов, которыми так увлеклись когнитивные лингвисты первого поколения, забыв о человеке с его живым чувственным опытом и прагматическими языковыми установками; *во-вторых*, объяснить и описать языковые феномены в аспекте их обусловленности существованием и деятельностью человека в культуре.

Исходя из вышеизложенного словообразовательная категоризация не представляется формальной процедурой, обеспечивающей номинацию новых понятий и позволяет учитывать подлинно человеческую природу мышления, а именно:

- роль эмоциональной составляющей ментальных процессов (emotion challenge);
- наличие существенных различий в умственных способностях людей, способностях восприятия мира (the consciousness challenge);
- роль физических характеристик окружающего мира (the world challenge);
- необходимость учета телесного базиса в ментальных процессах (the body challenge);
- социальную обусловленность мыслительной деятельности (the social challenge);
- динамическую природу мысли (в противовес вычислительной) (the dynamical systems challenge);
- математические доказательства невозможности просчитать стандарты мышления (the mathematics challenge) [см. Dreyfus, 1992; Searle, 1992;].

К этому можно добавить прагматические особенности смысловых преобразований, имеющих место при разных режимах человеческого общения: спорах, конфликтах, переговорах и т. д.

1.2. Словообразовательная категоризация как отражение основных когнитивных процессов языковой личности

На закате 20 века стало понятным, что без исследования природы человека невозможно подойти к решению ни одной лингвистической задачи и, наоборот, язык дает ключ к пониманию сущности человека. Выдвижение понятия «личность» на первый план в современных науках является результатом изменения направленности парадигмы научного знания в сторону антропоцентризма, гуманитарного мышления, которое трактует человека «как квинтэссенцию мира», что означает – по М. М. Бахтину – «мышление о человеке как субъекте культуры» [Библер, 1991: 113]. М. М. Бахтин считал, что и материальное, и духовное, несмотря на их разную природную сущность, только в слове находят выход на говорящую личность: «Вещь, оставаясь вещью, может воздействовать только на вещи же; чтобы воздействовать на личности, она должна раскрыть свой *смысловой потенциал*, стать словом, то есть приобщиться к возможному словесно-смысловому контексту» [Бахтин, 1979: 366]. Антропологический подход позволяет исследовать процессы культуры, познания, коммуникации с позиций человеческого фактора и когнитивной деятельности, в которой языковая личность как познающий субъект раскрывает свой языковой потенциал (в его рациональном и иррациональном аспектах).

Производные единицы рассматриваются как элементы языка, образованные в результате вторичной номинации, они являются продуктом семантической модификации исходного значения производящей единицы в результате конструктивной мыслительной деятельности человека, словообразовательной категоризации. Из 30

этого вытекает необходимость отказа от односторонности и неполноты традиционного морфограмматического, формального анализа словообразования, когда связь между основой и дериватом анализируется в рамках только структурных единиц и моделей. Словообразовательные процессы обусловлены ценностными, культурными и мировоззренческими установками конкретной личности, действующей в изменяющихся условиях. Из этого вытекает необходимость исследования словообразования в рамках антропоцентрического и деятельностного подходов, предполагающих обращение к понятию языковой личности (далее ЯЛ) как субъекта лингвокреативной деятельности.

Работы, посвященные исследованию «*homo loquens*», являются чрезвычайно многоплановыми. Основы учения о языковой личности содержатся в работах Аристотеля, И. Канта, Г. Гердера, В. Вундта, И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. фон Гумбольдта, М. Хайдеггера, Ф. де Соссюра, Р. О. Якобсона, В. В. Виноградова, Г. И. Богина, Ю. Н. Караулова и др. [см. подробнее Абросимова, 2012: 4-37].

На теории языковой личности повлияли идеи В. фон Гумбольдта, который трактовал язык как промежуточное звено между народом и объективным миром вокруг: «Язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека...» [Гумбольдт, 2000: 304]. Личность зависит и подчиняется языку в своем восприятии окружающего мира. Й. Л. Вайсгербер, продолжая традиции В. фон Гумбольдта, считал, что «как при любом использовании языковых средств, так и при введении какого-либо новшества говорящий ведет себя не как независимая личность, а как человек, сформированный с помощью языка (*sprachgebildet*)» [Вайсгербер, 2009: 84].

В русской лингвистике первые шаги в этой области сделал В. В. Виноградов, который отметил своеобразие функционирования языковых средств в творчестве автора художественного произведения: «Творчество писателя, его авторская личность, его герои, темы, идеи и образы воплощены в его языке и только в нем и через него могут быть постигнуты. Исследование стиля, поэтики писателя, его мировоззрения невозможно без основательного, тонкого знания его языка. Самый текст сочинений писателя может быть точно установ-

лен и правильно прочитан только тем, кто хорошо знает или глубоко изучил язык этого писателя» [Виноградов, 1959: 6].

В наше время вокруг термина «языковая личность» развернулась полемика о том, как именно следует его понимать [см. обзор Иванцова, 2010]. Главное различие подходов (чтобы не сказать – противостояние) – в определении ЯЛ через языковые структуры или – через живую речь.

К первому направлению относятся все переводчики и педагоги; ко второму – все теоретики-лингвисты; так что имеет место некое «двоевластие» (хотя и не равноправное). Так, Ю. Н. Караулов дает последовательно следующие определения ЯЛ: 1) «Наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов» и 2) «Совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью», 3) «Личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств», 4) «Любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [цит. по: Иванцова, 2010: 25–26].

Такая неопределенность свидетельствует о методологическом плюрализме. Так, исследователи определяют ЯЛ: через «дискурсные способности», через «языковые способности», «через оперирование смыслами», «через способность к кодификации»; в теоретико-семиотическом аспекте – как «многомерную, многоуровневую функциональную систему», как «устойчивую систему логико-лингвистических форм»; в социально-психологическом аспекте – как «динамическую систему, характеризующуюся особым соотношением различных параметров: духовного, душевного, интуитивного, рационального, сознательного, бессознательного, узуального, творческого,

потенциального, репрезентативного», как «совокупность социально-психологических и культурологических свойств человека, определяющих его способность к творческой текстовой деятельности»; в социологическом аспекте – как «индивид или как коллектив, пользующийся языком как базовым каналом коммуникации» [Иванцова, 2010: 26–29]. В. И. Карасик дает подробный обзор существующих теорий о типах ЯЛ [Карасик, 2002: 9–18]. Многообразие различных классификаций и описаний языковой личности обусловлено тем, что ЯЛ представляет собой ту сквозную идею, которая «пронизывает все аспекты изучения языка...» [Караулов, 2010: 3].

Представляется, что анализировать ЯЛ в самом общем виде можно, только если исходить не просто из психологических, социально-психологических или социологических характеристик, а деятельностных, т. е. рассматривать язык как средство решения тех или иных проблем личности через коммуникацию. Язык – это универсальное средство знакового выражения деятельности, а это значит, что именно из деятельности и надо исходить при квалификации и классификации личностей.

Становление языковой личности является сложным процессом и предполагает овладение языком, его лексикой, грамматикой, стилистикой, произносительной сферой и др., что создает внутренний образ мира в мировоззрении каждого человека, формирует его языковой потенциал в следующих онтологических ракурсах: априорных, предметно-практических, социокультурных, рациональных и иррациональных.

Необходимым условием развития языковой личности является наличие языкового пространства, где распространены априорные социальные нормы и типичные представления, выработанные общественно-исторической практикой и задающие параметры взаимодействия человека с миром. Удивительную приспособленность человека к миру на самых ранних этапах онтогенеза, когда непосредственная деятельность по активному приобретению знаний еще невозможна, трудно объяснить без апелляции к априорным формам познания, без исследования их механизмов. О наличии некоторого врожденного знания о мире рассуждали многие мыслители

ли прошлого¹. Возможность возникновения специфически человеческих когнитивных функций – понятийного мышления и использования языка – открывается для человека только по прошествии длительного процесса природной эволюции его животных предков. Ребенок в своем когнитивном развитии последовательно проходит этапы допонятийного мышления, где приобретает необходимые когнитивные способности, что является важнейшим фактором построения его когнитивного аппарата. И в дальнейшем поведение ребенка не могло бы так быстро адаптироваться к среде, если бы познание не опиралось бы в своих внутренних структурах на априорные когнитивные структуры (в том числе телесные), а стартовало бы, исключительно, посредством индивидуального опыта. Многими учеными признается, что «филогенетические приобретения являются необходимой базой, на основании которой только и возможно онтогенетическое развитие сугубо человеческих когнитивных образований, таких как, например, использование языка и понятийное мышление» [Баксанский, Кучер 2010: 59].

По нашему мнению, такая позиция может считаться продуктивной при условии признания ведущей роли предметно-практической деятельности, в которую включается ребенок уже на ранних этапах своего развития и которая предполагает интенсивную коммуникацию с окружающими людьми. Биологические способности, в первую очередь телесные и сенсорные структуры, позволяют человеку воспринимать окружающую среду и взаимодействовать с ней. При этом он выступает не пассивным субъектом отношений, а активной структурой, в деятельности которой можно выделить индивидуальные, социальные и национальные элементы содержания. Отсюда и целостное гармоничное формирование лич-

---

¹ Платон трактовал познание как «припоминание» индивидуальным сознанием того, что могла «наблюдать» душа, находясь в мире вечных идей; Дж. Локк, Д. Юм высказывали противоположную идею о том, что ум новорожденного есть *tabula rasa*, на которую социальная реальность наносит знания, добытые эмпирическим путем; И. Кант попытался интегрировать эти две позиции и постулировал существование некоторых онтогенетических априорных форм рас-судка, опосредующих индивидуальное познание и выступающих его схемами.

ности невозможно без развития ее языкового потенциала при учете как внешних факторов (социальная среда, национальная культура, профессия, образование), так и внутренних (природные задатки и психологический тип).

Ю. Н. Караулов выстраивает следующую, лингвоориентированную, модель социокультурной ЯЛ, исходя из фундаментальных оснований языка, которые позволяют всесторонне рассмотреть понятие «языковая личность» в ракурсе антропологического направления. Эти основания включают исторически обусловленный характер развития языка, психическую природу и системно-структурную основу его устройства, социально обусловленный характер его возникновения и употребления [Караулов, 2010: 15]. Эти качества лежат в основе следующей модели, представленной совокупностью трех уровней: – вербально-семантического; лингвокогнитивного и прагматического (мотивационного). Разграничение данных уровней Ю. Н. Караулов проводит на основе выделения типовых языковых единиц и отношений между ними, характерных для каждого из уровней: для *вербально-грамматического* уровня ведущими будут единицы, используемые при описании лексического и грамматического строя языка (слово, морфема, словоформа, дериват, синоним, словосочетание, синтаксема, управление, согласование и т. д.); для *лингвокогнитивного* уровня характерны единицы, организующие картину мира носителя языка и запечатлевающие «образ мира»: обобщенные понятия, крупные концепты, идеи. Языковая личность начинается, по мнению Ю. Н. Караулова, со второго, лингвокогнитивного (тезаурусного) уровня, когда «...в игру вступают интеллектуальные силы» [Караулов, 2010: 36]. Именно здесь проявляется индивидуальность языковой личности в выборе языковых средств, в тематическом создании текстов; для *прагматического* – единицы мотивационного уровня, обусловленные коммуникативными потребностями личности; среди них – контактоустанавливающая; информационная; воздействующая [Караулов, 2010: 53–54].

По нашему мнению, модель, предложенная Ю. Н. Карауловым, не дает исчерпывающей характеристики ЯЛ. Представляется необходимым выделение еще одного уровня, который назовем

физически-телесным. Возможность выделения данного уровня обусловлена тем, что, во-первых, телесная организация человека задает параметры и механизмы существования всех культурных форм, в том числе и языка. Во-вторых, человек имеет уникальный опыт телесного восприятия, который оказывает опосредованное влияние на многие языковые процессы, что является эвристичным для понимания, в том числе, и механизмов словообразовательной категоризации действительности.

Введенный нами в структуру ЯЛ уровень – *физически-телесный* – позволяет расширить исследовательские возможности природы лингвистических процессов путем включения знаний об архетипических структурах современного когнитивного аппарата человечества, сохраняющих связь с первичными телесными репрезентациями и которые «продолжают жить и в нашем языковом сознании, они регулируют, например, метафорические употребления. Архетипы и мифологемы создают основу языковой картины мира и всегда «держат» языковое сознание в зоне психолого-эмоционального воздействия, а современный наивный пользователь языка неосознанно продолжает жить прежними мифологическими представлениями и понятиями» [Абросимова, Богданова, 2011: 59].

Таким образом, в систему онтологических условий лингвокреативной деятельности входят условия социальные, культурные, коммуникативные, собственно лингвистические, информационные и др. Они создают внешнюю окружающую среду лингвокреативной активности человека. Кроме того, языковая личность обладает определенными природными биологическими и психологическими возможностями, способностями, ментальностью, что составляет внутреннюю среду лингвокреативной деятельности ЯЛ.

Исследования, учитывающие наличие и специфику этих внешних и внутренних условий, позволяют достигнуть наибольшей хронологической глубины, способствуют объяснению происхождения новых слов, определению утраченных ныне родственных связей между словами и восстановлению картины самых первых этапов развития человеческой речи. Важно отметить, что каждый из уровней структуры языковой личности обеспечивает реализацию

возможности и способности к словообразовательному конструированию. Познавательный опыт языковой личности, способность порождать новые знания и вербализировать их позволяют сформировать ее интеллектуальный и эмоциональный мир, и, таким образом, воздействовать на формирование картины мира, которая, в свою очередь, являясь целостным образом реальности, опредмечивает сознание личности в языковых формах. Язык в данном случае выступает посредником между личностью и картиной мира.

Когнитивные исследования в лингвистике направлены на раскрытие механизмов становления и закрепления коллективного знания и опыта в культурных ментальных формах, выраженных в языке. Такими взаимосвязанными механизмами являются *вербализация* (работа со словоформами), *концептуализация* (работа с понятиями, т. е. знаками и их значениями) и *категоризация* (работа со смыслами), изучение которых позволяет проследить, каким образом осуществляются ментальные процессы порождения, отбора, хранения и трансляции социально значимого опыта от поколения к поколению. Важно подчеркнуть тот факт, что анализ механизмов вербализации, концептуализации и категоризации может дать представление о том, какую роль в словообразовании играют словообразовательные архетипы, отражающие базовые системные основания человеческой деятельности, например, соматизмы и их производные, вербализующие познавательный опыт человека на базе телесного знания.

В контексте лингвистического анализа репрезентации когнитивных структур язык функционирует в коммуникативном пространстве в процессе вербализации концептов, являющихся единицами информационно-когнитивной системы языковой личности. Под *вербализацией* следует понимать многоуровневый и многокомпонентный механизм языковой репрезентации когнитивных структур других, неязыковых, уровней информационно-когнитивной системы [Болдырев, 2000; Воркачев, 2004; Алимуратов, 2010 и др.], осуществляющийся в виде речи или письма. Данный процесс характеризуется образованием устойчивой или окказиональной связи между сенсорно формируемым концептом и его вербализаторами, организованными в вербально-семантическую сеть, включаю-

щую в себя определенное количество разноуровневых компонентов («слово-образ»).

Процессы категоризации и концептуализации занимают одно из центральных мест в современных лингвистических исследованиях в связи с их огромной важностью и значимостью для человека. Язык выполняет глобальную роль в процессах познания мира и свидетельствует «как о накоплении и фиксации гетерохронной и гетерогенной информации, добытой человечеством тысячелетиями его существования и отработанной всеми органами чувств, так и информации, порожденной манипулированием уже вербализованными в концептуальной системе человеческого сознания и присутствующими в осознаваемом качестве концептами» [Кубрякова, 2006: 3]. Выявление форм и механизмов этого «манипулирования», его причин и мотивов и составляет предмет настоящего исследования.

По мнению Е. С. Кубряковой, «*концептуализация*» ориентирована прежде всего на членение потока информации и порождение новых смыслов, отражающих его осмысление»; «*категоризация* же направлена скорее на распределение полученной информации и ее подведение под уже существующие рубрики членения или же на установление новых, но уже на основе объединения концептов в более сложные группировки на более высоких уровнях иерархии» [Кубрякова, 2001: 191]. То есть, вербализация – это акт и процесс введения (новых) слов в речь и в язык; но это возможно только при наличии уже определившихся значений этих слов, которые (значения) возникают в процессе деятельности и общения людей.

Концептуализация – это отражение в языке новых смыслов, т. е. возникновение в нем новых концептуальных структур (или содержательных единиц знания), т. е. расширение всей концептуальной системы языка. Роль морфологической категоризации на данном этапе в том, что она «обеспечивает концептуальную сетку, каркас для концептуального материала, выраженного лексически, и в определенном смысле «обслуживает» лексику». Именно эта особенность в плане концептуализации и обуславливает взаимосвязь морфологии и лексики на уровне языка <...>. Такая взаимосвязь предполагает, с одной стороны, уточнение и конкретизацию категориальных значе-

ний в синтаксисе, а с другой – наличие скрытой грамматики как переходной зоны между собственно морфологическими категориями, и лексическими / тематическими группами, а также необходимость языкового, в смысле ориентированного на репрезентацию в языке, концептуального содержания» [Болдырев, Беседина, 2006: 6].

Процессы *категоризации* включены в любую человеческую деятельность, и представляется сомнительной возможность изолировать теорию категоризации от телесного, социального, индивидуального, культурного, этнического опыта. Соответственно, основу когнитивного подхода к анализу языковых форм составляет процесс их корреляции с данными эстетического, обыденного, религиозного, научного, телесного, мифологического опыта и порожденного им знания. В рамках когнитивного подхода под категорией нужно понимать не просто схему классификации признаков объектов (т. е. значений терминов), оторванную от ситуации ее применения, а совокупность, систему именно ситуативных, кодифицируемых в языке, факторов построения (для передачи) и реконструкции (для понимания) систем смыслов. Категоризация – это интеллектуальная деятельность по выстраиванию таких систем, в виде неких образов, и их кодификация в языке [Лакофф, Джонсон, 2004: Глава 14].

Современные концепции *категоризации* включают три уровня: доконцептуальный (эмпирический, перцептивный, образный), концептуальный (практический) и научный (логико-понятийный) [Рябцева, 2005: 29]. В производном слове можно обнаружить результат движения человеческого мышления от базово-эмпирического до логико-понятийного уровня.

Базовый, *доконцептуальный* уровень предполагает категоризацию объектов и явлений окружающей действительности, включенных в предметно-практическое взаимодействие с человеком, на уровне образности. На этом этапе универсальный телесный опыт человека имеет первостепенное значение, который позволяет упорядочить фоновые, имплицитные знания, необходимые для перехода на следующий уровень – *концептуальный*. Этот этап характеризуется расширением и обогащением новым культурным знанием исходных базовых категорий, приданием им статуса концептов.

Этап концептуализации предполагает активную творческую деятельность языковой личности, чья познавательная активность характеризуется движением от абстрактного к конкретному и обратно, предполагает процессы анализа и синтеза. И уже концепт, как имеющая знаковое выражение содержательная структура, служит основанием для создания нового, выражающего его слова.

В словообразовании это ярко проявляется в расширении значений и появлении новых слов в результате деривационных процессов. Новые слова и новые значения в большинстве своем строятся на метафорических, метонимических переносах, на межкатегориальных трансформациях исходного значения в производное.

Третий, *логико-понятийный* уровень категоризации предполагает формирование наиболее обобщенных, абстрактных категорий, что обуславливает появление научных понятий и терминов. Данный этап связан с сознательным применением языка в процессе экспликации объективных «энциклопедических знаний». Э. Гуссерль обозначил переход от первого к третьему уровню как переход от «жизненного мира» к научному знанию.

Словообразовательный анализ исходных и производных единиц позволяет видеть и различать все уровни и этапы категоризации действительности¹. Анализ первых слов (слов основного словарного фонда) и их производных наиболее очевидным способом позволяет восстановить эти этапы человеческого освоения действительности. Путем семантической и морфологической деривации прототипическое знание, зафиксированное значением исходного слова, становится источником других видов знания, как о себе, так и об окружающей действительности, вплоть до формирования абстрактных понятий. Однако режимы словообразования значительно различаются. Так, на уровне обыденной конкретики словообразование осуществляется индивидом из чисто личных, т. е. случайных, мотивов, так что чаще всего такие новые слова быстро выходят из употребления и забываются. На концептуальном уровне происходит как бы общенародный отбор результатов ин-

---

¹ Реализуемые в таких формах, как образ мира, модель мира и картина мира.

дивидуального словообразования; наиболее выразительные и подходящие из них запоминаются и входят в лексикон. На третьем, категориальном уровне концепты подвергаются обобщению, т. е. конструируются (целенаправленно, как в науке, или стихийно) и сохраняются, в качестве выразительных средств, обычно только в субкультурах (научных и социальных).

Эти процессы можно проиллюстрировать. Так, например, в результате семантического проецирования «концепт-источник (соматизм) → концепт-цель (отсоматическое производное)» происходит постепенное исчерпывание семантического потенциала соматической концептуальной структуры, что проявляется в изменении общекатегориальной семантики производного слова (от предметности к признаку и процессу). Так, анализ семантики производных от лексем *heart* и *hand*, которые являются наиболее продуктивными в формировании производных единиц, показал, что категориально-грамматические семы, реализуемые производными с *heart*, представлены следующим образом: признак (*heartless, heartsick, hearty* и др.), состояние (*heartache, heartage, heartiness, heartsore* и др.), процесс (*to heart, to hearten*), лицо (*heartbreaker, hearty, heartthrob* и др.). При формировании производных с компонентом *heart* в большинстве случаев, реализуются 2 основные концептуальные структуры: квалитативность и состояние, обозначаемые абстрактными понятиями, связанными с душевным состоянием человека¹. Влияние исходного концептуального значения так же ярко проявляется в производных от англ. *hand* – *рука*, которые в большинстве своем характеризуются связью с прагматическим «инструментальным» значением мотивирующего соматизма. Категориально-грамматическими семами, реализуемыми производными с компонентом *hand*, являются: признак (*handless, hand, adj., handy, handsome, hand-made, hand-crafted, hand-reared*), процесс (*to hand, handplay*), мера (*handful, handbreath*), предмет (*handkerchief*). Производные с компонентом *hand* реализуют в основном два концептуализируемых качества: квалитативность и инструмент. Как видно, внутренняя форма произ-

¹ Антропологи отмечают, что во многих этнокультурах сердце ассоциируется с «вместилищем эмоций».

водной единицы содержит информацию как об исходных смыслах, зафиксированных и переданных мотивирующей лексемой, так и новых, приобретенных в результате словообразовательной трансформации.

Несмотря на некоторое исчерпывание семантического потенциала соматической концептуальной структуры, неологизмы в той или иной степени актуализируют семантику исходного соматизма. Ниже приведен ряд неологизмов, образованных от соматизмов, которые демонстрируют разную степень смысловой связи с производящей единицей. В части неологизмов связь с исходным соматическим концептуальным значением сохраняется и легко обнаруживается даже на уровне обыденного сознания. Например, значение неологизма *out-of-body, adj.* – *внетелесный; имеющий отношение к астральному телу (в паранормологии)* легко восстанавливается путем обращения к данным чувственного опыта. Неологизм *brain*, обозначающий *компьютер*, дает нам представление о том, что под компьютером понимается машина, во многом способная выполнять мыслительные функции человека. При этом неологизм *superbrain* (*супермощный компьютер*) фиксирует тот факт, что современные компьютеры превосходят человеческий мыслительный потенциал. То же касается неологизма *ears (pl.)* – (*портативный радиоприемник (L20)*), обозначающего миниустройство, передающего звуковой сигнал для восприятия ухом человека, которое также является своего рода конструкцией, благодаря которой этот сигнал может быть воспринят. Неологизм *red-eye* имеет три значения: 1) ночной рейс (о перелете на самолете); 2) эффект красных глаз (при фотографировании со вспышкой); 3) (амер.) дешевый виски низкого качества. Если второе значение данного слова сохраняет более тесную пропозициональную связь с глазом как органом человека (эффект «красных глаз» от фотовспышки у людей возникает при фотосъемке), то первое и третье значения *redeye* такую явную связь не имеет, однако она легко восстанавливается путем обращения к *опыту* человека (ночной рейс часто является причиной недосыпания и, как следствие, красными глазами; дешевый виски низкого качества также является причиной покраснения глаз).

Некоторое количество неологизмов характеризуется менее явной смысловой связью (скрытой мотивацией) с исходным источ-

ником, которую невозможно обнаружить через прямое выявление смысловых корреляций между исходным и производным. Здесь требуется обращение к чисто логическим процедурам определения потенциальной пропозиционально-смысловой связи. Рассмотрим следующие неологизмы:

- (1) *finger* – человек, опознающий преступника или жертву (M20);
- (2) *skin* – (slang) (скинхед) (L20);
- (3) *handful* – (разг.) кто-либо или что-либо, создающее проблему, трудности.

Образование нового значения у слова (1) *finger* обусловлено заложенной в базовом соматизме семантикой, которая способствует реализации ситуации (слота), когда человек указывает при помощи (указательного) пальца на что-то или кого-то (в данном конкретном случае – на преступника или жертву).

Формирование значения неологизма (2) *skin*, обозначающего скинхеда, указывает на визуально-фиксируемый признак «побритый наголо», «голова, обтянутая кожей без волос», отличающий представителя особой субкультуры.

Значение неологизма (3) *handful* – (разг.) кто-либо или что-либо, создающее проблему, трудности) определяется в большей степени семантикой суффикса *-ful* (суффикс произошел от прилагательного *full* (полный)). Здесь налицо концептуальный блендинг, объединяющий семантику суффикса и существительного *hand*, которое ассоциируется с вместилищем (ср. *handful* – пригоршня).

Новое значение *backhander* (взятка, подкуп (M20), по нашему мнению, может быть описано как с опорой на данные чувственного опыта человека, так и с использованием логических умозаключений. «Рука за спиной» в данном случае означает необходимость сокрытия преступления «дачи или получения взятки» и ассоциируется с целым человеком.

В связи с тем, что грамматика (морфология, словообразование и синтаксис) фиксирует наиболее важную часть концептуальной информации разного уровня сложности, наиболее существенную с точки зрения выражения смысла, представляется необходимым остановиться на особенностях грамматической концептуализации.

Языку свойственно в своих грамматических категориях фиксировать те аспекты и характерные черты окружающего мира, которые видятся человеку наиболее регулярными и неизменными и «потому (они) с большей степенью обязательности и регулярности передаются в языковых формах» [Болдырев, 2007: 24]. Как следствие, грамматические категории концептуализируют мир в строго заданных параметрах, «допуская вариативность лишь в содержании самих этих параметров» [Болдырев, 2007: 25].

Особенностью словообразовательной категоризации является то, что словообразовательные категории подтверждают принцип членения всех пластов лексики по ее принадлежности к определенной части речи. Производные единицы дают возможность «увидеть, как была воспринята определенная реальия в мире “как он есть” – через отсылки к каким (исходным, мотивирующим) сущностям (объектам, действиям, качествам и т. д.) они были осмыслены и затем поименованы» [Кубрякова, 2006: 6]. Е. В. Муругова говорит о целой системе взаимодействия частей речи и способов их образования в лингвокреативной деятельности человека, отмечая, что семантическая структура мотивирующего слова «предопределяет возможности ее семантического развития и, соответственно, набор и характер производных значений слов. Наличие семантических связей и различий между мотивированными производными словами и их производящими основами обычно сопровождается наличием формальных различий между ними, которые проявляются в линейных способах словообразования эксплицитно, а в нелинейных способах имплицитно» [Муругова, 2007: 308].

Рассмотренные аспекты словообразования в качестве когнитивного инструмента функционирования языка необходимо дополнить широким, интегрированным видением его конструктивной роли. Так, словообразование прямо соответствует схеме вторичной номинации. При назывании нового предмета, явления, процесса в них выделяют один из признаков, который и представляет собой основу наименования. В отличие от семасиологического подхода – от формы к содержанию, ономазиологический анализ начинается с концепта и движется по направлению к форме, то есть лексическим единицам.

Он выявляет содержательную сторону языковых единиц, их концептуальную установку, то есть их отношение к внеязыковому концептуальному полю (*conceptual domain*) как языкового средства его обозначения. В основу наименования, как известно, необходимо положить такой признак, который уже назван в языке. В подавляющем большинстве случаев новое слово опирается на уже существующие в языке слова: слова без предшествующей истории, без «родословной» образуются чрезвычайно редко. Примерами таких созданий могут служить окказионализмы, названия торговых марок, приборов и др. Так, например, слово *Kodak* появилось благодаря создателю компании, занимающейся производством фотоаппаратов, Дж. Истману, который говорил, что это слово – всего лишь случайная комбинация букв, не являющаяся производным никакой другой единицы [Stockwell, Minkova, 2001: 5]. Но такое объяснение случайности комбинации букв в новообразовании – чрезвычайная редкость. Более часто новообразования «без истории» создаются в литературном творчестве отдельных писателей, большинство из них никогда не станут общеупотребительными единицами, а навсегда останутся характеристикой ментальной и эмоциональной сфер авторов, особенностей их мировосприятия и душевной организации [Абросимова, Богданова, 2011: 98]. Поэтому логично, что у каждого нового слова должен быть лексический предшественник – производящее слово. Ономаσιологический подход также позволяет объяснить, почему та или иная новая лексическая единица появляется и закрепляется в языке. Так, например, раньше английские слова *by* и *cause* стояли рядом, обозначая “*by reason of*” по аналогии с французским “*par cause de*”, затем они соединились в новое слово “*because*”, сохраняя свою исходную семантику в более экономичной структуре.

Итак, для получения языкового выражения когнитивных структур используются либо рекуррентные, либо окказиональные средства вербализации. Наряду с лексическими, фразеологическими и синтаксическими единицами, в данном процессе участвуют и механизмы словообразовательной системы, как системы факторов смыслообразования «смысло-образ») [см. в частности, Бабина, 2009; Борисенкова, 2007; Евсеева, 2012; Крючкова, 2004].

1.3. Словообразовательная категоризация в формировании и развитии языковой картины мира

Стремление осмыслить и описать частные и общие закономерности функционирования ЯКМ обусловлено все увеличивающимся интересом к отношению человека, как познающего субъекта, к окружающему миру. На современном этапе развития лингвистики языковая картина мира – это «часть концептуального мира человека, имеющая “привязку” к языку и преломленная через языковые формы» [Кубрякова 1988: 142]. Картина мира, выраженная в языке, – модель, некая «сетка» концептов, которую мы накладываем на мир. Она всегда двойственна: отражает коллективный опыт и индивидуальный, объективный и субъективный, т. к. включает собственный опыт человека как познающего субъекта, его нравственные идеалы, ценности, уровень культуры, ментальные характеристики, способы познания и рефлексии, индивидуальный лексический тезаурус и т. д. Но никакая ЯКМ не может быть абсолютно исчерпывающей; она постоянно модифицируется из-за того, что жизнь и деятельность, изменяясь, порождают новые явления и ситуации, требующие адекватного языкового выражения.

В процессе своего функционирования язык всесторонне взаимодействует как со структурой мышления – это логически упорядочивает структуру высказываний, так и с внешней средой, жизненными ситуациями – это требует прагматической регламентации речи. Влияние словообразования на процесс формирования и развития ЯКМ происходит благодаря универсальной многоплановости, полифункциональности и противоречивости языка как уникального феномена. Среди многочисленных и разнообразных

функций языка в процессе формирования ЯКМ важнейшими и первичными считаются именно лингвокогнитивные.

Ю. Д. Апресян, уделяя внимание различиям между наивной и научной картинами мира, отмечает важность и исключительность языковых фактов в реконструкции ЯКМ, под которыми он понимает языковые единицы разных уровней: лексемы, грамматические формы, словообразовательные средства, синтаксические конструкции, фраземы и др. [Апресян, 1995: 354]. Все эти языковые средства служат вербализации опыта человека, как индивидуального, так и коллективного. В процессе когнитивной деятельности, которая является классифицирующей, человек выбирает языковые средства, в т. ч. и словообразовательные, наиболее релевантные лингвокультурологическим особенностям своего сообщества.

Необходимо также отметить важную роль языковых новообразований в формировании ЯКМ. Производя и усваивая новые слова, человек не только расширяет свои знания о мире, но и служит проводником преемственности прошлого и настоящего, настоящего и будущего, языка «А» и языка «В». Появление новых единиц всегда обусловлено необходимостью заполнить лауну, дать наименование согласно потребностям и необходимости закрепить важную для этноса или его единичного представителя информацию (точнее – форму сообщения сведений). Так, например, специализация значений и образование терминов происходит наиболее активно в XVII–XIX веках, с развитием институализации научного знания, при этом английские термины, связанные, например, с морской профессией, архитектурой и строительством, появляются раньше других, что связано с более ранним освоением человеком этих сфер деятельности в британской культуре. Приведем примеры значений, возникших в результате отсوماتической семантической деривации: значение *body* – «корпус корабля» – зарегистрировано еще в ОЕ. В конце XV века *head* обозначает «переднюю, носовую часть судна», *hand* имеет значение «матрос» (M17), *foot* – «нижняя часть паруса» (M17); в середине XVII века *eye* обозначает «нос корабля»; *heart* обозначает юферс (морской термин).

Изучение процессов пополнения словарного состава того или иного языка позволяет выявить связь между динамикой когнитив-

но-словообразовательных механизмов и общими тенденциями языковой эволюции, а также изменениями в языковой картине мира. С одной стороны, человек, как творец языка, познавая новое вокруг себя, дает этому новому имя. С другой стороны, он сам «творится» языком: ведь язык детерминирует способ мышления с самого детства, поэтому правомерно говорить об активности языка как инструмента познания. Переосмысливая имеющийся опыт и объединяя его с новым, человек стремится к созданию новых форм выражения либо к замене ставших уже привычными или устаревшими лексических единиц. Еще в первой половине XX века Л. С. Выготский отмечал, что любой новый этап в развитии высших форм мышления возможен только с новым шагом в развитии содержания, ставящего перед мышлением более широкие задачи [Выготский, 1930: 327].

Производные слова своей словообразовательной структурой отражают те явления и объекты окружающего человека мира, которые имеют значимость и требуют номинации. Изучение дериватов, их значений, условий их появления способствует пониманию того, «какое концептуальное или когнитивное образование подведено под “крышу” знака, какой квант информации выделен из общего потока сведений о мире» [Кубрякова, 1993: 23]. Словообразование в таком понимании имеет большой потенциал возможностей выражения содержания. Наименование в языке новых понятий, так же, как и отмирание уже существующих, отражает диалектическую природу всего происходящего: зарождение, функционирование (взаимодействие и взаимовлияние), уход.

Давая имена новым явлениям либо заменяя уже существующие названия понятий, лексические единицы могут претерпевать различного рода трансформации: приобретать краткую форму, подвергаться метонимизации и метафоризации, терминологизации и ретерминологизации, заимствоваться полностью или частично из иных языков, отражать стремление своего создателя к индивидуализации и оригинальности (например, в создании окказионализмов), являться базой для дальнейшей деривации. Новые возможности коммуникации становятся причиной все более интенсивного

проникновения и взаимовлияния различных языков и подязыков. Изменения в языке наиболее очевидны при увеличении словарного состава языка, в развитии новых терминологических систем (организационно-деятельностных или теоретических), и, следовательно, новые лексические единицы играют существенную роль в формировании и изменении языковой картины мира.

Согласно Ф. де Соссюру, выделяется два момента в эволюции инноваций: момент появления инновации у отдельных лиц и момент ее превращения в факт языка, когда «она, внешне оставаясь той же, принимается всем языковым коллективом» [Соссюр, 2004: 14]. Нам представляется логичным говорить о следующих основных этапах в развитии новых значений и новых слов: зарождение, социализация, или, другими словами, специализация (освоение социумом), лексикализация (закрепление в языке) или отмирание. Мы предпочитаем термин «социализация», который, на наш взгляд, более точно отражает процесс освоения социумом наименования нового понятия, чем термин «специализация», который может обозначать более узкое направление, и может представлять собой еще один этап в развитии только ряда неологизмов.

Процессы номинации новых понятий можно представить в следующих временных цепочках, имея в виду успешность / неуспешность их вхождения в словарный состав:

1. новая когниция – репрезентация – именование – воспроизведение – социализация (специализация) – закрепление в качестве словарной лексической единицы;

2. новая когниция – репрезентация – именование – воспроизведение – осознание невостребованности – угасание – исчезновение.

В целом, причинами возникновения новых слов или других лексических единиц в языке являются следующие факторы:

- появление новых когний, отражающих новые объекты, факты и явления реальной действительности;
- задачи терминологизации этих новых когний для закрепления функции указания на новые объекты, факты и явления реальной действительности, а также для доступного информационного обмена;

- тенденции к экономии и унификации языковых средств (аббревиация, словосложение, конверсия, контаминация, инклюзия, заимствования и др.);
- необходимость в экспрессивно-эмоциональной выразительности (окказионализмы, заимствования, языковая игра и др.);
- языковая мода (заимствования);
- случайность (небрежность в речи, оговорки и т. п.).

Появление нового слова напрямую связано со степенью социальной потребности в той или иной лексической единице. Большую роль здесь играет присутствие «создателя» этой единицы: человека, группы, средств массовой информации и время, которое непосредственно связано с возникновением, становлением, течением, разрушением в мире [ФЭС, 2005: 77].

Примером может служить ораторский талант У. Черчилля, который, чтобы привлечь внимание к своей речи, заставить других его слушать, часто создавал слова, что называется, «сходу». При этом перед произнесением этих необычных слов он делал паузу: «*This act is a most [stutter-pause] unsordid one*» или «*These vile [stutter-pause] quislings in our midst will use the new word which will carry the scorn of mankind down the century*» [Humes, 2000: 150]. «Изобретенное» Черчиллем слово «*unsordid*» не зарегистрировано в словарях и на сегодняшний день, а слово «*quisling*» и его производное *quislingism* закрепились, возможно, после этого выступления британского премьер-министра.

Нам представляется возможным выделить следующие причины закрепления данной единицы в словарном составе. Прежде всего, важен сам исторический факт и эпоха, порождающие данное новообразование. Деятельность майора Квизлинга явилась примером такого вопиющего предательства, которое во время мировой войны не могло пройти незамеченным, не могло не вызвать негодования у честных защитников своих стран. Вторым фактором является сам «создатель» этого слова – харизматичный лидер, чьи речи повторялись и транслировались, брались за пример и использовались в качестве учебных материалов для подготовки политиков и ораторов. В-третьих, создание прецедента, т. е. данное слово и

его производные являются номинациями, к сожалению, не столь уж редкого явления. И, наконец, выделим собственно лингвистические факторы. В наименовании одним словом сложного явления действительности проявляется явное отображение тенденции к экономии языковых средств. Помимо этого, мотивированность новых значений в словах, образованных от имен собственных, довольно высока и определяется самим процессом номинации.

Таким образом, словообразовательная категоризация характеризует возможности и способности языковой личности не только отражать окружающий мир, но и формировать его посредством создания нового слова, изменения формы слова и(ли) варьирования его значения. В лингвокогнитивном ключе «словообразование следует рассматривать как систему обеспечения потребностей в выделении и фиксации особых структур (ментальных репрезентаций опыта и знаний человека), т. е. «упаковки» в языковые формы, отвечающие определенным формальным и содержательным требованиям» [Кубрякова, 2004: 393–394].

О связи когнитивной способности человека с созданием языковой картины мира говорит Е. С. Кубрякова, подчеркивая, что «вся жизнь человека непрерывно связана с языком. Он вплетен в наиболее важные для продолжения человеческого рода типы деятельности; наличие языка является конституирующей когнитивной способностью человека. Несомненно, наконец, и то, что он отражает опыт человека по взаимодействию со средой и что именно такой объективированный в языке опыт в своей совокупной целостности образует языковую картину мира» [Кубрякова, 2003: 32].

Одним из наиболее продуктивных методов исследования информации о связях между обществом и языком, мышлением и языком, является обращение к соматической производной лексике, которая, являясь дедуктивно выводимой универсалией¹, представляет

---

¹ Мы опираемся в данном случае на определение, данное Н. Г. Складовой: «Языковые универсалии – это категории, закономерности и структурные свойства языка, выполняющие идентичные функции в человеческом обществе» // Складова Н. Г. Альтернативность, как языковая универсалия. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006. – 284 с. – С. 13.

собой фрагмент наивной картины мира и в максимальной степени содержит связь с ранними формами культуры.

Анализ деривационных процессов и их результатов (производных слов) в диахроническом аспекте способствует выявлению социокультурных условий возникновения производного слова, а также определению области его референции и исследованию изменений в его семантике на разных этапах исторического развития общества. В доказательство данного тезиса можно привести несколько примеров.

Обратимся к английскому слову *headhunter*, изменения в семантике которого позволяют выявить различные культурные особенности, зависящие от эпохи и свойственной ей ценностной организации общества.

В некоторых первобытных племенах существовал обычай отрубать головы и снимать скальпы врагов в знак победы, возвышения над соперником. Вместе с отсеченной головой победившая сторона получала силу, бесстрашие, воинские добродетели, тем самым, преумножая свои собственные силы и ослабляя противника. Некоторые воины специализировались на подобной добыче, что и отражено в первом значении слова *headhunter* – *охотник за головами, скальпами*. Спустя время это явление признается варварским (хотя еще в начале 20 столетия существовали такие охотники в Балканском регионе) и постепенно исчезает либо остается только в затерянных племенах, оставшихся на этапе первобытности.

В середине XX века в США появляется проблема подбора высококвалифицированных кадров для организаций и компаний с целью повышения их конкурентоспособности. Данное явление стало источником нового значения слова *head-hunter* – *охотник за талантами, специалист по подбору высококвалифицированных кадров*. Охота теперь мыслится не в физической представленности, это слово приобретает переносное значение, да и «голова» символизирует интеллект. С расширением процессов глобализации проблема подбора квалифицированного персонала становится актуальной не только для англоговорящего сообщества, более того, новая профессия хедхантера становится весьма прибыльной, что

способствует инкорпорации нового значения слова в другие языки. Слова *headhunter*, *headhunting* в значении «охотник за профессионалами» заимствуются другими языками: ср. *рус.* транслитерированное *хедхантер*, *хедхантинг*, *нем.* *Kopffäger*.

Концептуальный блендинг, зафиксированный производным словом (*head + hunting*, *head + hunter*), является востребованным в разных социально-коммуникативных сферах. На современном этапе происходит постоянное расширение семантической емкости ряда единиц, у них появляются новые значения в связи с необходимостью именования новых, либо ставших актуальными событий. Словом *headhunter* теперь обозначают и того, кто дискредитирует или уничтожает своих противников в коммерческой или политической среде [<http://www.thefreedictionary.com/headhunting>].

Нами обнаружено несколько новых значений слова *headhunter*, еще не зарегистрированных словарями, но уже отмеченных в контекстах употребления. В бейсболе этим словом называют того игрока, кто старается попасть мячом в голову игроку-противнику, чтобы вывести его из игры:

«In the history of major league baseball there has been only one player who has died after being hit by a head-hunter, Indians shortstop Ray Chapman, who was hit by a beanball on August 16, 1920 and died twelve hours later».

(<http://www.flixya.com/blog/1022353/Etymology-101-Defining-the-Head-Hunter>).

Headhunter это также охотник за знаменитостями, стремящийся бывать в их обществе, а *headhunting* – «охота за знаменитостями»:

«Like a deranged lunatic so often portrayed in his telephone book-sized novels, my maniacal mother once interrupted an otherwise peaceful family vacation in Maine with celebrity headhunting her favorite author Stephen King, circa 1993» (<http://www.creators.com/lifestylefeatures/humor/the-usual-eccentric/celebrity-headhunting-in-bangor-maine.html>).

Возникновение нового социального явления обуславливает необходимость и в его именовании. В этом случае и проявляется связь с первичным значением слова, т. е. происходит постоянный процесс семантической деривации – появление новых значений у

существующих слов и морфологической деривации – формирование новых слов при помощи словообразовательных средств.

Если некоторое явление появилось в поле зрения человека, в поле его деятельности и бытия, является значимым для него, соответственно, это явление должно быть, в процессе его познания, названо, описано при помощи языка. Для этого необходимы такие языковые средства (инструменты), которые позволяли бы выразить именно те особенности этого явления, которые оказались особо важными, но еще неизвестными или незнакомыми в данной культуре. Наиболее информативным способом является уподобление этого нового явления уже известным и входящим в сферу данной культуры – через частичное сходство – качественное, структурное или/и функциональное. Тогда другой человек – реципиент сообщения, – даже при отсутствии полного описания нового явления, – может определить свое к нему практическое отношение, сначала – в самых главных моментах (опасно ли оно; в чем именно и в какой степени; полезно ли и в чем именно; нейтрально ли оно), а далее – во все больших и больших подробностях, связанных со структурой его практической деятельности (как именно его можно использовать; что можно с ним для этого сделать и т. д.). В процессе своей деятельности человек вовлекает в ее орбиту вещи, процессы, явления природного и социального мира, именуя их, тем самым, делая их узнаваемыми, привычными, т. е. «своими»: «Когниция организует в человеке смыслообразование и использование значений в рамках культуры, – делая значение общим достоянием людей, принадлежащих к этой культуре» [Демьянков, 1994: 25].

На современном этапе производная лексика играет большую роль в обогащении словарного состава языка. В приложении к 3-му изданию Словаря английского языка Вебстера [Webster's Third New International Dictionary, 1961] отмечается, что современный словарь включает гораздо больше производных, чем раньше. Если ранее заимствования представляли собой основной источник пополнения словарного состава английского языка, то в настоящее время они составляют лишь 7,5% всех слов, в то время как 4 тысячи из 6 тысяч слов, приведенных в приложении, являются производными.

Динамика развития ЯКМ также обуславливается подвижностью словообразовательной системы, ее «готовностью» быстро реагировать на потребности номинации, что реализуется в возникновении не только новых слов, но и новых средств словообразования. Анализ словарей новых слов (LRNW, DNW, OxDNW, DNW&M) показывает, что современный английский язык активно пополняется новыми словообразовательными средствами. Так, обнаружен целый ряд новых компонентов сложных слов (*combining forms*) в составе неологизмов современного английского языка: *burb* (*scrub-burb, car-burb*); *core* (*hardcore, grindcore*); *cyber* (*cyberart, cyberlaw*); *info* (*infosphere, infosystem*); *nega* (*negawatt, negademand*); *net* (*nethead, netsurfer*); *of-* (*Ofgas, Ofrail*); *tele-* (*telebanking, tele-shopping*); *tool-* (*toolset, tooltip*); *ware* (*donotware, careware*); *watch* (*foxwatch, stormwatch*). В словообразовательной системе английского языка также появляются новые аффиксы. Так, префикс *über-* заимствуется из немецкого языка со значением «*the ultimate form of the thing named*» и является фактически синонимичным приставке английского языка *super-* (*über-trick, übercharge, über-boomer*). Формируется новое значение суффикса *-on* для нейтрализации характеристик гендерного плана, которые свойственны суффиксам *-er* и *-ess* (*waitron – a person of either sex who waits on tables; waiter or waitress*), что ярко отражает актуальность гендерной проблематики современного мира.

Динамический характер словообразовательной системы языка доказывается не только анализом производных-неологизмов. Э. Пеннанен говорит о *постоянном* изменении словообразовательной системы, отмечая тот факт, что некоторые способы словообразования могут переходить с течением времени из разряда продуктивных в разряд непродуктивных и наоборот, некоторые модели, ранее имевшие высокую продуктивность, попадают в разряд малопродуктивных или непродуктивных, а спустя некоторое время их продуктивность опять возрастает [Pennanen, 1972: 295].

В современном английском языке постоянно изменяется степень продуктивности некоторых моделей словообразования. Так, модели суффиксального глаголообразования от субстантивных основ при помощи суффиксов *-ish, -le, -en* утратили свою продук-

тивность. В результате анализа словарей новых слов LRNW, DNW, OxDNW, DNW&M нами обнаружено 790 глаголов-неологизмов. Из них 63 глагола образовано способом суффиксации, что составляет 8 % от общего количества обнаруженных глаголов. Суффикс *-ize(-ise)* принимает участие в образовании 48 глаголов-неологизмов путем присоединения к субстантивным и адъективным производящим основам. Количество производных глаголов распределяется следующим образом: 29 глаголов образовано по модели $N + -ize(-ise) \rightarrow V$ (*to computerize, to colorize, etc.*), 19 глаголов – по модели $Adj + -ize(-ise) \rightarrow V$ (*to corporativize, etc.*). Суффикс *-(i)fy* присоединяется в современном английском языке только к субстантивным основам и образует 9 глаголов-неологизмов по модели $N + -(i)fy \rightarrow V$ (*to insonify, to technify, to yuppiefy, etc.*). Модели с суффиксом *-ate* заметно снизили свою продуктивность, и по ним образовано всего 6 глаголов-неологизмов (*to adenylate, to patriate, etc.*).

Следует отметить, что изменение степени продуктивности моделей и возникновение новых словообразовательных моделей обеспечивается необходимостью номинации все большего числа новых объектов и явлений, представляющих интерес для человека. Анализ специфики функционирования словообразовательных механизмов порождения новых языковых единиц дает возможность проникнуть в глубинные процессы, происходящие в языке и формирующие ЯКМ. Как отмечает В. Ф. Новодранова, словообразовательная система языка «предназначается для обозначения мира без всяких ограничений, она несет в себе большие потенциальные возможности. Человек не знает наперед, как будет развиваться человеческая мысль в познании материи и что ему надо будет обозначать отдельным словом» [Новодранова, 2008: 15]. Язык представляет собой протяженное во времени средство трансляции культуры. Е. Я. Режабек отмечает исторически определенный характер культуры, который «задает насыщенность языка тем или иным когнитивным содержанием. Именно межпоколенное общение закрепляет культурные смыслы и соответствующие им концепты за грамматикой и лексикой того или иного этноса» [Режабек, 2007: 271–272]. Таким образом, в языке отражено многообразие картин мира как совре-

менности, так и прошлых этапов развития того или иного этноса. Следовательно, изучение не только лексических новообразований определенного периода развития общества, но и их «строительного материала» – словообразовательных формантов и моделей – послужит описанию картины мира данной исторической эпохи. Таким образом, закрепление знаний и опыта об окружающем мире происходит при помощи словообразовательных средств, что приводит к изменению ЯКМ.

Не следует думать, что словообразование выступает как самостоятельный и сугубо формальный процесс, не связанный с национально-культурным контекстом. Нам показалось интересным отмеченное исследователями-лингвистами большее разнообразие уменьшительно-ласкательных суффиксов в славянских языках по сравнению с германскими. Здесь на первый план выступает снова «дух народа». Однако роль словообразовательной категоризации в формировании национальных ЯКМ еще не достаточно описана в лингвистике. Имеются единичные работы, посвященные разработке данной проблемы. Некоторые дериватологи в своих работах подчеркивают роль словообразования в формировании ЯКМ, а также фрагментарно отмечают лингвокультурную специфику определенных словообразовательных моделей и аффиксов [Вендина, 1998; Кубрякова, 2004; Хайруллина, Пожидаев, 2013]. Мы видим перспективу такого направления исследований в дальнейшей разработке когнитивных аспектов языковых явлений, которая настоятельно требует обращения к человеку во всем многообразии его телесных, духовных и национальных проявлений, как к единственному творцу ЯКМ. Как справедливо отмечает Е. В. Муругова, антропоцентрический подход к построению ЯКМ «реализуется в именовании и восприятии речевых актов, в физических возможностях человека, в выборе языковых средств, находит широкое отражение в его лингвокреативной деятельности, предполагающей союз мыслительной и языковой активности» [Муругова, 2012: 79].

Развитие языка и ЯКМ под влиянием процессов словообразования свидетельствует о наличии связи между словообразовательными средствами и репрезентируемыми ими структурами знаний

человека, а также динамику тех когнитивных процессов, в ходе которых эти знания формируются и модифицируются: «в компетенцию словообразования входит его участие в формировании языковой картины мира, в актах категоризации, в процессах когнитивной обработки поступающей к человеку информации» [Кубрякова, 2004: 393-394].

Очевидно, что в процессе своего развития человеческий язык превратился в экономное и емкое устройство для передачи огромного количества различного рода смысловой информации, которая маркируется при помощи словообразовательных средств, моделей, словообразовательных значений, т. е. всех «инструментов» словообразовательной категоризации. По мнению Т. И. Вендиной, «словообразовательная система языка предстает в виде своеобразной классификации человеческого опыта» [Вендина, 1998: 45].

Таким образом, лексические единицы, полученные в результате деривации, нужно рассматривать как элементы языка, образованные в результате вторичной номинации и семантической модификации исходного значения производящей единицы, сопровождаемой дополнительной (новой) информацией и ее предсказуемостью относительно уже знакомой (старой) информации о предмете реальности. Из отдельных знаков вырастает сложная, многоярусная знаковая система, относительно устойчивая и вместе с тем достаточно гибкая, чтобы реагировать на социальные изменения и вмещать в себя постоянно разрастающийся социальный опыт.

Следовательно, словообразование можно отнести к инструментам освоения и формирования культуры, с помощью которых человек познает мир, создает свою картину мира, расширяет ее и «делится» ею со своим окружением. В процессе использования языковых средств в общем, и в создании какой-либо новации в частности, говорящий выступает не «анонимным» автором, а «наследником» определенного запаса знаний собственной культуры и собственного языка и его законов, что, несомненно, отражается в его лингвокреативной деятельности.

Полагаем, что анализ соматизмов как первообразной лексики, принадлежащей к основному словарному фонду, и отсоматических

производных позволяет реконструировать соматический фрагмент ЯКМ, который представляет собой универсальный составной компонент концептуальной картины мира. Значения соматизмов в большой мере связаны с фоновыми знаниями носителя языка, а также с его предметно-практической деятельностью. При таком антропологическом подходе к изучению языковых феноменов бытие человека выступает на первый план.

Первообразные лексические единицы (архетипы) и их дериваты, отражая часть концептуальной картины мира, несут информацию об окружающей действительности, которая, постоянно меняясь, предопределяет образование единиц вторичной номинации. Производные единицы отражают знания, приобретенные человеком и обществом в процессе культурно-исторического развития и, следовательно, служат формированию ЯКМ и выполняют следующие функции: формируют концепты и суждения, осуществляют повседневную и долгосрочную коммуникацию, ориентируют человека в окружающей его действительности, служат источником знаний о человеке и его мире.

Выводы

1. История становления словообразования как науки показала эволюцию и революцию взглядов на сущность словообразования, его структуру, функции, роли, отраженные в различных направлениях, парадигмах, подходах. Данная область языкознания, несмотря на длительную полемику о статусе словообразования как науки, завоевывает новые позиции и активно развивается. На настоящем этапе развития науки наиболее актуальным становится когнитивный подход, который призван рассмотреть связи между словообразовательными средствами и репрезентируемыми ими структурами знаний, находящимися в неразрывной связи с предметно-практической деятельностью человека; динамику тех когнитивных процессов, в ходе которых эти знания формируются и модифицируются; общие направления развития словообразовательных значений, что способствует комплексному исследованию и описанию закономерностей ментальной деятельности как конкретной языковой личности, так и целого языкового сообщества.

2. В связи с тем, что в производном слове можно обнаружить результат движения человеческого мышления от базового эмпирического до логико-понятийного уровня, словообразовательный анализ исходных и производных единиц позволяет видеть и различать все уровни и этапы категоризации действительности: доконцептуальный (эмпирический), концептуальный (практический) и научный (логико-понятийный), а также переход от одного к другому.

3. Теоретико-методологическими принципами исследования словообразовательной категоризации являются следующие: а) деривационный процесс необходимо понимать не просто как процесс рождения нового слова, но и как обуславливающий его про-

цесс образования новых смыслов; б) рассмотрение процессов словообразовательной категоризации следует трактовать как результат активного взаимодействия познающего субъекта и предмета познания; в) исследование словообразовательной категоризации требует взаимодополнительности синхронического и диахронического подходов; г) производное слово выступает медиатором словообразовательных отношений, как наделенное способностью, с одной стороны, сохранять первоначальный смысл исходного слова, а с другой стороны, «запускать» процесс появления новых смыслов в результате сжатия различных когнитивных структур в компактную форму; исходное слово – начало всех дериваций – можно назвать «когнитивным порождающим архетипом»; д) производное слово является единицей фиксации и трансляции результатов избирательности человеческого мышления, что подтверждает антропоцентрический характер словообразовательной категоризации действительности.

4. Для анализа словообразовательной категоризации в рамках антропоцентризма необходимо опираться на следующие положения: используемый в социальной практике человеческий язык имеет тройственную структуру (знак – значение – смысл), в которой одно и то же формальное значение может выражать разный смысл, в зависимости от ситуации употребления знака; порождающие смыслы когнитивные структуры складываются под влиянием опыта человека с учетом ввелингвистических факторов (экспериментальный подход); категория телесности является существенной составляющей познавательных процессов.

5. Телесные практики задают параметры и механизмы существования социокультурных форм, в том числе и языка, поэтому представляется возможным выделить в структуре языковой личности, по Ю. Н. Караулову, еще один уровень – физически-телесный. Это обусловлено тем, что человек включается в культурные процессы, ментальность, в духовную деятельность именно телесным образом, что позволяет объяснить роль и место в когнитивном аппарате современного человечества архетипических структур, сохраняющих связь с первичными телесными репрезентациями.

6. Производные единицы отражают знания, приобретенные человеком и обществом в процессе его культурно-исторического развития и, следовательно, служат формированию ЯКМ. Это может быть показано на материале соматизмов как первообразной лексики и отсоматических производных. Непрерывность образования отсоматических номинаций на протяжении всего развития языка, вплоть до современности (появление семантических и лексических неологизмов) может служить доказательством динамической природы ЯКМ и активной роли словообразовательных процессов в ее формировании.

Глава 2

**СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА
В АСПЕКТЕ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ**

2.1. Телесность как лингвокультурный стереотип и его роль в формировании отсоматического лексикона

В когнитивной науке XXI века стало принятым положение о том, что понять когнитивные функции человеческого интеллекта, а значит и возможности интеллекта при словообразовательной категоризации, невозможно, если ум абстрагирован от организма, его телесности. То, *что* познается и *как* познается, «зависит от строения тела и его конкретных функциональных особенностей, способностей восприятия и движения в пространстве. Устроено по-разному – познается по-разному» [Князева, Туробов, 2002: 137]. Мы считаем обращение к психофизиологической природе человека при описании словообразования вполне перспективным и, более того, находим подтверждение подобным интуициям в трудах признанных экспертов-когнитологов. Как отмечает С. Дж. Коули, язык не может изучаться изолированно, так как он является связующим звеном между мозгом, телом и деятельностью [Cowley, 2011: 33]. Тело человека является объектом и инструментом познания, и, более того, на определенной ступени развития порождает сознание – как новую когнитивную способность человека.

В лингвистических исследованиях, посвященных проблемам соотношения языка и мышления, приоритетной считалась ментальная составляющая. Антропоцентрическая парадигма современных исследований ставит вопрос о тесном взаимодействии, неразрывности телесных и интеллектуальных практик, поскольку человек представляет собой единство своих телесных, психических, социально-культурных проявлений. В философии, психологии, культурологии востребованным становится новое учение о теле-

ной природе мышления (*embodied mind*), которое, по нашему мнению, может успешно применяться лингвистической наукой, в том числе, при исследовании словообразовательной категоризации.

В своем понимании природы мыслительных процессов и их объективации в языке на примере отсоматического лексикона мы будем исходить из тезиса о генетической связи мысли с опытом тела, будем понимать, что человеческая мысль обусловлена природой организма, обеспечивающей ее (мысли) функционирование, и всеми теми факторами, которые способствуют накоплению, осмыслению и релевантному применению опыта как индивидуального, так и коллективного. При таком подходе заметное место в осмыслении действительности отдается биологически-социальным аспектам человеческой жизнедеятельности.

Принимая во внимание выбранное нами проблемное поле исследования, связанное с анализом процессов словообразовательной категоризации на базе отсоматической деривации, считаем необходимым более подробно остановиться на идее *экспериментального реализма* Дж. Лакоффа. Ученый предлагает новую рефлексивно-сенсуалистическую исследовательскую программу, основанную на важности человеческого опыта самоощущения (*experience*), понимаемом в самом широком смысле, включая значимость телесных возможностей человека в осознании ментальных процессов разного уровня. Когнитивный экспериментализм в центр исследовательского внимания переносит биологически-социальные аспекты человеческой жизнедеятельности, такие как генетическая наследственность, окружение человека и способ его существования в нем, социальное функционирование и др. (перевод – Л. А.) [Lakoff, 1990: Preface XV]. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, разум не является трансцендальной особенностью вселенной или бестелесного рассудка. Напротив, он формируется особенностями человеческого тела, деталями нейронной структуры мозга и специфическими особенностями нашего повседневного функционирования в мире (перевод – Л. А.) [Lakoff, Johnson, 1999: 4].

Обосновывая необходимость включения биосоциальных факторов в изучение человеческого мышления, Дж. Лакофф считает

некоторой ошибкой те две тысячи лет философского подхода к рассмотрению взаимосвязи мышления и объективного мира без учета этого аспекта и отмечает то, что настало время эту ошибку исправлять (перевод – Л. А.) [Lakoff, 1990: preface XVI]. Однако ученый не отвергает достижения, накопленные со времен Древней Греции, а считает, что категоризация – это более сложный процесс, заслуживающий дальнейшего внимания исследователей. Понятие «категоризация», по мнению Дж. Лакоффа, является ключевым для нашего мышления, восприятия, действия и речи (перевод – Л. А.) [Lakoff, 1990: 5]. По мнению Дж. Лакоффа, «то, что считается примером некоторой категории, зависит от наших целей при ее использовании... определение категорий осуществляется в терминах прототипов и сущностей, находящихся в отношении семейного сходства с ними, и зависит от целей человеческого понимания» [Лакофф, Джонсон, 2004: 197].

В рамках экспериенциализма телесное и ментальное рассматривается как «одно и то же, и то, что нам известно как ум и тело, – просто разные формы воплощения некой целостной общей основы, – только такое понимание подводит нас к осмыслению того, какую же *подлинную* значимость понимание природы телесного имеет в осмыслении и познавательной активности человека, и самой природы его мышления» [Телесность как эпистемологический феномен, 2009: 12]. Таким образом, экспериенциальный подход позволяет трактовать языковую личность как деятельный субъект, характеризующийся единством словесного (языковое мышление) и телесного (феномены восприятия) начал [см. Абросимова, Богданова, 2011].

Телесное знание в повседневной жизни человека во многом является его ориентиром и опорой, поскольку взаимодействие человека с миром начинается с познания и овладения собственным телом и его возможностями. Обращение к исследованию «языковых репрезентаций телесного опыта крайне важно для понимания всякого рода духовной деятельности, поскольку мысль опирается на тело. Именно человеческое тело выступает основанием многих смыслов» [Абросимова, 2012: 324]. Не случайно во многих ЯКМ

язык (речь) представлен как живой человеческий орган (ср. русский язык – 1) *орган человека*, 2) *речевая способность человека*; английский *tongue* (OE), который до сих пор существует наравне с *language* (ME), нем. *Zunge* – *язык (орган вкуса и речи)*; фр. *langue* (*орган тела и средство общения*). Здесь на первый план выступает универсальная функциональная важность языка (органа тела) в производстве речи, инструмент речи. По мнению Т. В. Цивьян, представление *языка* как материального, осязаемого, обладающего плотью объекта, «является в то же время и дальнейшей разработкой антропоцентрической классификации: обращение к способам восприятия, к пяти человеческим чувствам» [Цивьян, 2005: 27–28].

Первоначально термин «телесность» возник на основе фрейдизма и базирующихся на нем философско-психофизиологических учений материалистической ориентации в качестве антитезы понятию «духовность». С помощью понятия «телесность» осуществлялся выход философского мышления за пределы трансцендентальной субъективности в сторону реабилитации чувственности, включения ее в поле современных мыслительных стратегий, в основе которых лежит утверждение, что нельзя понять работу человеческого ума, когнитивные функции человеческого интеллекта, если ум абстрагирован от организма, его телесной организации

Слово «телесность» появилось в русском языке, вероятно, интуитивно-эмпирическим путем в первой половине XX века, когда И. А. Бодуэн де Куртенэ, а затем Д. Н. Ушаков и С. И. Ожегов занялись обновлением словаря Вл. Даля, введя в него статью «Тело», в отличие от статьи «Плоть». Образованное от «тела» прилагательное «телесный», т. е. принадлежащий телу, материальный, в противоположность «духовному», привело к возникновению существительного «телесность», толкуемое как «тварность» [Газарова, 2007: 559].

В современной когнитивной науке телесность признается важнейшим инструментом порождения смыслов и включается в рассмотрение природы познавательных процессов. Подобные интуиции, указывающие на связь мышления и телесных практик человека, можно обнаружить в рассуждениях философов не только современности, но и прошлых веков. Так, например, универсальность

мышления П. Помпонацци объясняет универсальностью действий человека во всей полноте его телесной организации. И только человек, по его мнению, пользуется *всем своим телом* в качестве органа мышления <...> универсальность разума достигается не ограничением, а *расширением участия тела* в познании. И в этом новизна хода его мысли, органично связанная с культурно-историческим своеобразием Возрождения [Мареев, Мареева, 2003: 249].

Тем не менее, широкое внедрение в научный оборот темы телесности связывают с установками современной западной философии, особенно феноменологии и экзистенциализма. Такие представители данных направлений, как Р. Барт, Э. Гуссерль, Г. Марсель, М. Мерло-Понти, Ж.-Л. Нанси, будучи неудовлетворенными положением дел в классической философии, занялись поиском «материи», «фигуры» мысли, т. е. того, что предшествует и подготавливает любые акты сознания.

Так, основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль увидел кризис современной западноевропейской научной мысли в игнорировании ею проблем ценностного измерения человеческой жизни. Выступая против «объективизма», он вводит понятие «жизненного мира», под которым понимает мир живого телесного опыта, радикально отличающегося от научно-интерпретированного мира. «Жизненный мир» представляет собой сферу дорефлексивных фундаментальных очевидностей обыденного сознания, которые коренятся в телесном опыте человека и выступают всякой предпосылкой любого научного знания. Те свойства и структуры, которые науки приписывают «объективному» миру, сами являются, по мнению Э. Гуссерля, результатом процессов категоризации жизненного мира [Гуссерль, 1998: 191–198].

Ж.-Л. Нанси, крупнейший современный философ, считает человеческое тело и телесный опыт важнейшими источниками смыслов. Свой главный труд Ж.-Л. Нанси назвал «Corpus» [Нанси, 1999], что вызывает ассоциации с представлением тела как корпуса (вместилища) знаний, включая и лингвистических. Ж.-Л. Нанси настаивает, что тело крайне важно для нашего мышления, поскольку именно оно выступает основанием смысла. Тело с давних времен

выполняло важнейшую роль в духовных практиках осмысления реальности, являясь одновременно основой использования языка для упорядочивания действительности.

Как известно, основные пространственные категоризации окружающей реальности основываются именно на телесной организации. Так, например, тело служит точкой для различения «близкого» и «далекого», «здесь» и «там», «правого» и «левого», «впереди» и «позади», «верха» и «низа» и т. п. Мы используем глаголы «идти», «плыть», «бросать», «мчаться», «писать», «читать», «ломать», «бить», «целовать», и любой из этих глаголов можно соотнести с действиями машин: «поезд идет», «пароход плывет», «мотоцикл мчится», «магнитофон записывает», «сканер читает», «трактор ломает», «машины (при аварии) поцеловались» и т. д. Эти высказывания сопоставляются с машинами по аналогии с человеческим телом. Первоначально они были предназначены для обозначения телесных состояний и действий, и только впоследствии они стали выступать метафорами, описывающими действия машин.

Необходимость человека ориентироваться в пространстве и позиционировать себя через окружающие объекты и относительно других предметов также отражается в процессах словообразовательной категоризации: в образовании отсоматизмов более активными являются модели с префиксами *fore-* (*forebrain, foreface, forefinger, forefoot, forehand, foreleg, foreskin*) и *under-* (*underbody, underfoot, underhair, underhand*), в то время как префикс *over-* (синонимы *overarm* и *overhand* – верхний, выполненный с выносом вверх руки бросок мяча) является малопродуктивным. Это можно объяснить тем, что пространство вокруг человека и под ним гораздо чаще оказывается в поле его внимания в процессе его предметно-практической деятельности, чем пространство над человеком.

В разных языках способы описания действий часто включают органические метафоры, основанные на телесном опыте человека: если мы говорим о справедливости, то используем выражения «око за око» и «зуб за зуб», (ср. в англ. *'eye for eye, tooth for tooth'*), о дружбе – «рука об руку» (ср. англ. *hand in hand*. нем. *Hand in Hand*), если молчать, то «держат язык за зубами» (ср. англ. *to hold one's*

tongue; нем. *seine Zunge hüten oder zügeln*), если имеются ввиду изменения, то «шаг за шагом», если бездельничать, то «палец о палец не ударить» (ср. англ. *not to move / stir / lift a finger*; нем. *keinen Finger rühren*) и т. д.

Оценивая качественные характеристики вещей, мы также обращаемся к телесному восприятию: различие «влажного» и «сухого», «холодного» и «теплого», «мягкого» и «жесткого» могут быть результатом только нашего чувственного телесного познания. Язык же фиксирует качественные состояния вещей, формируя наш регулярный лексикон.

В русле данных теоретических поисков находится также теория «органопроекции», как она сложилась в работах П. Флоренского, Э. Каппа, Г. Карстена и др., что позволяет прояснить экспериенциальную природу словообразовательной категоризации. В основе данной теории, как известно, лежит «орудийно-деятельностная» теория антропогенеза, согласно которой культурная деятельность есть непрерывный, бессознательный процесс «самообнаружения» человека во внешнем мире, в котором «узнают себя друг в друге лупа и глаз, дрожащая струна и ухо, насос и сердце, труба и горло, мостовая ферма и бедренная кость, ручное орудие и рука» [Капп и др., @, 1925]. У человека, помимо его естественного, органического тела, складывается и интенсивно развивается другое тело, названное К. Марксом «неорганическое тело». К нему относится предметный мир, созданный человеком, служащий своеобразным продолжением и дополнением человеческого тела: орудия и средства, применяемые в производственной деятельности (станки, машины, компьютерные системы и т. д.), многообразные предметы бытовой техники от простейших до самых сложных, возникших на современном этапе развития цивилизации (телевизор, холодильник, компьютер, спутниковая навигация и др.), заводы, дороги, транспортные средства, спортивные сооружения и т. д.

Органопроекция проявляет себя в том, что человек превращает свое тело и его органы в масштабы и эталоны для природы, в соответствии с которыми производится не только измерение, но и оценивание различных ее явлений и процессов. Поясняя данный

аспект теории органопроекции, Э. Капп, например, указывает, что мерами длины становятся стопа, палец, расстояние между руками, расстояние между идущими ногами, кисть и пр. Мерами объема также становятся органы человека: кулак, голова, пригоршня, живот и др. Меры времени задаются процессами человеческого организма – мигание глаза. Пять пальцев одной руки и десять пальцев обеих рук дали, соответственно, пятеричную и десятичную системы исчисления. Эти естественные меры одинаковы как у культурного человека, так и у дикаря. [Капп и др., @, 1925].

Таким образом, теория органопроекции объясняет, почему многие номинации имеют привязку к телу. Угадывая существующую связь между механической функцией и своим органом, человек создает необходимые технические устройства и дает им соответствующие имена: «Одежда есть продолжение кожи, оружие и инструменты – продолжение руки, колесо – продолжение ноги, дом – продолжение всего тела, электронные сети – продолжение нервной системы. Язык и коммуникация являются продолжением телесных взаимодействий людей» [Азаренко, 2007: 4].

Материализованное проецирование форм, органов и функций человеческого тела вовне, отрыв их от самого тела и замена другими приборами его естественных функций – это большая проблема для человеческой культуры, суть которой – в вырождении человеческой телесности как таковой; как писал Вяч. Вс. Иванов: «Основная грань между ранними этапами культуры и культурой, в которой мы живем, состоит в том, что в нашей культуре основное делается не при помощи человеческого тела, а при помощи специальных устройств, вынесенных вовне» [Иванов, 2004: 11]. Как уже не раз говорилось, язык незамедлительно откликается на все происходящее в жизни человека. Мы находим среди соматизмов-неологизмов новые значения, обозначающие эти внешние устройства, которые в той или иной степени заменяют функции нашего тела: *глазок* (дверной), *ручник* (тормоз ручной), *наушник*, *brain* – компьютер (M20); *ears* – портативный радиоприемник (L20); *hand* – инструмент «рука» – форма курсора мыши, служащая для перемещения графического объекта на экране монитора; *superbrain* – мощный компьютер (L20).

Задавая в своем труде «Феноменология восприятия» вопрос о развитии человеческой культуры, в которую индивид погружен с самого начала, М. Мерло-Понти дает неклассическую трактовку человеческого восприятия. Восприятие понимается им как первоначальный, дорефлексивный, жизненный слой опыта в своем первоначально телесном существовании, где зарождаются и оформляются все схемы взаимодействия человека с другими людьми и миром вещей, и где происходит подлинное самовыражение человеческой субъективности.

Первичным субъектом восприятия у М. Мерло-Понти является человеческое тело, называемое им «феноменальным телом». Феноменальное тело – это не мыслимое (или представляемое) тело, но одухотворенная, интенциональная плоть, некоторая совокупность бытийных «чувственно-смысловых ядер», которая не отменяется рациональным мышлением, способная к спонтанному и самопроизвольному действию. М. Мерло-Понти приходит к выводу, что невозможно игнорировать значимость телесности, которая во многом определяет наш способ взаимодействия с миром и его понимание.

В последнее время и в отечественной гуманитарной науке появились значимые исследования, которые во многом определили основные исследовательские направления в рамках теории телесности (embodiment) [Азаренко, 2007; Богданова, 2013; Быховская, 2000; Никитин, 2006; Тело в русской культуре, 2005; Телесность как эпистемологический феномен, 2009; Психология телесности между душой и телом, 2007; Тульчинский, 1999; Чеснов, 2007 и др.].

Интерес к телесности, ее представленности в культуре и теории познания дал мощный толчок развитию телесно-ориентированных подходов к изучению языковых процессов. Отношения между языком и телесностью (embodiment) становятся центральными в рамках разных гуманитарных наук: когнитивной психологии [Clark, 1997; Damasio, 2000; Johnson, 1987], когнитивной лингвистики [Evans, 2004; Lakoff, 1990; Lakoff, Johnson, 1999; Zlatev, 1997], и находят выход в теориях «телесного познания» (“embodied cognition”) или «когнитивной науки второго поколения» (“second generation cognitive science”) [Lindblom, Ziemke, 2007]. По мнению зарубежных

лингвистов, такой «натуралистический поворот» является результатом просчетов той «классической» когнитивной науки первого поколения, которая построена исключительно на отождествлении мышления и информационно-компьютерных систем [Zlatev, 2007: 298]. Изучение феномена телесности и семиотической концептуализации тела проводится и отечественными учеными в Институте лингвистики РГГУ (Г. Е. Крейдлин, С. А. Григорьева).

Как уже указывалось выше, продуктивной оказалась идея Дж. Лакоффа о телесно воплощенном разуме: «Мышление является воплощенным. Это означает, что структуры, образующие нашу концептуальную систему, имеют своим источником наш чувственный опыт и осмысляются в его терминах; более того, ядро нашей концептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движении тела и опыте физического и социального характера» [Лакофф, 2004: 13]. Под этой, весьма общей, идеей можно понимать не только опыт телесного самовосприятия в физиологическом плане, но и опыт организованной и организационной деятельности, включающий схемы взаимопонимания, воплощенные в определенных формах языка – морфологических, грамматических, логических (знаковых) и эпистемических (смысловых), – видимо, именно это Дж. Лакофф называет «опытом социального характера».

Идея Дж. Лакоффа о единстве восприятия, движения и опыта физического и социального характера в концептуализации мира схожа с идеями и других зарубежных ученых, которые подчеркивают преемственность восприятия, действия и когниции (*perception, action and cognition*) и неразрывную связь между концептуализацией, языком, восприятием и действием [Pecher et al., 2003; Pecher, Zwaan, 2005; Scorolli, 2009: 129; Stanfield & Zwaan, 2001; Zwaan & Taylor, 2006].

Особое внимание уделяется учеными тому, каким образом реализуется подобная связь, если речь идет об абстрактных понятиях и абстрактном языке. Решение предлагает теория метафоры Дж. Лакоффа, согласно которой телесность оформляет некоторую постоянную структуру человеческого опыта, который может быть представлен образными схемами (*image schemas*) [Lakoff, 1987].

Существуют многочисленные исследования, посвященные поискам путей концептуализации и категоризации действительности в экзотических языках. Дж. Лакофф приводит примеры из языков Mixtec, Tzeltal и Zapotec, чья система предлогов практически полностью представлена названиями частей тела. Таким образом, носители этих языков переносят знания о своем теле на другие объекты окружающего мира (например, говоря о том, что «камень лежит под столом» *the stone is under the table*, они описывают его местоположение, как «в животе» (*in the belly*) стола [Lakoff, 1987: 313], проецируя (*projecting*), таким образом, знания о своем теле и названия частей тела на другие объекты окружающего мира. В данном случае знания о своем теле основаны на визуальном восприятии местоположения объекта.

Однако такой нейрофизиологический подход, по мнению некоторых ученых, является недостаточным. Ученые Jensen de López и Sinha (Sinha & Jensen de López, 2000; Jensen de López, 2002) провели ряд экспериментов, доказывая этноспецифические особенности процессов освоения языков. Так, эти ученые экспериментально сравнили данные о том, что первично – восприятие детьми названий именно частей тела или тех метафорических «проекций» на другие объекты окружающего их мира. В результате было доказано, что дети, говорящие на английском и датском языках, сначала воспринимают соматизмы именно как названия частей тела, в то время как африканские дети, говорящие на языке Zapotek, сначала понимают данные термины, как отстроенные от тела понятия, а только потом – как названия частей тела. Разница в восприятии зависит, по мнению исследователей, от способа воспитания детей в раннем возрасте. В то время как африканские дети в течение двух первых лет «растут» в беби-слингах (перевязь, в которой носят маленьких детей), европейским детям дается большая свобода в движении: их передвигают сначала в колясках, затем они ползают и ходят, осваивая пространственный мир вокруг себя и своего тела. Следовательно, и взрослые в общении с детьми называют части тела гораздо чаще, чем родители африканских детей, привязанных к спине матери и воспринимающих мир в одном положении [MacLaury, 1989].

Таким образом, телесное восприятие действительности обусловлено не только нейрофизиологическими особенностями развития и «телесным» взаимодействием человека с окружающим миром, но и социально-культурными факторами, влияющими на становление человека [Rohrer, 2007: 7].

Результатом этих и других исследований могут стать следующие положения:

- человеческий телесный опыт является тем базисом, в котором изначально формируются и организуются все акты человеческого сознания, включая языковые формы их выражения и осознанности (в индивидуальном или коммуникативном режиме), а значит – и все средства познания и существования знаний;
- от телесной организации человека во многом зависят параметры и механизмы существования культуры, не только в плане ее материальной представленности, но и на уровне высших проявлений духа;
- в теле человека культура «нашла» свой первый, довольно специфический инструмент накопления и сохранения опыта и знаний, необходимых для воспроизводства общественного бытия (трактовка тела человека как «мнемоорганического устройства») [Богданова, 2012: 18–20];
- понимание человека определено его особой телесностью, включающей два взаимосвязанных компонента: биологическую организацию человеческого тела и его продолжение в предметном мире;
- тело человека выступает не только знаком человеческой природы, но и основным инструментом всяких человеческих деяний, это «наше орудие орудий, необходимое для всякого восприятия, действия и даже мышления» [Шустерман, 2006: 53];
- человеческое тело «задает самопознанию ряд содержательных характеристик, то есть человек отождествляет свои деятельностные функции, поведенческие акты, рациональную и эмоциональную сферы, одним словом, свое внутренне «Я» – с внешним «Я», с телом и частями тела» [Берестнев, 2000: 15];

- собственные физические проявления есть не только орудия для выполнения «практической работы», но являются показателем статуса и места человека в определенной культуре, а также компонентом потребности культурного человека заявить о себе, о своих возможностях и намерениях, что является одной из движущих сил лингвокреативной деятельности человека.

Понятно, что, как и любое новое учение или наука, теория «телесности» (embodiment) на современном этапе вызывает широкую полемику среди ученых. Данная теория поделила когнитологов на два лагеря: представителей так называемого «алгебраического мышления» (“algebraic mind”) [Marcus, 2001], и тех, кто пытается связать «телесность» с культурными смыслами [Palmer, 1996; Zlatev, 1999]. Данная монография написана в русле второго направления, уделяющего внимание социокультурным смыслам телесного и духовного освоения действительности при словообразовательной категоризации.

В целом, усилия ученых, работающих в русле обновленной антропоцентрической парадигмы, направлены на восстановление утраченных связей с глубинными основаниями человеческого существования, одним из которых является телесная организация человека и его телесный опыт взаимодействия с окружающей средой. Таким образом, сменив приоритет исследования лингвистических процессов с исключительно структуралистских оснований на изучение речи говорящего субъекта, человека мыслящего и «телесно чувствующего», языкознание будет соответствовать не только пафосу новых исследовательских программ, но и «старой» гумбольдтианской программе «сравнительной антропологии», в которой язык «не теряет» свой связи с живой жизнью.

2.2. Соматическая лексика в категоризации окружающего мира

Соматизмы обозначают части тела, элементы его устройства, они представлены в основном словарном фонде любого языка, который, складываясь в течение многих веков, отражает *базовые* знания носителей того или иного языка о себе, об окружающем мире, о своем положении и своих возможностях в нем, о своих связях с другими людьми и т. д. В некотором роде этот класс лексики вполне вписывается в концепцию «алфавита человеческих мыслей», предложенную еще Г. В. Лейбницем, который полагал, что «хотя количество понятий, которые можно мысленно себе представить, бесконечно, возможно, что весьма невелико число таких, которые мысленно представимы сами по себе; ибо через комбинацию весьма немногих элементов можно получить бесконечное множество. <...> Алфавит человеческих мыслей есть каталог тех понятий, которые мысленно представимы сами по себе и посредством комбинаций которых возникают остальные наши идеи» [цит. по: Пименова, 2005: 135]. Понятно, что в рамках антропоцентрической парадигмы соматическая лексика представляет собой наиболее продуктивный материал исследования, как в понимании смылосозидательной природы человека, так и в той значимости, которую она имеет в формировании языковой картины мира. На современном этапе развития лингвистики Р. С. Кимов, опираясь на результаты сопоставительных исследований соматической лексики кабардинского, русского и английского языков, справедливо отмечает, что соматизмы «закладывают» основу концептуального ядра, «кластера», понятийного сгустка и т. д., обеспечивая тем самым взаимопонимание людей, пользующихся разными языками» [Кимов, 2010: 11].

Изучению соматической лексики посвящено множество работ. Соматизмы в русском языке исследуются в трудах Е.В. Урысон, 1998; Е.В. Рахилиной, 2000; Н.В. Масалевой, 2010 и др., английской соматической лексике посвящены исследования Э.В. Семериковой, 1974; М.Н. Жадейко, 2008; Т.С. Чумичевой, 2010, и др., сопоставительными исследованиями соматических единиц занимаются И.Е. Городецкая, 2007; Р.С. Кимов, 2010; Т.М. Алиева, 2010; К.У. Халилова, 2012; С.В. Боголепова, 2012; А.В. Гандалоева, 2013 и др.

Соматическая лексика также привлекает внимание зарубежных лингвистов, особенно тех, кто занимается изучением экзотических языков. Результаты их исследований во многом подтверждают тезис П. Помпонаци, что за универсальностью действий человека, обусловленной его телесной организацией, стоит универсальность структур человеческого мышления. К таким исследованиям, подчеркивающим важную роль соматической лексики в концептуализации мира в разных языках, относятся работы Marlett & Moser, 1998; Marlett, 2000; Franklin, 2003.

Существует множество примеров слов, производных от наименований тела и его частей. Многие наименования стали результатом метонимических и метафорических переносов: *ножка стола*, *ручка (шариковая, дверная)*, *колени (в сантехнике)*, *спинка (стула)*, *глазок (дверной)*, *плечо (поддержка)*, *face (циферблат, фасад и еще 15 значений)*, *finger (шпатель)*, *tooth (зубец)*. По справедливому мнению Е. В. Рахилиной, «практически во всех языках человек моделирует ориентацию предметов в пространстве, так сказать, по себе» [Рахилина, 2000: 14].

Для яркости выражения, доступности восприятия телесный опыт переносится на другие социальные практики благодаря лингвокреативной способности человека. При описании действий и событий мы привлекаем метафорические обороты: имея в виду сотрудничество – мы говорим «*плечом к плечу*», англ. «*shoulder to shoulder*», нем. *Schulter an Schulter*; близость расположения обозначается словосочетанием «*бок о бок*», англ. «*abreast*» (от англ. *breast* – грудь); подразумевая столкновение, мы говорим «*лоб в лоб*», англ. «*head to head*»; разговор называется «*сердечным*», англ. «*heart-to-heart*» и др.

Соматизмы, являясь универсалией, встречаются во множестве фразеологизмов в разных языках: *в глазах потемнело, душа в пятки ушла, хлопот полон рот, сам себе голова, поставить на колени, брать за горло, попасть пальцем в небо, золотые руки, золотое сердце, до мозга костей, от всего сердца, до седых волос, водить за нос, попасть на зуб, зарубить на носу, вешать голову, рубить с плеча, сломя голову, скрепя сердце, положи руку на сердце* и др. Английский язык не уступает в демонстрации высокой фразеологической активности соматизмов: *to cost an arm and a leg* – стоить больших денег; *long arm of the law* – всепроникающая сила закона, *face down* – подавлять (наглостью, нахальством); *запугивать; опровергать, отстаивать* (хладнокровно или нагло); *to face the music* – 1) встречать, не дрогнув, критику или трудности 2) держать ответ, расплачиваться; *hand and foot* – усердно, не за страх, а за совесть; *fall into bad hands* – попасть в плохие руки; *to give a (hand) knee to smb.* – 1) помогать кому-л., оказывать кому-л. поддержку 2) быть чьим-л. секундантом (в боксе) и др. Примеры из немецкого языка также многочисленны: *nicht weiter sehen als bis zur Nasenspitze* – не видеть дальше собственного носа, *die Beine in die Hand / unter den Arm nehmen* – поспешить – (“взять ноги в руки”), *auf den Bauch fallen* – потерпеть неудачу (дословно упасть на живот), *aus dem Bauch reden* – молоть чепуху, вздор; *kalte Beine kriegen* – испугаться, струсить и др.

Соматическая лексика также является богатым источником производных слов: *faceless, earless, heartless; mouter* – напыщенный оратор, *toother* (удар в зубы), *mouthy* – болтливый, *heady* – крепкий, опьяняющий, *hearty* – крепкий, сердечный; *heading* – заглавие, рубрика, (спорт) удар головой; *necking* – (архит.) обвязка колонны, (разг.) обнимание; *beardie* – (разг.) борода, бородач; *cheeku* (нахальный, наглый, бесстыдный), *cheekily, cheekiness; fore-headless* – бесстыдный, *fingerer* – вор; *stomacher* (нач. 19 в.) – удар в живот (в боксе); *stomachful, stomachous* (устаревш.), *stomachy* – 1) с брюшком, пузатый; 2) обидчивый; раздражительный; *toothy* – зубастый, зубчатый. В русском языке: *сердечница, заручиться, подхребетник, глазеть, ротозей, зубочистка, зубоскал, спиногрыз, подкожные, закостенелый, нарукавник* и др.

Среди производных имеется большое количество неологизмов и окказионализмов: *deadhead*, *header*, *waxhead*, *leg-up*, *handphone*, *handspan*, *foot-tapping*, *eyeball*, *scatterbrained*, *brainstorming*, *airhead*, *заручиться*, *сподножнее* (спортивное комментирование футбольного матча), *головняк* и др.

Итак, изначально простые, непродуцированные соматизмы, являясь носителями самого первого когнитивного опыта человека, отражают его знания о «материальности» его существования. Анализ соматизмов показал, что словарные дефиниции отражают фоновые знания человека, которые могут трактоваться как когнитивная опора [Гольдберг, 2011: 179]. В дальнейшем, путем семантической и морфологической деривации, эта «когнитивная опора» или прототипическое знание о физическом строении своего организма становится источником других видов знания как о себе, так и об окружающей действительности, вплоть до формирования абстрактных понятий, используемых метафорически. Таким образом, телесное и ментальное тесно связаны, более того, основные концептуальные структуры являются результатом телесного опыта человека. Такой подход, реализуемый в рамках экспериенциального объективизма, предложенном Дж. Лакоффом, нацелен на попытку осмысления в том числе и роли телесного опыта, реализуемого в языке, в познавательной деятельности человека (см. 2. 1.).

Существует мнение, что лексикографам, составляющим словари бесписьменных языков, следует начинать с описания соматизмов, «стартового концептуального источника» [Franklin, 2003: 1]. Так, по данным Franklin, в культурном опыте носителей языка кева (Папуа-Новая Гвинея), автомобиль появился лишь в 1960 году (середина XX-го века) и, столкнувшись с необходимостью концептуализации и категоризации нового «существа», они его просто «очеловечили», т. е. автомобиль предстал в наивной картине народа объектом с «человеческим» лицом. Так, с точки зрения носителей этого языка оказалось, что кузов автомобиля – это его «кожа», фары – «глаза», переднее стекло – «лоб», зеркала бокового вида – «уши», коробка передач – «сердце», амортизаторы – «почки», топливный бак – «рот», система проводов – «вены» и т. д. [там же].

Реакции тела, по мнению В. Ю. Апресян и Ю. Д. Апресяна, оказываются ключом ко всему, что происходит и в душевной сфере человека [Апресян, Апресян, 1993: 33]. Основываясь на процедуре сведения неизвестного к известному, человеку все-таки удастся определить такие, к примеру, трудновыразимые в словах чувства, как гордость, стыд, страх, стужательство и др. В основу концептуализации эмоций данные авторы положили принцип уподобления того, что недоступно прямому наблюдению (душевные состояния), тому, что может наблюдаться непосредственно в реакциях тела. Не случайно соматизмы, в основном, являются многозначными единицами, характеризующимися как прямыми, так и переносными значениями. Разноплановая семантика производного слова является результатом потенциальной многозначности производящей единицы, которая вступает в разные системные связи своими разными значениями, что не может не отразиться на семантике производного. Все исследуемые производящие существительные являются многозначными единицами (см. 3. 2.). Полисемичные производные слова, выявляя разнообразные стороны и аспекты определенной концептуальной сферы, являются результатом акта концептуализации, т. е. отражения знаний о мире. При производстве новых слов и(или) новых значений уже существующих слов на первое место выступают ассоциативные связи, отождествление объектов и их качеств. Так, название «сердце» дает в языке множественные производные номинации переносного характера: *сердечность, бессердечный, сердобольный, милосердный, добросердечный, сердцеед* и др.

Соматизмы и их производные часто обозначают абстрактные понятия, которые выводятся из человеческого опыта, в том числе телесного, свободно воспринимаются и закрепляются в словаре. Однако, существуют некоторые пределы в создании слов, которые задаются не столько правилами языка, сколько избирательностью человеческого мышления, основанной на повседневном опыте и здравом смысле человека и которые доказывают *аксиологический* характер словообразования. Проиллюстрируем некоторыми примерами связь словообразовательной категоризации с базовыми смыслами, порождаемыми телесными практиками.

Так, прилагательные, образованные по продуктивной словообразовательной модели $N + less \rightarrow Adj$, наряду с прямым значением, характеризуются переносным значением отсутствия целостного качества, которое во всех языках (англ., нем., рус.) несет негативную коннотацию. Суффикс английского языка *-less*, суффикс немецкого языка *-los*, приставка русского языка *без-* означают «лишенный, не имеющий того, что обозначено производящей основой»: *armless* – *безрукий*, *footless* – *безногий* и др. Интересно заметить, что прямое значение «лишенный, не имеющий того, что обозначено производящей основой» характерно только для обозначения тех частей тела, которые действительно могут отсутствовать по какой-либо причине: *armless* – *безрукий*, *legless* – *без ноги*, *footless* – *безногий*, *hairless* – *безволосый* и др. Мы не находим подобного значения у производных: *brainless* (англ.), *kopflos* (нем.); *heartless* (англ.), *herzlos* (нем.), *бессердечный* (рус.). Для социума нет необходимости создавать имя тому, что не существует или не имеет значимости. Однако эти прилагательные характеризуются переносными значениями, смещением акцентов с внешнего на внутреннее. Их возникновение и употребление обусловлено осмыслением проблемы тела человека в связи с его духом, характером и культурой. Они все более характеризуют не физические качества человека, а его духовную сферу: а) наименование качеств человека, как личности: ср. рус. *бессердечный*; англ. *heartless*; нем. *herzlos* – безжалостный, бессердечный, бездушный; рус. *безголовый*; англ. *headless* – безрассудный, бессмысленный; безмозглый; нем. *kopflos* – необдуманный, паникующий; б) описание умственных способностей: ср. рус. *безмозглый*; англ. *brainless*; нем. *gehirnlos* – безмозглый, глупый; в) описание возрастных характеристик с оценочным компонентом: ср. рус. *безусый* (юнец), *беззубый*; англ. *beardless* – юный, неопытный; г) описание предметов и событий окружающего мира: лишенный остроты, слабый; англ. *toothless* – неэффективный (*toothless laws*); англ. *earless* – беззвучный, безмолвный, глухой (о месте); англ. *footless* – лишенный основания, несущественный, неподходящий (*footless expectations* – неоправданные надежды, пустые ожидания, ср. рус. *беззубая* (*критика*)). В ходе анализа словарей новых слов выявлен новый лексико-семантический

вариант производного слова *legless* (XX век) – *пьяный*.

He reckoned he should have been legless after his booze-up at a night-club and insisted that the ale must have been watered down. (BNC: The Daily Mirror. London: Mirror Group Newspapers, 1992).

Как видно из примеров, большинство переносных значений производных данного типа имеют негативную коннотативную окраску, обусловленную семантикой суффикса *-less* («лишенный чего-л.», «не имеющий чего-л.»), что на языковом уровне доказывает интуиции антропологов и культурологов, которые считают, что анатомические трансформации представляют собой источник новых смыслов: «Так, телесная избыточность... может трактоваться как знак креативности, в то время как недостаточность, например рук или пальцев на руках, соотносится скорее с разрушительным началом» [Тело в русской культуре, 2005: 15], точнее – с неполноценностью, дисфункциональностью и вытекающей из этого неуспешностью.

Рассмотрим еще один культурантропологический аспект словообразовательной категоризации действительности на основе соматизмов. Как отмечалось выше, некоторые части тела изначально являлись «измерительными приборами» для древних людей, у которых не было других способов измерить и сравнить что-либо кроме как, используя собственное тело. Естественно, привлекались и другие предметы (кокосовая скорлупа, ячменное зернышко и др.) Но самым первым «встроенным» измерительным устройством, которое не требовалось искать, хранить, запоминать место хранения, давать знать другим, где этот прибор хранится и как им пользоваться, являлось собственное тело и его части. Такая «соматическая» система измерений присутствовала у всех народов. Самые распространенные меры длины дошли до нас с древнейших времен – локоть и фут. Наряду с ними в разных языках употреблялись дюйм – ширина большого пальца руки у его основания (*digitus* в латинском языке обозначает палец (на руке и ноге), *Daumen* в немецком языке обозначает большой палец); пальма – ширина ладони (*palma* в латинском и греческом означает ладонь, кисть руки). В разных странах значения этих единиц варьируются, так, например, фут имеет значения от 296,9 мм в Швеции до Парижского фута

в 324,8 мм. В древности величина локтя была до 445–462 мм, а в настоящее время в Европе величина локтя в нынешнем столетии в разных государствах и для разного вида торговли равна от 547 (Франкфурт-на-Майне) мм до 800 (Верхняя Австрия) мм. В России локоть делился на: неполный локоть, двухладонный локоть, большой локоть. Большой локоть, равный длине руки от плеча, вытеснил первоначальный обычный локоть. Интересно заметить, что в качестве старорусской системы измерения локоть упоминается в литературных памятниках с XI века, в то время как физическое значение – локтевой изгиб, сустав – обнаруживается в письменных источниках только с середины XV века [®, режим доступа: <http://ru.wikisource.org>].

Чтобы узнать, какими же частями телами пользовались люди для измерений в разные исторические периоды, необходимо взглянуть на словарь, ведь слово является культурно-исторической биографией человека и культуры.

В английском языке также существуют соматизмы, обозначающие типы измерения: *foot*, *palm*, *cubit* локоть (старинная линейная мера длины, равная 45 см, т. е. длине локтевой части руки человека). Ряд соматизмов являются производящей базой для дальнейшей деривации: *handful* – пригоршня, горсть; *armful* – оханка; *mouthful* – полный рот (чего-л.); *stomachful*; *handbreadth*, *foot-candle*, *footpound*, *foot-acre*, *footlambert*, *footlong* и др.

Необходимо заметить, что суффикс *-ful* присоединяется только к тем основам-соматизмам, которые могут рассматриваться в качестве «вместилища, контейнера»: *hand*, *arm*, *head*, *stomach*, *mouth*. Другие соматизмы, такие как *neck*, *face*, *back*, *leg* не участвуют в образовании производных по данной модели, в связи с невозможностью использования данных частей тела в качестве «контейнера». Как видно из анализа производных, телесные особенности человека являются семантическими и смысловыми прототипами для построения значений производных слов.

Таким образом, исходя из анализа деривационных процессов, не следует, по-нашему мнению, пренебрегать их культур-антропологическими детерминантами, целиком оставаясь в поле

«чистой лингвистики». Словообразование не является оторванным от человеческой культуры и деятельности, сугубо формальным процессом, а представляет собой один из инструментов соединения социокультурных смыслов в единое смысловое пространство. И чем совершеннее данный «аппарат», тем ярче и эффективнее он сможет выполнять свои функции. Обращение к исследованию телесного опыта и телесных практик человека может существенно раздвинуть рамки понимания сложных механизмов процессов словообразования и вывести нас к новым горизонтам понимания человеческой культуры вообще.

Экспериментальный подход к исследованию словообразования позволяет учитывать в процессах формирования слова значимость тех или иных частей тела и их функций не только в освоении окружающей действительности и практической деятельности человека, в которую он вовлечен, прежде всего, телесным образом, но и в отражении культурного опыта, не имеющего непосредственной привязки к его телесной организации.

Более подробный анализ соматизмов и их производных будет представлен ниже; он, во-первых, обнаружит связи словообразования с телесными практиками, во-вторых, продемонстрирует возможности языка и языкового анализа в плане обнаружения культурно-исторических трансформаций ментального опыта, не выявляемого никакими другими способами.

2.3. Соматизм как единица номинации и производящая база дериватов

Анализ, проделанный в предыдущих разделах, позволяет сформулировать более широкий взгляд на словообразование – как культурно-языковое явление, возникающее и развивающееся на основе коммуникативной, креативной и социальной потребности в осознании, наименовании и оформлении мысли.

Новая антропоцентрическая парадигма науки, как уже отмечалось, учитывает опыт обыденного познания, возникающего из взаимодействия человека с окружающей средой. Логично, что сам человек и его тело являются отправной точкой такого взаимодействия.

Изучая производные, образованные от соматизмов в английском языке, мы проанализировали 2550 единиц. (При этом мы не ставим задачу классификации соматизмов: существует множество таксономий такой лексики, одной из наиболее известных является предложенная Ю. Д. Апресяном [см. Апресян, 1995: 356].) Следует отметить, что установить точное количество отсоматических дериватов не представляется возможным в связи с подвижностью и изменчивостью словарного состава любого языка: одни слова выходят из употребления, другие появляются. По этой причине дериваты по-разному представлены в разных лексикографических источниках, особенно это касается сложных существительных, многие из которых еще не зарегистрированы словарями.

Отбор эмпирического материала базируется на критерии частотности. Изначально было отобрано 50 соматизмов, которые представляют собой наименования фрагментов обыденной (наивной) картины мира. Медицинские термины и классификации не участвовали в отборе. Затем методом сплошной выборки из COD-2006 и Farlex

Интернет-словаря (www.thefreedictionary.com) были выявлены производные лексемы, производящей базой которых являлись отобранные соматизмы. Дальнейшему анализу подвергались соматизмы, которые явились производящей базой не менее 3% всей выборки производных, то есть 30 соматизмов, каждый из которых является производящей базой менее чем 3% анализируемого материала, были исключены из материала исследования. Это слова, обозначающие *внутренние части тела*: gullet (глотка); larynx (гортань); stomach (желудок); bone (кость); blood (кровь); lungs (легкие); lymph (лимфа); muscle (мышца); spine, backbone (позвоночник) и *внешние части тела*: hip (бедро-таз и верхняя часть ноги); thigh (бедро – таз и верхняя часть ноги); temple (висок); shin, shank (голень); throat (горло); chest (грудная клетка); breast (грудь); lip (губа); wrist (запястье); occiput (затылок); calves (of the legs) (икры); palm (ладонь); forehead (лоб); ankle (лодыжка); elbow (локоть); toe (палец ноги); shoulder (плечо); chin (подбородок); heel (пятка); jaw (челюсть); cheek (щека).

Таким образом, описанию подверглись производные, образованные от 20 соматизмов, входящих в основной словарный фонд языка, а именно:

1. Arm – рука (до кисти)	– 94 производных
2. Body – тело	– 104 производных
3. Brain – мозг	– 123 производных
4. Ear – ухо	– 106 производных
5. Eye – глаз	– 204 производных
6. Face – лицо	– 104 производных
7. Finger – палец руки	– 89 производных
8. Foot – ступня, стопа	– 189 производных
9. Hair – волосы	– 85 производных
10. Hand – кисть	– 301 производное
11. Head – голова	– 343 производных
12. Heart – сердце	– 164 производных
13. Knee – колено	– 71 производное
14. Leg – нога (до ступни)	– 98 производных
15. Mouth – рот	– 81 производное
16. Neck – шея	– 83 производных

17. Nose – нос	– 83 производных
18. Skin – кожа	– 82 производных
19. Tongue – язык	– 72 производных
20. Tooth – зуб	– 74 производных ¹ .

Эти 20 слов являются широкоупотребимыми единицами, связанными с повседневной жизнью и деятельностью человека, они обозначают части тела, играющие важную роль в предметно-практическом и сенсорном освоении окружающего мира. Из них подавляющее большинство представляют собой наименования внешних частей тела (18 единиц), и всего 2 единицы называют внутренние органы (сердце, мозг). По нашей гипотезе, большее количество производных от некоторых соматизмов может служить доказательством большей степени важности для человека тех частей тела, которые обозначены именно этими лексемами.

В философской литературе закрепились понятия «внутренняя телесность» и «внешняя телесность» [см. Чебаков, 2009: 199–210]. Под внешней телесностью понимаются те проявления человеческого тела, которые находятся в непосредственном контакте с внешним миром, которые поддаются управлению сознанием, а значит, являются объективными для человека. Гораздо меньшим значением для человека и его сознания обладает область внутренней телесности (системы внутренних органов, физиологические и биологические процессы). В этом смысле внутренняя телесность является гомогенной и автономной как от внешнего мира, так и от контроля со стороны человеческого сознания. В этом, по-нашему мнению, заключается причина гораздо меньшей словообразовательной продуктивности слов, обозначающих внутренние органы и их работу.

На следующем этапе анализа отобранные единицы были классифицированы по степени их производящего потенциала. Анализ свидетельствует, что наиболее продуктивными единицами, от ко-

¹ Для сравнения приведем данные о количестве производных от других соматизмов: ankle ‘лодыжка’ – 6 производных; chest ‘грудная клетка’ – 13; cheek ‘щека’ – 13; chin – ‘подбородок’ – 9; elbow ‘локоть’ – 9; lip ‘губа’ – 9; shoulder ‘плечо’ – 15; stomach ‘желудок’ – 12; thigh ‘бедро’ – 4; throat ‘горло’ – 12; wrist ‘запястье’ – 14.

торых образовано наибольшее количество производных, являются *head* – 343 *деривата*, *hand* – 301, *eye* – 204, *foot* – 189, *heart* – 164. Эти данные позволяют подтвердить нашу гипотезу о том, что именно эти части тела являются наиболее важными для использования человеком в освоении действительности.

Отобранные соматизмы характеризуются семантическим разнообразием и представляют собой основу многочисленных дальнейших семантических и морфологических трансформаций в зависимости от потребностей номинации. В данном разделе мы считаем значимым показать развитие семантической структуры слова в связи с культурно-историческими условиями, которые явились своего рода «триггером» (пусковым механизмом) такого развития. С этой целью мы обращаемся и к этимологическим данным. Жак Ле Гофф, французский историк второй половины 20 века и специалист по истории западноевропейской цивилизации средневековья, исследовал картину мира человека того времени. Изучая множество феноменов, ученый часто обращается к этимологии слов, что, по его мнению, позволяет понимать реальность: «Средневековая символика начиналась, следовательно, на уровне слов. Назвать вещь уже значило ее объяснить» [Ле Гофф, @], то есть идентифицировать. Так, используя этимологию слов, ученому удавалось описать множество феноменов средневековья: куртуазность, ряд географических названий, концепт «чудесного на средневековом западе», яблоко как символ зла и др. [см. Ле Гофф, 2001; Ле Гофф, 2007].

Наше исследование связано не только с описанием этимологии слов, но и с попытками установления системных связей в лексической организации языка. Когнитивные подходы к изучению лингвистических процессов вскрыли недискретные связи внутри семантической системы языка, что и дает основания для дальнейших поисков ее организации. В словообразовании такая недискретность наиболее интенсивно может быть обнаружена в полисемии мотивирующей единицы и ее семантических связях с производными единицами. Разнообразная семантика производного слова обусловлена многозначностью производящей единицы, которая вступает в разные системные связи своими разными значениями. «Словесное

обозначение понятий обусловлено не только их количеством, но, что гораздо важнее, и типами соединяющих их связей. Если бы принцип «одно понятие – одно слово» действительно управлял стихией словообразования, то семантические различия между языками сводились бы только к различиям этимологического и стилистического порядка» [Кацнельсон, 2011: 76].

Мы согласны с положением С. Д. Кацнельсона о том, что «трактовка смыслового содержания слова не должна вести к одностороннему логическому описанию языковых форм, основанному на мышлении теоретическом, оперирующем абстрактными понятиями и вне наглядной представленности» [Кацнельсон, 2011: 15]. Действительно, такое «очищенное» описание не может давать полную картину языкового функционирования лексемы. Значения слов, которые мы описываем в данном разделе, словарные, базовые. На их основе строится дальнейшая семантическая и морфологическая деривация, и мы не можем не начать описание нашего эмпирического материала именно со словарных дефиниций, этимологических, исторических и культурных данных и ассоциаций, связанных с появлением и развитием значений, которые далее сами становятся источником новых лексем, слов и значений, таким образом, развивая и совершенствуя сферу языковой жизни человека и общества. Объединение синхронического и диахронического описания, исследование «развернутой в пространстве диахронии» [Толстой, 1997: 15] позволяет обнаружить в слове «отголосок его прежних изменений и намеки на будущее развитие. Следовательно, синхроническое и диахроническое – лишь разные стороны одного и того же исторического процесса. Динамика настоящего – прорыв в будущее. Соотношение значений в современном употреблении слова, их иерархия, их фразеологические контексты и их экспрессивная оценка – всегда заключают в себе диахронические отложения прошлых эпох» [Виноградов, 1994: 17]. Такое синхронно-диахроническое описание вполне отвечает принципу *экспланаторности* в исследовании языковых явлений, который заявлен в качестве одного из основных принципов обновленной антропоцентрической парадигмы современной науки [Кубрякова, 1994; Зализняк, 2001: 13–14].

Итак, в данном параграфе мы опишем отобранные соматизмы как единицы номинации, покажем изменение их значений в диахроническом, историко-культурном аспекте, т. е. опишем результаты семантической деривации и попытаемся выявить возможные корреляции в развитии общества и продуктов его деятельности и значениях лексических единиц. Такое описание, по нашему мнению, является исходным фундаментом анализа более глубоких уровней деривации – структурного, семантического и когнитивного (которым посвящены следующие главы).

Производящие существительные-соматизмы характеризуются высокой частотностью, универсальностью, семантической прозрачностью, простой морфологической структурой, что служит катализатором активной семантической деривации. Все исследуемые соматизмы являются многозначными единицами и имеют от 3 (*brain*) до 32 (*head*) основных значений, фиксируемых словарем NShOxD. В ряде случаев мы сохраняем пометы словаря в обозначении исторических периодов:

OE – Old English	1149
LOE – late Old English	1000–1149
ME – Middle English	1150–1349 or, in some contexts, 1469
LME – late Middle English	1350–1469
L15 – late fifteenth century	1470–1499
E16 – early sixteenth century	1500–1529
M16 – mid sixteenth century	1530–1569...

[NShOxD, 1993: preface XVI].

Историко-культурный и этимологический экскурс, представленный в данном разделе, является необходимым для последующего описания семантики производных, когнитивного моделирования, выявления динамики словообразовательных процессов и их роли в репрезентации знаний.

1. ARM (9 основных значений в NShOxD)

Рука с древних времен служит основным средством связи между человеком и окружающими его объектами действительности. Рука служит *инструментом* как взаимодействия с предметами, так и средством защиты. Все это отражается как вербально, так и невер-

бально, в языке тела (body language). Руки, скрещенные на груди – знак враждебности, защиты, беспомощно опущенные руки – символ отсутствия уверенности, поднятые руки – указывают на чувство победы и триумфа. Формальные отношения предполагают пожатие рук, неформальные – объятия, фамильярное постукивание по плечу. Во всех этих телесных движениях зафиксированы эмоции человека.

В языке также отражается символическое значение руки как маркера связи с другим человеком, близости или безопасности. Выражения «*to be arm-in-arm*» значит «рука об руку, в тесном содружестве»; «*offer an arm*» и «*with open arms*» предполагает доверие и открытость. Производные единицы также экстраполируют культурные денотаты: *to arm* – вести под руку; *arm-lock* – захват рук как прием защиты; *arm-twisting* – выкручивание рук, давление (с целью убедить, получить поддержку; часто в политике) и др. Все эти языковые выражения происходят из нашего телесного опыта взаимодействия с окружающей средой.

Существительное *arm* имеет германское происхождение и сохраняется в английском языке в староанглийский период, обозначая часть тела – руку от плеча до кисти. Немного позже развивается переносное значение данного существительного: *сила, мощь, власть; опора, поддержка* (ср. *править железной рукой*). Появление такого значения следует искать, по нашему мнению, в особенностях германского общества, которое представляло собой общину воителей, превыше всего ставящих боевую доблесть, *мощь, силу* и владение оружием.

Положение (место) и форма руки в структуре тела является семантическим прототипом ряда значений. В конце среднеанглийского периода словом *arm* начинают называть переднюю конечность животного. В конце XVIII века *arm* также начинает обозначать рукав предмета одежды. Параллельно развиваются значения, построенные на метафорическом переносе физических характеристик части тела *arm* (рука длинная и узкая) на другие объекты окружающего мира: в староанглийском языке закрепляется значение *arm* как «*a narrow strip of water or land projecting from a larger body*» (узкий отрезок водного пространства или земли, исходящий из более крупного водоема). Далее в среднеанглийском периоде происходит перенос

на значения «ветви дерева» (*arms of a tree*), «второстепенные дороги, отходящие от основной» (*arms of a road*).

Многочисленные кинестетические функции руки также явились прототипической основой многих значений. С изобретением технических инструментов и станков человек использует существительное *arm* в значении «плечо (рычага); ручка, рукоятка; спица (колеса)», перенося свои представления о физической и функциональной нагрузке части тела на другие предметы. Слово *arm* в значении «подлокотник кресла» регистрируется в середине XVII века. По данным этимологического словаря (on-line ED), слово *arm-chair* (кресло) появилось в английском языке в 1630-х годах путем словосложения *arm, n + chair, n*. Интересно заметить, что в средние века в Европе этот предмет мебели стал совершенствоваться, повторяя структуру человеческого тела, обеспечивая удобство и комфорт, что было в духе эпохи барокко и рококо с их стремлением к изнеженности, пассивной созерцательности, физической слабости. Подлокотники становятся важной деталью «места для сидения»: руки можно выставлять напоказ, демонстрируя необремененность физическим трудом и, соответственно, как знак принадлежности к аристократическому роду.

С развитием технических изобретений слово *arm* приобретает специализированные значения в строительстве, автомобильной промышленности, астрономии и др.

Семантическая деривация *arm* обеспечила появление новых значений, связанных с прототипическими представлениями о *форме, положении и функции* руки. В семантической структуре слова *arm*, таким образом, развитие прототипического значения шло, в основном, по направлению «часть тела → предмет»¹.

2. BODY (20 основных значений в NShOxD)

Слово *body* неизвестной этимологии употребляется в староанглийском периоде. В других германских языках оно не используется.

¹ Структурная деривация, которая будет описана в § 3.2, позволяет больше абстрагироваться от исходных смыслов и, таким образом, является источником более широкого поля значений.

Первое значение существительного *body* – «the material frame of people or animals; the whole material organism» (материальная оболочка человека или животного; целостный материальный организм).

They were huge round bodies – or, rather, heads – about four feet in diameter, each body having in front of it a face (Wells, H. G. *The War Of The Worlds*).

Языковое выражение противопоставленности души телу происходит позже: в XIII веке возникает значение «телесная природа человека (в противовес духовной)».

Every living thing in the first place is composed of soul and body, of these the one is by nature the governor, the other the governed; now if we would know what is natural, we ought to search for it in those subjects in which nature appears most perfect, and not in those which are corrupted; we should therefore examine into a man who is most perfectly formed both in soul and body, in whom this is evident, for in the depraved and vicious the body seems to rule rather than the soul, on account of their being corrupt and contrary to nature (Aristotle. *A Treatise on Government*).

Показательно то, что противопоставление души телу восходит к платоновско-гностическому учению, которое отрицает всякое положительное значение тела в процессе приближения человека к Богу, и в языке данное значение закрепляется только в XIII веке, когда христианство уже набрало полную силу. Для христианства характерно утверждение, согласно которому источником всякого зла, несчастья и неудач является материя и сформированное из нее тело. В христианстве внимание акцентируется главным образом на идеальном и божественном характере человеческой души, благодаря которой человеческая личность может достичь блаженства и спасения, тело же в этом процессе выступает ограничением и источником всякого зла. Процесс постижения и возвращения к Богу есть глубоко интимный личностный процесс, обусловивший появление в среднеанглийский период соответствующего значения *body* «индивидуальность, личность».

В староанглийском периоде в лексиконе закрепляется значение слова *body* как «основная часть человеческого и животного организма (исключая голову и конечности) – туловище», а также

«основная, главная, центральная часть предмета (в противоположность второстепенной, менее важной, периферийной)», что вполне согласуется с восприятием человеком самого себя как автономной целостности. В дальнейшем, физические характеристики «туловища» порождают в среднеанглийском значения «ствол, стебель». Тогда же появляется и значение «труп».

Применительно к одежде – *body* в среднеанглийском периоде обозначает часть одеяния, покрывающего верхнюю часть туловища, исключая руки. Словари не дают ссылку на то, какая одежда имеется в виду – мужская или женская. (Значение *arm* «рукав» возникает позже, как неотъемлемая деталь костюма, мужского и женского.) На базе этого значения в современном английском языке возникает новое значение – *body* (*боди* – предмет исключительно женской одежды, плотно облегающий тело), а прежнее значение вышло из употребления в середине XVI века.

Активная социальная и политическая жизнь с широким распространением парламентаризма в Европе и становлением гражданского общества нашли свое отражение в языке: появляется отдельное значение *body* для обозначения физических и юридических лиц; органов; организаций. В конце XVI века *body* приобретает значение группы или сообщества, объединенного общей целью «the whole body filed out of the auditorium»; «the student body»; «administrative body».

The same title has been bestowed on Venice, where absolute power over the great body of the people is exercised, in the most absolute manner, by a small body of hereditary nobles (Madison, J. Federalist Papers).

Сочетание “*body image*” (образ тела) было зарегистрировано в 1935, а “*body language*” (язык тела) – в 1967, что обусловлено возросшим интересом к проблемам невербального, телесного поведения и общения. Во второй половине XX века тема телесности занимает умы философов, культурологов, антропологов и лингвистов, результатом чего является появление множества исследований, а с 70-х годов XX века «начинается принципиально новый этап в изучении человеческого тела, связанный с признанием его как самостоятельного исторического объекта» [см. об этом Абросимова, Богданова, 96

2011: 92–93]. Существительное *body* имеет множество специальных значений в разных областях знаний: оно широко востребовано в медицинских науках, в физике, автомобильной промышленности, в военном и юридическом дискурсах, в полиграфии и др. В разговорном стиле *body* часто употребляется как фамильярный дружеский термин, обычно в конструкции с предшествующим определением – *poor body*:

«*One needs not to ask that of a poor body who has not known that blessed refreshment sith that he was a boy.*» (Twain, M. A Connecticut Yankee.)

3. BRAIN (3 основных значения в NShOxD)

Мозг считается инструментом мышления, восприятия, воли, формирования личности. Множественные нейронные процессы (100000 нейронных клеток) делают мозг человека наиболее сложным и, до сих пор, малообъяснимым органом. Еще в 4 веке до н. э. Гиппократ в своем труде «*On the Sacred Disease*» отмечал: «Men ought to know that from nothing else but the brain come joys, delights, laughter and sports, and sorrows, griefs, despondency, and lamentations» (перевод Francis Adams) (Hippocrates. *On the Sacred Disease*.)

Существительное *brain* имеет западногерманское происхождение и закрепляется в английском языке в староанглийский период со значением «головной мозг». Еще в древности люди интересовались структурой мозга, для чего производили трепанацию черепа, что доказано археологическими исследованиями. В среднеанглийский период происходит расширение первого, физиологического значения, и слово *brain* начинает обозначать «умственные способности, интеллект, разум; рассудок, ум».

She knows it not, and it would overwhelm her and make despair just when we want all her hope, all her courage, when most we want all her great brain which is trained like man's brain, but is of sweet woman and have a special power which the Count give her, and which he may not take away altogether, though he think not so (Stoker, B. *Dracula*).

It is only your brain that makes you superior to the banth, but your brain is bound by the limitations of your body (Burroughs, E. R. *The Chessmen of Mars*).

В середине XIX века *brain* в разговорном английском уже обозначает «мыслящую личность, “умницу”, “голову”»:

The accomplished Myserry... was in fact the brain of our corps (Kingley, C.)

В середине XX века под влиянием бурного роста компьютерных технологий словом *brain* называют электронную вычислительную машину. Одним из недавних достижений нейрофизиологов является положение о том, что мозг – это своего рода биологический компьютер, отличный от электронного в процессах, но схожий с ним в функциональной нагрузке – получать, хранить, обрабатывать информацию.

4. EAR (10 основных значений в NShOxD)

Слово *ear* общеиндоевропейского происхождения сохраняется в английском языке в староанглийский период, обозначая орган слуха человека или животного. В среднеанглийском периоде слово *ear* приобретает переносное значение «the imagined organ of hearing of the mind, the heart, or other personified object» (*He listened to their difficulties with an impatient ear* – T. H. White). Тогда же появляются значения «музыкальный слух» и «способность слышать, слух»:

Stuffing the ears of men with false reports. I speak of peace while covert enmity...(Shakespeare, W. King Henry IV, Part 2).

That twang of the clock-spring was the first tiny cry of the newborn telephone <...> happily heard by a man whose ear had been trained to recognize the strange voice of the little newcomer (Casson, H. N. The History of the Telephone).

В XV–XVII веках на основе сходства с формой *уха* возникают значения «предсердие», «ручка сосуда», «ушко, проушина в каком-либо инструменте» (тех.). В конце XX века появляются новые значения: «наушники» и «параболическая радиоантенна», которую в профессиональных кругах называют просто «ухо».

Интересно переносное значение *ear* – «благосклонность, расположение, симпатии». Мы можем предположить, что данное значение построено на функции уха «слышать и воспринимать» не только акустические сигналы, но и душевные переживания собеседника. Ухо является инструментом получения информации из-

вне, а также пассивного общения. То есть ухо – это путь от физического восприятия к эмоциональной реакции:

«[*The President*] *wavers between the two positions, depending on who last had his ear*» (Harsch, J. C.). [Электронный ресурс: <http://www.answers.com/topic/ear>].

5. EYE (17 основных значений в NShOxD)

Глаз представляет собой важнейший орган чувств (большинство информации человек получает при помощи этого органа зрения). Поэтому глаз является символом восприятия и всяческого знания.

Слово *eye* германского происхождения сохраняется в ОЕ со значением «орган зрения». Параллельно развивается значение «зрение, взгляд, взор». В среднеанглийском периоде появляется дефиниция «внимательный взгляд, внимание, уважение, забота, опека». Здесь уместно обратить внимание на традиционные ассоциации, встречающиеся во многих культурах, связанные еще с мифологическими связями глаз с мудростью, знанием, просвещенностью, богами.

В середине XVII века *eye* также понимается как «мнение, суждение; способность понимать и оценивать (что-л.)», основанное на визуальном восприятии действительности. Как видим, развитие значений имеет диалектический характер: от «конкретного к абстрактному».

Do everything as in the eye of another (Seneca).

Обнаружено также значение глаза, как способности выражать человеческие чувства:

Her eyes are homes of silent prayer (Lord Tennyson, A. In Memoriam A. N. H. canto 32, 1850) [Электронный ресурс: <http://www.answers.com/topic/eyes-4>].

A lover's eyes will gaze an eagle blind (Shakespeare. *Love's Labours Lost*, 1595).

They rape us with their eyes (French, M. *The Women's Room*).

На основе сходства с формой *глаза* еще в староанглийском периоде возникает значение: «ушко иголки» (интересен факт различия рус. «ушко иголки» и англ. «глазик иголки»). Здесь, по нашему мнению, будет излишним искать когнитивные основания различий в

способах категоризации действительности разными этносами. Нам представляется, что смысловые различия между рус. «ушко иголки» и англ. «глазик иголки» не существенны, а важно то, что оба народа акцентируют внимание на «отверстии» в игле, что является функционально важным для данного предмета.) Значение отверстия становится характерным в среднеанглийский период для части приборов и инструментов – «глазок, петелька, колечко», а также для обозначения «входа» (*the eye of a mineshaft, the eye of a fox's earth*), отверстия, через которое вода выходит из фонтана или источника. Далее, в позднем среднеанглийском периоде, развивается значение «рисунок в форме глаза (на оперении павлина); глазок, пятно в окраске насекомых». Значение «лупа», «очки» возникают в XVI веке. В это же время формируется значение *eye* как «центра, средоточия (науки, культуры)», что связано, по нашему мнению, с тем, что именно в это время наука становится «фокусом» знания и мировоззрения.

Далее, в течение XVII–XX веков слово *eye* начинает использоваться в специализированном словаре моряков, геологов, строителей, шахтеров, в середине XX века словом «*eye*» стали называть оптический прибор. Появление этих значений обусловлено интенсивностью развития технологических процессов в мире.

В XX веке *eye* означает «детектива, сыщика» или «детективное агентство», которые стали повсеместно распространяться по Европе и, особенно интенсивно в США. Подобное же значение русского слова «глаз» обнаружено нами в Словаре русского арго: *милиционер, постовой, вахтер, сторож или другой человек, следящий за кем-либо* [Елистратов, 2002].

6. FACE (20 основных значений в NShOxD)

Общепринято, что лицо является ключом к пониманию внешнего и внутреннего мира человека. Описания и характеристики человеческих лиц с давних времен привлекают представителей разных культур, что обуславливает значимую роль лица в мифологии, религии, искусстве, литературе и др. Лицо является инструментом, позволяющим как выражать внутренние эмоции, так и скрывать их, лицо собеседника может вдохновлять, разочаровывать, обманывать, сочувствовать и т. д.

A man's face is his autobiography. A woman's face is her work of fiction. (Oscar Wilde) [Электронный ресурс: <http://www.buzzle.com/articles/short-cute-sayings.html>].

Слово «*face*» со значением *лицо* проникло в английский язык из старофранцузского (от лат. *facies*) в среднеанглийский период и вытеснило староанглийское *andwlita*. Тогда же на основе этого значения развиваются следующие: «выражение лица» и «гримаса».

She made a face as if there was something bitter on her tongue (Mosley, N.)

Далее *face* употребляется для обозначения «репутации, престижа, достоинства» (ME). В этой связи интересным представляется появление в неформальном дискурсе значения «нахальство, наглость, дерзость; самоуверенность» (*to show a face* – держаться вызывающе, нагло).

Значение лица, как передней, лицевой части объекта нашло отражение в новых дефинициях: циферблат, табло (приборов); лицевая сторона (устаревшее), лицо (медали, ткани, игральные карты и т. д.):

He went into the next room, sat down at my desk and wrote on the pinkish face of the portfolio the word, «Antonia» (Willa, C. My Antonia). и далее: фасад (наружная, видимая часть строения); открытый склон, склон холма;) стенка лунки (в гольфе); грань (кристалла, алмаза, геометрического тела); рабочая поверхность инструмента, в том числе спортивного инвентаря.

С XVII по XIX век развиваются специализированные значения *face* в строительном, военном, полиграфическом дискурсах.

В начале XX века словом *face* в неформальном дискурсе называют «человека, лицо, чувака»:

Now this face was the ideal man for me to have a deal with (Morgan, J. 1967). [Электронный ресурс: <http://www.answers.com/topic/face>].

Come on, face – don't get mopey (Smith, D. 1938) [Электронный ресурс: <http://www.answers.com/topic/face>].

К значениям-неологизмам можно отнести *face* – «косметика».

7. FINGER (9 основных значений в NShOxD)

Слово *finger* германского происхождения со значением «палец» сохраняется в английском языке в староанглийский период. В кон-

це среднеанглийского период «finger» начинает использоваться как шаблон измерения (3/4 дюйма). Этот признак стал мотивирующим для расширения значения этого существительного в современном английском сленге: небольшое количество спиртного в стакане.

I brought my glass over and poured myself out... at least four fingers of Scotch (Salinger J. G.) [Электронный ресурс: <http://www.ae-lib.org.ua/salinger/Texts/RaiseHighTheRoofBeamCarpenters-en.htm>]

Значение «палец животного», которое возникло в LME, используется редко (помета *rare*), в связи с появлением подобного значения у слова *digit* (ME), которое и закрепилось в языке для обозначения «пальца животного».

Таким образом, мы можем предположить, что сначала человек называл свои части тела и части тела животного одинаково: *arm, leg, body, face*. Затем стало важно отличать себя от животных на всех уровнях, в том числе и языковом, поэтому нужны были новые обозначения частей тела животных: изначально *face* использовалось для обозначения «морды животного» (OE), затем в ME появляются слова *muzzle* и *snout* с подобным значением, то же касается и *arm* – помимо значения «рука человека», в ME развивается значение «передняя конечность животного», а затем появляется слово *paw* (ME).

Далее *finger* употребляется для обозначения части перчатки, варежки, предназначенной для надевания на палец (M16). В LME появляется значение «играть на музыкальном инструменте» (сейчас используется редко).

Следующая группа значений основана на сходстве с «пальцем» по форме: отросток на растении (ME); стрелка (на часах или индикаторе какого-либо прибора); (тех.) палец, штифт; остров, полуостров, имеющий удлиненную форму. В XX веке «функция» пальца стала прототипическим значением для сленговых дефиниций: информатор (E20), человек, который идентифицирует преступников или жертв (M20); вор-карманник (E20):

He's a finger, works in Fulham mostly. Small profits, quick returns (Hopkins, K. 1960) [Электронный ресурс: <http://www.answers.com/topic/finger>].

Слово *finger* оказалось востребованным в сфере компьютерных технологий, обозначая новое значение «*a program that displays information about a particular user or all users logged on the system, or a remote system. Typically shows full name, last login time, idle time, terminal line, and terminal location (where applicable)*» [Электронный ресурс: linux.about.com/cs/linux101/g/finger.htm].

8. FOOT (22 основных значения в NShOxD)

Это слово общеиндоевропейского происхождения употребляется в английском языке в староанглийский период со значением «ступня». Тогда же возникает значение «поступь, походка, шаг». Еще в староанглийском периоде человек стал употреблять свою ступню в качестве измерительного шаблона длины, равную одной третьей ярда или 30.48 сантиметров. Эта же часть тела использовалась для измерения площади и объема, а в среднеанглийском *foot* стало означать минимальное расстояние:

Coleworthy was a knowledgeable woodsman and knew exactly to a foot the value of all standing timber, every small spruce seedling on his land (BNC);

и далее, в конце XVII века оно стало употребляться для измерения разных параметров при описании продуктов и товаров (например, мера, используемая в сфере добычи олова). В среднеанглийский период пространственное расположение ступни по отношению к остальному телу послужило семантическим прототипом при образовании значений «нижняя часть, нижний край; основание; подножие (горы)»:

Sun and satellites – the juxtaposition of large and small, like medieval dwellings clustered about the foot of a towering chateau or cathedral; or like ducklings seeking the protection and domination of their mother (BNC).

The cat was creeping stealthily through a patch of long grass towards the foot of the largest tree (BNC).

Функциональная нагрузка ступни человека – быть опорой тела – становится прототипическим значением для возникновения следующих дефиниций: «ступень, пята, прикрепляемая к плугу с целью регулирования глубины вспашки». Данное значение явля-

ется историзмом, так же как и значение «пехота» (M16). В LME возникают значения «опора, ножка (у предмета мебели), стойка». С конца XVII века начинают выделяться специализированные значения в бурно развивающихся сферах человеческой деятельности: геологии, полиграфии, морском и военном деле, музыке. К архаическим значениям относятся: нога и ступня (вместе) (LME – M17); способность ходить (ME – M18); основание, причина (L17-L18); стандартная норма расчета или оценки (L16-M18).

9. HAIR (7 основных значений в NShOxD)

Слово *hair* (волосы) германского происхождения сохраняется в английском языке в староанглийский период. Тогда же человек начинает применять *hair* для обозначения шерсти животных и одежды, изготовленной из волос и шерсти, надеваемой на голое тело раскаивающимися и аскетами.

В ME *hair* начинает обозначать «минимальное расстояние, количество» (*a hair of meal* – очень маленькая порция еды; *lost by a hair* – проиграл с минимальным преимуществом; *by a hair* – чуть-чуть). В LME *hair* стало использоваться для обозначения того, что похоже на волосы по форме, виду или густоте.

Hair употребляется в ряде профессиональных словарей: в ботанике *hair* обозначает корневой волосок или ворсинки (на поверхности некоторых растений) (L16); в техническом дискурсе – нить прибора, визир и др.

В сленге *hair* обозначает трудоемкую сложную работу.

10. HAND (19 значений в NShOxD)

Существительное *hand* германского происхождения сохраняется в английском языке в староанглийский период со значением «кисть», параллельно развивается значения «передняя лапа или нога (животных); конечность (у обезьян)». Значение *hand* «the whole arm» просуществовало недолго – с начала XVII и до середины XVIII века. В староанглийском периоде *hand* также обозначает понятия «расположение, сторона, направление; владение, попечение, защита; контроль, власть».

It seems therefore evident to reason, that whether the supreme power is vested in the hands of many or few may be a matter of accident; but

that it is clear enough, that when it is in the hands of the few, it will be a government of the rich; when in the hands of the many, it will be a government of the poor; <...> for when the government is in the hands of the rich, be they few or be they more, it is an oligarchy; when it is in the hands of the poor, it is a democracy... (Aristotle. A Treatise on Government).

A right crescent kick to the defender's leading hand (BNC).

Тогда же формируется дефиниция «умение, мастерство действовать руками, помощь». В среднеанглийский период появляются значения «обещание, клятва; рука (как символ обещания выйти замуж; как символ принятия приглашения на танец)». В L16 появляется значение «доля, участие (в выполнении чего-л.)».

Форма руки послужила семантическим прототипом для значений: «стрелка часов; крыло семафора; указатель (изображение кисти с вытянутым указательным пальцем)». Наряду с другими соматизмами (*finger, foot*) *hand* обозначает меру длины «ладонь (4 дюйма)», (в современном употреблении это применяется только для измерения роста лошадей) (M16), далее функция измерения количества предметов реализуется в значениях «пучок, связка (листового табака), кисть, гроздь (бананов)» (E18).

Одна из функций руки «писать» порождает значения «почерк, стиль письма» (LME) и «подпись (M16).

On the ninth of January, now four days ago, I received by the evening delivery a registered envelope, addressed in the hand of my colleague and old school companion, Henry Jekyll (Dickens, Ch. Bleak House).

В среднеанглийский период *hand* начинает обозначать человека. Сначала главным основанием для расширения значений послужили физические качества, практические умения что-либо выполнять: рабочий, работник (человек, занимающийся физическим трудом); лицо, выполняющее определенную работу (*a portrait of the well-known hand*); матрос (M17). С конца 18 века в разговорном английском *hand* – это лицо, определяемое в отношении его способностей, умения (*to be a bad hand at smth*) и в отношении его характера (*He is known as a cool hand* – Он известен своим хладнокровием).

Hand также является мотивирующим при наименовании предмета, используемого рукой: ручка, игральные карты на руках у

игрока. Дальнейшее развития последнего значения привело к обозначению *hand* «игрока в карты» (*We need a fourth hand for bridge*) (L16) и «партию, кон» (E17).

Многозначность слова *hand* обусловлена ведущей ролью руки в формировании человека. Известный анатом и антрополог Ф. Джонс писал: «Man's place in nature is largely writ upon his hand, and many of the simplest and most familiar details of homely knowledge become important when we examine our hands with the critical spirit we would adopt towards the members of some strange and uncommon beast» [Jones, 1920, @].

11. HEAD (32 значения в NShOxD)

Существует огромное количество идиом и фразеологических единиц, доказывающих важность головы в символике наивной картины мира: «*всему голова*», «*отвечать головой*», «*головы не жалеть*», «*терять голову*», «*to be off one's head*», «*to be above smb's head*», «*to keep one's head*», «*den Kopf voll (mit etwas) haben*», «*seinen Kopf anstrengen*» и многие другие. Но, как мы уже отмечали, наша задача состоит в поисках смыслов в определенных единицах основного словарного фонда, а именно соматизмах, и далее – в их производных, семантика которых не уступает фразеологизмам в эксплицировании культурного знания.

Head (германского происхождения) в староанглийском периоде означает голову человека или животного. В ME *head* обозначает меру длины «*the length of a head as a measure*» (*The horse lost by a head. She is two heads taller than he is – ср. рус. на голову выше*), а в M16 используется в качестве единицы измерения количества льна. Тогда же формируется значение «жизнь». В ME у *head* также появляется значение «человек», затем в E16 *head* употребляется для подсчета поголовья скота. В LME *head* приобретает значение «ум, интеллект, умственные способности» (*She has a good head for mathematics*).

The old writer, like all of the people in the world, had got, during his long life, a great many notions in his head (Anderson, Sh. Winesberg, Ohio)

Тогда же *head* приобретает значения «изображение головы, лицевая сторона монеты (с изображением головы), орел (в противореске)».

Форма головы становится семантическим прототипом для возникновения значений уже в ОЕ: «любая округлая часть растения, обычно на конце стебля; например, головка (цветка, чеснока), кочан (капусты, кочанного салата), колос (зерновых), шляпка (гриба), семенная коробочка (мака) и др. », положение головы сверху по отношению к телу мотивирует значения: «верхняя часть чего-л.: часть озера, куда впадает река; более высокий край долины; изголовье кровати; сторона могилы, где лежит голова покойного; сторона стола, где обычно сидит глава дома». Далее, в МЕ сходство с головой по форме и положению реализуется в значениях «верхушка, верхняя часть (возвышенности, сооружения, шеста, мачты; наконечник (копья, дротика, стрелы), обух (топора), боек (молота); шляпка (гвоздя, болта, шурупа), головка (булавки), набалдашник (трости); откидной верх экипажа, автомобиля; головная часть (процессии, колонны); исток, верховье реки» и многих других. Также происходит перенос значения головы как самой верхней части организма на абстрактные понятия: «результат, исход; высшая точка, кульминация; перелом, кризис».

В E16 *head* применяется для обозначения кроны (дерева).

Такое важное социальное явление, как книгопечатание, начало развиваться в Европе в XV веке. Необходимы были специальные названия для частей и разделов печатной продукции. В связи с этим, *head* в LME начало обозначать «начало страницы; заголовок, отдел, рубрику», однако только в E20 – газетный заголовок, несмотря на уже трехсотлетнее существование газет.

Осмысление головы как «главной» части тела явилось мотивирующим признаком для обозначения в староанглийский период «главы, старейшины, вождя», что фиксирует в языке характеристику традиционного общества, в основе которого – вертикальная иерархия отношений, предполагающая наличие духовного лидера (главы).

В среднеанглийском периоде возникает значение «руководящее положение, лидирующее положение». Интерес к образованию обусловил интенсивное распространение образовательных учреждений в Европе в эпоху Возрождения. В XVI веке в Европе появляются

новые типы школ: латинские школы, школы-гимназии. Естественно, требовалось и название для должности руководителя учебным заведением. В середине XVI века появляется значение «директора, руководителя учебного заведения».

В современном английском языке *head* обозначает главу семейства:

The heads of almost all poor households in which the head was expected to work had low weekly earnings (6. 09 out of 6. 66 million), while very few households in which the head did not have low weekly earnings were poor (0. 57 out of 48. 30 million) (Monthly Labor Review, Date: Sep 1, 1986).

12. HEART (20 значений в NShOxD)

Слово *heart* (общеевропейского происхождения) со значением «орган тела» употребляется в английском языке в староанглийский период. В ME происходит расширение значения до дефиниции «место расположения сердца человека в теле, грудь».

Понимание сердца как центра душевной и ментальной организации человека приводит к возникновению уже в OE многих значений *heart*: «ум, интеллект, сердце, душа», «любовь, привязанность», «цель, намерение, желание»; «мужество, отвага, смелость». В ME возникают значения: «характер, темперамент, настроение», «совесть», «место средоточия эмоций и чувств» (M17).

It was a cheerful, hopeful letter, full of lively descriptions of camp life, marches, and military news, and only at the end did the writer's heart over-flow with fatherly love and longing for the little girls at home (Alcott, L. M. Little Women).

How this was done and how, incidental-ly, the lost city of Pelone was discovered, bringing joy to the heart of Professor Swyington Bumper, will be found fully set forth in the book (Appleton, V. V. Tom Swift In The Land Of Wonders).

В ME *heart* начинает употребляться для обозначения «человека, лицо»: сначала как проявление нежности (*dear heart, sweet heart*), а в начале 16 века *heart* означает смелого, отважного человека

History... Tells of a few stout hearts that fought and died (W. Cowper).
[@: http://archive.org/stream/poeticalworksedi00cowp/poeticalworksedi00cowp_djvu.txt].

Важность физического местоположения сердца в «центре» организма стало прототипической основой в МЕ для метафорического переноса на значения «сердцевина, ядро»:

I split the melons with an old corn-knife, and we lifted out the hearts and ate them with the juice trickling through our fingers (Willa, C. My Antonia);

«расположенные в глубине районы, центральная часть страны, города и др.» (*office in the heart of the city*).

В М16 происходит дальнейшее расширение значения: *heart* начинает обозначать «суть, сущность». Здесь интересен факт возникновения абстрактного значения «суть, сущность» на основе параметрического значения, обозначающего центральное месторасположение сердца в человеческом организме. В данном случае мы видим процесс, схожий с возникновением у слова *head* абстрактного значения «результат, исход; высшая точка, кульминация; перелом, кризис» на основе параметрических данных (форма, размер, расположение), а именно расположение головы *над* туловищем.

Форма сердца становится семантическим прототипом при образовании значений: «изображение, фигура сердечка» (LME), «черви (масть)» (E16); «особая карточная игра» (E19).

Интересно отметить, что соматизм *heart* только в трех случаях является основой формирования терминов: *heart* – «юферс тросового талрепа» (морское дело – М18), «сердечник» (является новым техническим термином), «сердцевина» (биол.), что связано, видимо, все-таки с преимущественной ассоциацией сердца как органа душевной организации.

13. KNEE (7 значений в NShOxD)

Это существительное общеиндоевропейского происхождения сохраняется в английском языке в ОЕ и обозначает «колени как место соединения бедра и голени, коленный сустав» или «верхняя поверхность бедра сидящего человека (lap)».

And yet I don't know,' he went on, spreading out the verses on his knee, and looking at them with one eye; 'I seem to see some meaning in them, after all (Carroll, L. Alice's Adventures In Wonderland).

Перенос значения «колени» на обозначение части организма животного происходит только в LME. Тогда же появляется значение *knee* – наколенник. Изначально наколенник представлял собой часть доспеха, предназначенный для защиты коленей. Этот предмет появился в Западной Европе примерно в XII веке, затем наколенники совершенствуются и все больше распространяются, что и приводит к появлению нового значения.

Форма коленного сустава, позволяющая сгибать ногу, является семантическим прототипом для формирования ряда специализированных значений: (тех.) колени; кница; подкос, полураскос (LME):

Again he beheld that ivory knee which alone remained outside of Torture's horrible apparatus (Hugo, V. Notre-Dame de Paris).

Также с конца XIX века *knee* используется как обозначение прямоугольного поворота линии на графике.

14. LEG (13 значений в NShOxD)

В физиологическом смысле *leg* наряду с *foot* представляют собой основные инструменты опоры и передвижения тела. Символически они означают мобильность и стабильность (ср. твердо стоять на ногах – *to stand on one's own two legs (feet)*). Для западных культур мобильность – актуальный для современности феномен, что отражается в идиомах: *have the legs of* – бежать быстрее кого-либо, обгонять, опережать, оставлять позади кого-либо *put one's best leg first* – быстро идти; нестись; прибавить шагу; *shake a leg* – спешить, торопиться и др.

Leg в значении «нога животного или человека» в ME заменяет слово «shank», которое с этим значением было в употреблении в староанглийский период. Позже в LME *leg* приобретает значение «ножка (часть тушки животного или птицы, используемая в пищу)».

Форма ноги и/или ее функция служить опорой человеческого тела стали семантическим прототипом для ряда значений: «протез» (LME), «штанина» (LME); «ножка предмета мебели; подпорка, подставка, опорная стойка» (E17):

This old gentleman, on carefully examining the maimed chair, discovered that its broken leg might be clamped with iron and made as serviceable as ever (Hawthorne, N. Grandfather's Chair).

So I went to a tinsmith and had him make me a new leg out of tin (Baum, L. F. *The Wonderful Wizard of Oz*).

Форма ноги и ее «опорная» функция стали основанием для образования множества специализированных значений: (морское и горное дело) столб, балка, подпорка (L15); (мат.) сторона или катет треугольника (M17); (мор.) короткие канаты (E17); (спорт.) в крикете часть поля, спортсмен, находящийся на этой части поля (E19); (нефт.) опора нефтедобывающей платформы (M20) и др. В XX веке *leg* начинает означать «этап (эстафеты); круг (в беге); тур (соревнований)».

The race itself was a four-leg relay, presenting different tests and terrain on each leg, with part of the challenge being to match runners' strengths to the demands of the course (*Huddersfield Daily Examiner* (Huddersfield, England) Date: Nov 5, 2011).

С конца XX века в биржевой терминологии *leg* – «устойчивое движение курсов ценных бумаг». В американском варианте английского языка появляются значения «плечо, ветвь, ответвление (радиолинии)», словом *leg* стали уничижительно называть женщину.

15. MOUTH (17 значений в NShOxD)

Поэтическая и библейская трактовки рта и губ – вполне романтические, в то время как основная функция рта – участвовать в процессе пищеварения – практическая, поскольку рот представляет собой начало гастроэнтерологического тракта.

Существительное общеиндоевропейского происхождения *mouth* сохраняется в английском языке в OE и обозначает «the opening in the head of a person or animal through which food is ingested and vocal sounds emitted». Далее развивается значение «уста»:

Every day or two I strolled to the village to hear some of the gossip which is incessantly going on there, circulating either from mouth to mouth, or from newspaper to newspaper... (*Thoreau, H. D. Walden & on the Duty of Civil Disobedience*).

Функция части тела *mouth* «участвовать в процессе потребления пищи» порождает в ME значение «человек, потребляющий пищу, едок».

Функция данной части тела «участвовать в процессе говорения, произношения» явилась семантическим прототипом для ряда

значений: в ОЕ *mouth* обозначает «голос человека», а также самого «говорящего человека». В МЕ *mouth* употребляется для обозначения «глашатая, “голоса” (кого-либо)». С конца XVII века в сленге *mouth* – «глупый, болтливый, неблагодарный человек».

В середине XX века *mouth* используется для обозначения понятия «хвастовство, наглость, бесстыдство».

Форма рта в виде отверстия является прототипическим значением в ОЕ для дефиниций: «устье реки», «вход»:

In the course of her voyage she discovered the mouth of a large river... (Irving, W. Astoria or Anecdotes of an enterprise beyond the Rocky Mountains).

She paused at the mouth of the cave and looked the wall over carefully (London, J. White Fang).

Далее развиваются значения: «входное отверстие», «дуло, жерло» (L16), ряд технических терминов (отверстие, выходной патрубок, раструб, рупор) и специализированных значений в зоологии, ботанике, музыке и др.

16. NECK (8 значений в NShOxD)

Слово *neck* индоевропейского происхождения сохраняется в английском языке в староанглийский период сначала обозначая только заднюю часть шеи, соединяющую голову и плечи, а потом и всю шею. *Neck* обозначало голову только в период M16–M17. Начиная с M16 *neck* употребляется в значении «съедобное мясо шеи животного».

Месторасположение шеи в составе человеческого организма стало прототипом нового значения «ворот, воротник, горловина» (M16).

In splendid condition, Bob's coat in the sunlight was a flame of fire, his arched neck a jeweled conflagration (London, J. Burning Daylight).

Neck, также как и ряд других соматизмов, используется в измерительном значении: длина шеи лошади (как мера расстояния на скачках E19); а затем и не связанное со скачками – «минимальное преимущество» (*to win by a neck* – победить с минимальным преимуществом).

«Iris was beaten by a short neck,» he said (Oppenheim, E. Ph. A Millionaire of Yesterday).

Форма вытянутой шеи, когда человек желает что-то разглядеть и полюбопытствовать, обусловило появление в конце XIX века переносного значения *neck* «бесцеремонность, наглость, нахальность»:

Who dares to have the neck to say what was best for other people? (B. Ashley)

And then you have the sheer neck, the bloody effrontery to say you think there's more in life than I do (L. A. G. Strong) [Электронный ресурс: <http://www.answers.com/topic/neck>].

Форма шеи стала семантическим прототипом для значений: (узкий) пролив; коса (ME); узкая часть прохода, полости, судна, горлышко бутылки (LME); военных укреплений (M17); часть (шейка) скрипки (E17), горный перешеек (E18), а также ряда специализированных значений в геологии, архитектуре, анатомии, ботанике, технологии.

17. NOSE (7 базовых значений в NSHoxD)

Существительное *nose* общеиндоевропейского происхождения и регистрируется словарем в значении «нос человека или морда животного» как единица староанглийского периода. В ME *nose* обозначает «хобот слона» (*trunk* для обозначения хобота слона появляется только в LME).

Функция носа, как органа обоняния, является исходным значением для формирования в ME значения «обоняние, нюх»:

It's often obvious to the human nose that food has gone bad, and now researchers are putting electronic noses to that task, too (Science New, Date: Feb 19, 2000);

и далее, «нюх, чутье» в переносном значении: *a keen nose for absurdity* (острое чутье на глупость), а также «запах, аромат, букет (вина)» (L19).

В конце XVIII века *nose* также приобретает сленговое значение «доносчик, осведомитель»:

He knew that CID men are allowed to drink on duty because much of their time is spent with 'noses' or informants (R. Edwards) [Электронный ресурс: <http://www.answers.com/topic/nose>].

Приобретение последних лет – значение *nose* – «наркотик».

Форма носа является прототипом для возникновения ряда значений: нос, передняя часть (лодки, самолета, машины, доски для серфинга) (начиная с LME); выступающая часть предмета (острие; шип; наконечник; носик чайника) (начиная с L16).

18. SKIN (9 базовых значений в NShOxD)

Существительное *skin* заимствуется из скандинавского в конце староанглийского периода в значении «шкура животного, отделенная от его тела». Ранее слово германского происхождения *fell* обозначало «шкуру животного» и «кожу человека». В LOE *skin* также употребляется для обозначения «кожи животного или человека (эпидермиса)», «куска шкуры животного, специально выделанной для письма или рисунка на ней». Только в ME *skin* приобретает значение «шкура животного, используемая в качестве материала для изготовления одежды». В M16 *skin* обозначает «сумку из кожи для хранения жидкостей», «кожицу, кожуру (растений, фруктов, овощей)». В M18 существительное *skin* приобретает следующее значение в сфере морского дела: «наружный и внутренний слой обшивки корабля», которое позже стало употребляться для других средств передвижения и агрегатов.

В сленге 18 века появляется значение *skin* «бумажник, кошелек».

Proper jobs I mean. Not nicking skins from blokes what are lit up (J. Curtis) [Электронный ресурс: <http://www.answers.com/topic/skin>].

В E19 *skin* – неприятный человек, жулик.

В XX веке слово *skin* активно расширяет значения в сленге: барабан (музыкальный инструмент); скинхед;

There are black skins, and there are non-violent skins... . Certainly, many of the skins are thugs (Times 1981); [Электронный ресурс: <http://www.answers.com/topic/skin>];

в американском варианте *skin* это «доллар»

I got a buyer with about a hundred thousand dollars... a hundred thousand skins (R. B. Parker) [Электронный ресурс: <http://www.answers.com/topic/skin>];

а также «покрышка, шина»:

The answer is to run at the same pressure as the standard tyres, as by dropping the pressure any more than two pounds, you could cause sidewall

failure, even in the big American skins (Hot Car, 1977) [Электронный ресурс: <http://www.answers.com/topic/skin>];

«карточная игра»; «кожа ладони: «give some skin» – «здороваться» у афроамериканцев)»:

The viewer of TV sporting events will often observe black athletes, and whites now too, giving skin after a home run, a touch-down, or at the start of a basketball game (H. L. Foster). [Электронный ресурс: <http://www.answers.com/topic/skin>].

19. TONGUE (21 базовое значение в NShOxD)

Язык, как часть тела, задействован в трех важнейших для жизни человека функциях: продвижение пищи в ротовой полости, определение вкуса пищи и производство речи. В OE *tongue* (германского происхождения) употребляется для обозначения языка всех позвоночных животных. В LME *tongue* приобретает значение «язык животного как кушанье». В конце XV века *tongue* – фигура или изображение языка.

Функциональная важность языка в производстве речи стала семантическим прототипом для возникновения ряда значений: в OE *tongue* обозначает «способность говорить, дар слова», а также «речь, разговор, голос, слова». Во многих контекстах язык в таком понимании представлен как живой орган человеческого тела.

Cathy is a sufficiently good little scholar, for her nine years; her mother taught her Spanish herself, and kept it always fresh upon her ear and her tongue by hardly ever speaking with her in any other tongue; her father was her English teacher, and talked with her in that language almost exclusively... (Twain, Mark. *A Horse's Tale*).

Тогда же, еще в OE, *tongue* имеет значение «язык; диалект, говор, наречие».

The Norman tongue was alone the speech in court and hall, Latin alone was the speech of the learned (Marshall, H. E. *English Literature For Boys And Girls*)

В LME *tongue* приобретает дефиницию «знание или использование языка», «манера говорения»:

Later on <...> it produced upon his adopted father, Claude, the effect of a child whose tongue is unloosed and who begins to speak. (Hugo, Victor. *Notre-Dame de Paris*)

В библейском смысле зарегистрировано значение «группа людей или нация, объединенная одним языком».

Значение «лай, вой животного» возникает в конце XVIII века и используется, в основном, в охотничьем деле. Интересно отметить, что именно в этот период охота признается свободным занятием и неотъемлемой частью права на земельную собственность. Нельзя, конечно же, связать эти два факта напрямую. Однако распространение социального явления дало основание существовать в языке значению слова.

Форма языка также является прототипом для возникновения следующих значений: «язык пламени» является самым ранним из них – зарегистрирован как ОЕ. В МЕ появляются значения: «вытянутый по форме предмет, часто плоской формы, подвижный и прикрепленный к чему-то с одной стороны», «застежка пряжки или броши», «язык ботинка», «язык колокола».

The iron tongue of midnight hath told twelve (Shakespeare, William. A Midsummer Night's Dream).

В конце XVI века *tongue* – «жердь, багор, используемый для передвижения телеги и др.». С середины XIX века *tongue* в железнодорожном деле – «остряк стрелки», а в техническом дискурсе – «шип, шпунт». С конца XIX века *tongue* употребляется для обозначения вида рыб, по форме напоминающих язык.

Форма языка также служит основанием для формирования в конце среднеанглийского периода значений географических объектов: «песчаная коса», «узкий морской залив, бухта» и др. В середине XIX в. *tongue* употребляется для обозначения «узкого течения реки». В начале XX века появляются специализированные значения в сфере геологии.

20. TOOTH (6 базовых значение в NSHOxD)

Слово *tooth* общиндоевропейского происхождения сохраняется в ОЕ со значением «зуб у большинства позвоночных, за исключением птиц». Интересно отметить, что слова *tooth*, *eating*, *biting* и *dentist* связаны не только логически, но и этимологически. Корни этих слов имеют общее происхождение. Праиндоевропейский корень *ed-*, означающий «to eat», изначально имеет дефиницию «to bite».

Слово *tooth* происходит от *dont-* (от *dent-*), что приводит к появлению германского *tanthuz*, которое в ОЕ превращается в *tōth*.

В LME *tooth* приобретает значение «аппетит, еда, вкус». В M16 появляется переносное значение «агрессивное разрушительное явление (как *the full force of a strong wind*)».

The Arangi was beating out between the coral patches of the narrow channel into the teeth of the brisk trade wind (London, J. Jerry of the Islands).

Форма зуба является прототипом для ряда значений, появившихся в LME: «выступающая часть инструмента, прибора» (зубец расчески, пилы, вилки, бороны, стелы, шестерни и др.).

But let us hold on here by this tooth, and look about us where we are (Melville, H. Moby Dick LXVIII–CXXXIV).

Тогда же *tooth* используется для обозначения выступающих частей организма животного (оконечность птичьего крыла; выступы на теле моллюска) и растения (зубцы на листьях).

В начале XIX в. словом *tooth* обозначают «шершавость на поверхности бумаги, полотна, дерева, позволяющая твердо держаться на ней клею, краске и др.». Формируется ряд специализированных значений в сфере морского дела (*teeth* – корабельные орудия), строительства, техники, биологии и др.

В XX веке появляются значения «действенность закона, договора, обеспечиваемая, как правило, системой наказаний»:

The copyrighting of microcode really doesn't seem to have a lot of teeth (New Scientist).

В сфере военного дела в XX веке формируется значение *tooth* «солдат вооруженных сил».

Проследив развитие значений исследуемых соматизмов, мы можем выделить некоторые *закономерности* данного процесса:

1) значения, связанные с прототипическим знанием о форме предмета, появляются раньше тех, которые связаны с функцией. Большинство описываемых соматизмов в словаре имеют ряд значений, прототипом которых являются физические характеристики, а именно *форма* части тела («something which resembles a *finger* (*eye, ear, arm, hair, hand, heart, knee, leg, tongue, tooth*)»). То есть на язы-

ковом уровне доказывается, что главным вопросом, волнующим человека по мере его знакомства с предметами окружающего мира является вопрос «Что это?», а затем, внимание переносится на поиски ответа на вопрос «Каким образом, как это функционирует?».

Акцент не на форме части тела, а на *функции* прослеживается в переносных значениях *face* и *brain*. Существительное *brain* не вызывает ассоциаций с формой данной части тела, именно потому, что, во-первых, это внутренняя невидимая часть тела, а во-вторых, мозг – это не столько некая физическая субстанция, сколько бесконечное число нейронных связей, что не может иметь аналогов в физическом мире. Прототипическим знанием для формирования переносных значений *brain* «умница, голова» и «мощный компьютер» является именно функция мозга как инструмента мышления.

Лицо – самая открытая видимая часть человеческого тела, несущая целый комплекс информации о человеке и активно считываемая участниками коммуникации. В данном случае речь идет, безусловно, о функции лица служить «зеркалом», отражающем информацию как о внешности человека, так и о его внутреннем мире. В связи с важностью лица для визуального восприятия окружающих, *face* «лицо» является семантическим прототипом для значений «visible part or surface of a thing» и «outward appearance».

2) Конкретные значения возникают раньше абстрактных (эта закономерность связана с первой и отражает всеобщий ход участия языка в процессе познания): *heart* как место расположения сердца, грудь (ОЕ) стало в МЕ семантическим прототипом для метафорического переноса на значения «сердцевина, ядро; очаг, центр». И далее, в М16 происходит дальнейшее расширение значения: *heart* начинает обозначать «суть, сущность». Параметрические ориентиры *head* (наивысшая точка тела человека) дает переносное значение «результат, исход; высшая точка, кульминация; перелом, кризис». Существительное *body* сначала обозначает «material frame of people or animals», затем как «телоподобная структура различных вещей», затем используется как «основная, главная, центральная часть (в противоположность второстепенной, менее важной, периферийной)». В процессе семантической деривации от *hand* появляется

значение «человек», при этом первоочередным основанием для расширения значений послужили физические качества, практические умения что-либо выполнять: рабочий, работник (человек, занимающийся физическим трудом); лицо, выполняющее определенную работу (*a portrait of the well-known hand*); матрос (M17), а только потом – ментальные и личностные характеристики. С конца XVIII века в разговорном английском *hand* это лицо, определяемое в отношении его способностей, умения (*to be a bad hand at smth*) и в отношении его характера (*He is known as a cool hand* – Он известен своим хладнокровием).

3) Прототипическое знание о форме и функции части тела является важным при образовании терминов. Слово *leg* характеризуется высокой продуктивностью в создании терминов, что связано с функциональной значимостью *leg* (нога, опора) и легкостью переноса данного значения на предметы со схожей «опорной» функцией (опора, стойка, подставка, столб, колонка, катет, опорная штанга, колено и др). И наоборот, слово *heart* менее продуктивно в образовании значений-терминов. Обнаружено всего несколько специализированных значений (юферс – морское дело, сердечник – в техническом дискурсе, сердцевина, ядро – в биологии), построенных на ассоциациях с формой и центральным положением сердца в организме человека. Отсутствие множественных терминов показывает первостепенную важность значения *heart* (сердце) как «душа, дух, любовь». Как показывает словарь, специализированные значения появляются, в большинстве своем, в эпоху индустриализации.

4) Первоначально человек давал названия частям своего тела и использовал эти же номинации для тел животных: *hair* – волосы (ОЕ) и шерсть животного (ОЕ); *knee* – колено человека (ОЕ), колено животного (LME); *hand* – рука человека и конечность животного (ОЕ), *head* – голова человека и голова животного (ОЕ). Однако в эпоху нового времени, в связи с институализацией научного знания, дифференциацией наук, образованием отраслей, формированием специализированных терминосистем, части тела животных получают отдельные наименования: в ОЕ *face* использовалось для обозначения «морды животного» (ОЕ), затем в МЕ появляются слова

muzzle и *snout* с подобным значением, *arm* – в ОЕ «рука человека», в МЕ развивается значение «передняя конечность животного», а затем появляется слово *paw* (МЕ). В МЕ *nose* обозначает «хобот слона» (*trunk* для обозначения хобота слона появляется только в ЛМЕ).

5) Специализация значений и образование терминов происходит наиболее активно в XVII-XIX веках, при этом в английском языке термины, связанные с морской профессией, архитектурой и строительством появляются раньше других, что связано с более ранним освоением человеком этих сфер деятельности в британской культуре. *Body* как корпус корабля зарегистрировано еще в ОЕ. В конце XV века *head* обозначает «переднюю, носовую часть судна», *hand* имеет значение «матрос» (M17), *foot* – «нижняя часть паруса» (M17); в середине XVII века *eye* обозначает «нос корабля»; *heart* обозначает юферс (морской термин) и др.

6) Переносные значения на сферу общественных отношений происходят, в основном, в эпоху нового времени, с утверждением либеральной идеологии, капиталистических отношений, которые требуют личностного интереса (*body* в среднеанглийский период начинает использоваться для обозначения физических и юридических лиц; органов; организаций; в конце XVI века *body* приобретает значение группы или сообщества, объединенного общей целью «*the whole body filed out of the auditorium*»; «*the student body*»; «*administrative body*»).

7) У многих соматизмов развиваются значения, связанные с измерением (*hair* (МЕ), *foot* (ОЕ), *finger* (ЛМЕ), *hand* (M16) (E18), *head* (МЕ) (M16); *neck* (E19), что обусловлено прагматическими интенциями людей найти способы измерения окружающих предметов наиболее простыми и доступными способами, используя в качестве ориентира или измерительного прибора собственное тело. Как видно из словарных помет, данная практика была характерна для всех этапов развития языка вплоть до образования неологизмов (*hand-span, n.* – the distance between the outstretched tips of the little finger and thumb when used as a unit of measurement).

8) Параметрические характеристики той или иной части тела (форма, размер и т. д.) становятся исходными для образования

абстрактных понятий: *heart* как место расположения сердца, грудь (ОЕ) стало в МЕ семантическим прототипом для метафорического переноса на значения «сердцевина, ядро; очаг, центр». И далее, в М16 происходит дальнейшее расширение значения: *heart* начинает обозначать «суть, сущность». Здесь мы видим процесс, схожий с возникновением значения у *head* на основе параметрических данных (форма, размер, расположение) абстрактного значения «результат, исход; высшая точка, кульминация; перелом, кризис».

9) Большинство описываемых соматизмов имеют переносное значение «человек, лицо», детализируемое в каждом случае связью с исходным значением. Данный факт косвенно подтверждает древнюю мудрость, которая гласит, что чем бы ни интересовалось человечество, главный его интерес всегда сосредоточен на самом человеке. Функции частей тела являются важным уточняющим фактором в семантике слов, обозначающих «человека, лицо»:

- body** – an individual, a person (ME) – (now colloq.);
the material being of a human, the person (LME);
- brain** – a clever person, the cleverest person in a group, the mastermind (colloq. ME);
- eye** – the person or animal whose power of vision is used by another (usu. blind) person (LME);
a detective (sl. E20);
- face** – (a form of address to) a person, esp. one admired or despised to some degree (sl. E20);
- finger** – a police officer, a detective (L19);
an informer (sl. E20);
a pickpocket (E20);
a person, who indicates victims to criminals (M20);
- hand** – a performer of some action, spec. of some artistic or literary work (ME);
a manual worker, spec. a member of a ship's crew (M17);
a person of a specified skill, ability, or character (colloq. L18);
- head** – a person to whom others are subordinate, a ruler, a chief (OE);
the master of a college, a headmaster, a headmistress (M16);
a person with a head of a specified kind; an individual (ME);

- heart** – as a term of endearment, usu. qualified with *dear*, *sweet*, etc. (ME);
a man of courage or spirit (E16);
- leg** – (Cricket) a fielder who plays on the side of the pitch where the batsman stands (E19);
a woman (derog. slang US) (M20);
- mouth** – a person viewed as a consumer of food (M16);
a person who speaks on behalf of another or others; a spokesman (*now rare or obs.*);
a silly person; a dupe; a noisy person; a talkative or indiscreet person (*slang L17*);
- nose** – a spy, an informer, esp. for the police (*slang L18*);
- skin** – an objectionable person (chiefly Anglo-Ir.), a person (pf a specified kind) (E19);
a skinhead (slang L20);
- tooth** – a combatant personnel of an armed force (M20).

Выводы

1. Телесность трактуется нами как диалектическое единство биологической и социальной организации человеческого тела. Телесность, как философская и социокультурная категория, определяет этапы познавательной деятельности человека, формирования его культурного опыта. Как лингвокогнитивная категория телесность определяет значимость языковых единиц, в первую очередь номинаций частей тела, в лексиконе языковой личности и ее лингвокреативной деятельности. Для продуктивного исследования отсоматической лексики необходимо учитывать следующие положения: а) акты человеческого сознания, включая языковые формы их выражения, формируются, в том числе, и человеческим телесным опытом; б) от телесной организации человека во многом зависят параметры и механизмы существования культуры, не только в плане ее материальной представленности, но и на уровне высших проявлений духа; в) одним из наиболее продуктивных методов исследования связей между обществом и языком, мышлением и языком является обращение к соматической лексике, входящей в основной словарный фонд любого языка.

2. Экспериментальный подход к исследованию словообразования позволяет обнаружить в процессах формирования отсоматического лексикона важность тех или иных частей тела и их функций не только в освоении окружающей действительности и практической деятельности человека, но и в отражении культурного опыта, не имеющего непосредственной привязки к его телесной организации. Отсоматическая лексика позволяет человеку описать ситуацию через непосредственные ощущения, в прямом сравнении свойств тела и его частей с особенностями предметов, объектов и ситуаций окружающего мира. Такие приобретенные знания о «качественной»

онтологии действительности фиксируются языковой семантикой в лексических единицах. Следовательно, отсоматическая лексика представляет собой важное средство репрезентации ментальных процессов концептуализации и категоризации действительности, а также фиксации новых знаний человека о мире и о себе. Тем самым, соматизмы и отсоматизмы играют роль культурно-онтологических (практико-онтологических, деятельностно-онтологических) архетипов.

3. Анализ словарных дефиниций показал, что значения отсоматических семантических дериватов отражают социокультурный генезис фоновых знаний человека, которые могут трактоваться как когнитивная опора (или прототипическое знание о качествах, структуре и функциях организма и его частей). Данное знание за счет семантической деривации становится источником других видов знания как о себе, так и об окружающей действительности, вплоть до формирования абстрактных понятий, используемых метафорически.

4. Процесс развития значений соматизмов имеет некоторые закономерности: значения, связанные с прототипическим знанием о форме предмета, появляются раньше тех, которые связаны с функцией; конкретные значения возникают раньше абстрактных; при образовании терминов знание о форме и функции части тела является наиболее важным семантическим прототипом; на протяжении всех этапов развития языка у многих соматизмов развиваются значения, связанные с измерением, что обусловлено прагматическими интенциями людей найти способы измерения окружающих предметов наиболее простыми и доступными способами, используя в качестве ориентира или измерительного прибора собственное тело; большинство описываемых соматизмов имеют переносное значение «человек, лицо», детализируемое в каждом случае связью с исходным значением соматизма, что еще раз доказывает антропоцентрический характер лингвокреативной деятельности человека.

Глава 3

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ
ОТСОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Процессы словообразовательной категоризации отражают языковую действительность и вместе с тем являются продуктом конструктивной работы мышления, воспроизводящего связи и отношения объектов реальности. Выявление таких корреляций возможно при представлении словообразования как такого процесса, который может быть *в некоторой степени* смоделирован, т. е. представлен, упорядочен и описан с помощью неких *искусственных теоретических метаязыковых* структур, к которым прибегают ученые в попытках создать разного рода таксономии. Следует отметить, что деятельность в таком направлении является достаточно сложной. Дело в том, что «структуры сознания или структуры знания» не представлены как некая объективная реальность, а скрыты за феноменами живого языка, выявление структур которого есть прерогатива ученого-лингвиста. И здесь снова возникает проблема оснований: достаточно ли изучать словообразование в рамках генезиса морфо-грамматических структур или же надо рассматривать еще и генезис смысловых структур, порождающих первые? Современная когнитивная наука настаивает на необходимости включения внутреннего смыслового плана в поле исследования для более глубокого понимания природы словообразовательных процессов.

Соединение в исследовательском процессе в одно целое данных «внешней» морфолого-грамматической представленности и «внутреннего» смыслового ряда – такого рода задача видится для нас наиболее перспективной.

3.1. Словообразовательное гнездо как базовая концептуально-когнитивная схема лингвистической репрезентации языковой картины мира

Исследование словообразования в аспекте когнитивистики *предполагает понимание словообразования как системы*, образуемой совокупностью производных лексических единиц, при этом сама система состоит из ряда подсистем, которые представлены комплексными единицами, реализующими парадигматические отношения. Однако в выборе структурных единиц словообразовательной системы просматриваются определенные методологические трудности. К таким единицам, как пишет А. Н. Тихонов, ученые относили: *производные слова* (Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова и др.), *словообразовательные форманты* (В. В. Лопатин, И. С. Улуханов), *деривационный шаг* (П. А. Соболева), *словообразовательный образец* (Н. А. Янко-Триницкая), *словообразовательные типы и модели* (Б. Н. Головин, В. В. Лопатин, И. С. Улуханов и др.) [Тихонов, 1988: 71]. В. Н. Немченко выделяет больше десяти видов таких единиц [Немченко, 1985]. Выделение такого множества подобных единиц, несомненно, связано со стремлением к изучению явлений изоморфизма в строении различных подсистем языка [Земская, 2004: 103]. Следует отметить, что такое разнообразие терминов и понятий характерно для этапа становления словообразования как науки в последней трети двадцатого века¹.

В данной работе мы не считаем необходимым подробно останавливаться на каждой из перечисленных единиц в связи с тем,

---

¹ Сегодня такой же «терминологический взрыв» характеризует состояние становления когнитивного направления в лингвистике.

что лингвистами уже в достаточной степени подробно даны их характеристики. Для нашего исследования наиболее подходящим является обращение к понятию *словообразовательного гнезда* (СГ), как базовой концептуально-когнитивной схеме лингвистической репрезентации ЯКМ.

Под СГ мы традиционно будем понимать совокупность однокоренных лексических единиц, связанных мотивационными семантическими отношениями, обусловленными общим корнем и отдельными словообразовательными значениями. Такое понимание СГ подразумевает учет и взаимосвязь как лексической, так и словообразовательной семантики, что находит выход в трактовке СГ как системы лексических (номинативных) единиц, выражающих особый тип языковой семантики – лексико-словообразовательное значение. М. Н. Янценецкая определяет *лексико-словообразовательное значение* как реализацию собственно словообразовательного значения на уровне семантической темы большей или меньшей степени обобщения, связывающей тематическую и словообразовательную семантику и, благодаря этому, наполняющую достаточно общие словообразовательные формулы конкретным содержанием [Янценецкая, 1982].

На современном этапе словообразовательные гнезда продолжают исследоваться традиционно, как системы взаимодействия словообразовательных, грамматических и лексических отношений [Казак, 2004; Коломонова, 2009; Ходунова, 2010]. Однако когнитивная парадигма не могла не повлиять на смещение акцентов, и, как результат, словообразовательные гнезда признаются комплексными единицами, которые способны отражать действительность через взаимодействующие между собой мотивировочные признаки, и таким образом, выявлять когнитивную природу и механизмы словообразования [Крючкова, 2004; Евсева, 2012 и др.].

Большой интерес и разнообразие исследований формально-семантической организации гнезда в начале XXI века характеризуется как «гнездовой бум» [см. Казак, 2004: 3]. Это видится вполне оправданным в связи с многофункциональностью СГ, комплексной информацией, заложенной в его структуре.

И. В. Евсеева, изучая комплексные единицы русского словообразования, справедливо утверждает, что фрагменты ЯКМ «весьма показательно представлены в комплексных единицах дериватологии, в частности таких, как словообразовательный тип и лексико-словообразовательное гнездо, которые специфично организуют производные единицы (основной фонд лексики русского языка) вокруг, с одной стороны, непроизводного слова – базового концепта (гнездо), с другой, – словообразовательного форманта (тип)» [Евсеева, 2012: 36].

Производящая база деривата и словообразовательный формант представляют собой основные составляющие формального выражения *нового знания в языке* и, соответственно, необходимые атрибуты его инкорпорации в ЯКМ. Семантика исходного мотивирующего слова в той или иной степени отражается в семантике производных единиц. Иерархия таких связей наиболее ярко прослеживается в словообразовательных гнездах. Для более полной картины мы включаем в словообразовательные гнезда дериваты как литературного английского языка, так и просторечия, и жаргонизмы. По нашему мнению, ЯКМ представлена производными единицами разных социальных сфер языка, и было бы неправомерным исключать из нее те или иные лексемы на основании их принадлежности к разговорному стилю или сленгу. Более того, вряд ли найдется человек, использующий в своей речи исключительно «литературные» единицы, особенно в повседневной жизни. Как известно, граница между литературным стилем и просторечием не устойчива, она подвижна и изменчива.

С точки зрения организационной и системообразующей роли СГ – это комплексное, иерархическое объединение производной лексики, которое характеризуется внутрисловными и межсловными структурными и семантическими отношениями и дающее наиболее полную картину таких отношений. По мнению М. Ю. Казак, СГ это одна из самых сложных и многогранных комплексных единиц словообразовательной подсистемы; двусторонняя единица словообразования, имеющая формальную и смысловую структуру; одна из высших форм организации и обобщения производной лек-

сики; классификационная единица, наиболее приближающаяся к естественным классификациям; микросистема, концентрированно отражающая все основные виды языковых отношений [см. Казак, 2004: 14].

Наше исследование подтверждает, что такой тип организации производной лексики эвристичен в случае, например, *соматизмов* и их производных, поскольку специфика соматической лексики заключается в ее культурно-исторической универсальности, константности, а также в том, что соматическая лексика вербализирует понятный, даже на уровне обыденного сознания, человеческий опыт (т. е. допускает, в рамках экспериенциализма, анализ «гнездовых» отношений для любого языка, на уровне смыслов, средствами метафоры). Таким образом, соматизм может быть рассмотрен не просто как «порождающий архетип», но как «культуросообразный порождающий архетип».

Анализ структурно-семантических отношений между производящим и производным словом в рамках отдельных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) дает возможность выявить механизмы сеообразования при формировании семантики производных в СГ. Исходное (вершинное) и каждое производное слово СГ характеризуются различными, разветвленными семантическими структурами, обусловленными как процессами семантической, так и морфологической деривации.

Сложность и многомерность СГ как комплексной единицы словообразовательной системы определяется сложностью и многомерностью *отношений* (иерархических, парадигматических, синтагматических), возникающих между исходным словом и его производными. *Семантическое пространство гнезда* представляет собой место пересечения и взаимодействия разных типов значений: лексических, грамматических и деривационных, а также сложный конгломерат различных смыслов [Ачаева, 2012].

Синтагматические словообразовательные отношения подразумевают некие закономерности сочетания единиц. По словам Ю. С. Степанова, синтагматические отношения представляют собой линейные отношения между языковыми единицами в по-

токе речи (принцип конъюнкции – «и-и») [Степанов, 1975: 302]. В. В. Виноградов считает, что «особенностью словообразующего аффикса (грамматической морфемы) является то, что в огромном большинстве случаев он не может быть использован вполне самостоятельно, а должен быть как бы привязан или припаян к строго определенному (морфологически и лексически) корневому элементу, в зависимости от которого находится и его значение. Правила спайки зависят от фонеморфологических и лексико-семантических условий» [Виноградов, 1975: 196].

Парадигматические словообразовательные отношения устанавливаются между единицами, которые находятся в отношении корреляции и одновременно противопоставленности по определенным признакам. Парадигматические отношения подразумевают отношения между взаимозаменяемыми в одной и той же позиции языковыми единицами (принцип исключающей дизъюнкции – «или-или») [Степанов, 1975: 302].

Реализация системных связей и отношений исходного слова и его производных осуществляется в следующих компонентах СГ:

- *словообразовательная пара* – формальное и семантическое соотношение производящего и производного слов; семантические связи в словообразовательных парах СГ представлены как отношения мотивированности и производности: *brain* → *brainish*; *brainish* → *brainishly*. По мнению И. В. Евсеевой, в словообразовательной паре «производное всегда сложнее своего производящего ровно на один формант» [Евсеева, 2012: 306]. Данное положение является справедливым только для производных, образованных путем морфологического усложнения структуры слова. Однако, оно не продуктивно для таких способов образования как конверсия и реверсия. При конверсии структура слова остается неизменной, появляется новое лексико-словообразовательное значение и меняется парадигма слова: *overarm, adj. (19 c.)* → *overarm, adv. (L 19)*; *overarm, adv. (L 19)* → *overarm, n (E 20)*. При реверсии происходит изменение морфологической структуры слова, как правило, в сторону ее упрощения: *handshaking, n* → *hand-shake, v*; *brain-washing, n* → *to brain wash, v*.

- *словообразовательная цепь (цепочка)* – ряд последовательно связанных однокоренных производных, в котором каждая предыдущая единица является производящей базой последующей, реализуя, таким образом, синтагматические отношения в словообразовательных парах. В зависимости от наполняемости СГ и структурных особенностей дериватов, СГ могут характеризоваться разными видами производности:

- (1) цепочечной производностью:

hair → *hairless* → *hairlessness*;

- (2) веерной производностью:

hand → *handful*
 → *handed*
 → *hander*
 → *handless*
 → *handsome*
 → *handy*

- (3) цепочечно-веерной производностью:

hair → *hairy* → *hairily*
 → *hairiness*
 → *hairyback*;

- (4) комплексной производностью:

hand → *handful*
 → *handed* → *handedness*
 → *hander*
 → *handless* → *handlessly*
 → *handsome* → *handsomely*
 → *handsomeish*
 → *handsomeness*
 → *handy* → *handily*
 → *handiness*
 → *handyman*
 → *handiwork*
 → *handy-dandy* → *handy-dandy, adj (conversion)*
 → *handie-talkie*
 → *handy-andy*

В своей совокупности словообразовательные цепи и пары, взаимодополняя друг друга и реализуя парадигматические и синтагматические связи слов, являются тем строительным материалом гнезда, который позволяет вскрыть его сложную иерархическую организацию.

Как видно из вышеизложенного, на разных ступенях деривации в рамках одного СГ складываются свои особенности, посредством которых будут формироваться лексическое и грамматическое значения производного слова. Данные особенности обусловлены появлением нового словообразовательного значения, материализованного (не всегда) словообразовательным формантом, и словообразовательными потенциями каждого из лексико-семантических вариантов вершины СГ, количественными и качественными изменениями семантики по мере углубления гнезда (с каждым деривационным шагом) [см.: Грошева, 2010]. Но следует подчеркнуть, что оставаясь на позициях исключительно нормативно-структурного описания, мы рискуем не «собрать» всех тех смыслов новых значений и производных слов, которые могут быть обнаружены при работе с живым человеческим опытом. Исследование деривационно-семантического пространства СГ в *когнитивном плане* позволяет получить сведения об особенностях когнитивной деятельности человека, выявить логические связи между структурами знания, культурно-историческим опытом и объективирующими их языковыми единицами.

М. А. Осадчий считает, что СГ как концептуальная структура может рассматриваться как фрейм, призванный зафиксировать результаты познавательной деятельности человека, т. е. СГ носит системообразующий характер, упорядочивая мотивационные отношения как внутри слова, так и между лексемами СГ. Это положение вытекает из утверждения, что типовые связи, возникающие в СГ, являются результатом «ситуативного характера человеческого мировидения». Фрейм в таком понимании является носителем комплексного знания. Пропозиционально-фреймовое моделирование дает возможность представить СГ как «пространство непрерывного деривационно-мотивационного процесса, динамического

континуума внутрисловного и межсловного порождения смыслов» [Осадчий, 2007: 4].

При когнитивном анализе СГ некоторые исследователи полагают целесообразным обращение к *этимологическим корням дериватов*, точнее, к словообразовательным гнездам с общей этимологией, поскольку в ходе исторического развития возможно гнездовое перераспределение лексем. Н. В. Крючкова подчеркивает, что уже сам факт гнездового перераспределения важен для когнитивного анализа словообразовательных гнезд, так как «свидетельствует о самостоятельном концептуальном осмыслении того или иного мотивировочного признака, прежде, возможно, «слитого» с другим признаком или развившегося путем метафоризации некоего первичного признака» [Крючкова, 2004: 26]. Прежде всего, значимой является тесная связь, взаимодействие названных мотивировочных признаков. Лексемы, входящие в состав этимологически родственных словообразовательных гнезд, демонстрируют своеобразное соотношение – корреляцию – мотивировочных признаков, что, в свою очередь, позволяет моделировать закономерности протекания когнитивных процессов словообразования.

Исследование номинативных пространств СГ в *сопоставительном плане* также представляется важным. Такие исследования позволяют обнаружить универсальные и этноспецифические характеристики процессов языковой категоризации. Сопоставительная типология открывает широкие возможности для изучения не только лингвистических фактов, например, универсальных и специфических способов выражения словообразовательных значений, но и культурно-обусловленной информации. Так, например, исследования соматической лексики Р. С. Кимова на материале кабардинского, русского и английского языков позволили исследователю прийти к важным выводам о том, что для кабардинского языка «когнитивная роль соматизмов в формировании картины мира и их эпистемическая функция более значимы и значительны по сравнению с английским и русским» [Кимов, 2010: 4].

СГ предстает как естественная комплексная система порождения, хранения и упорядочивания знания. Говорящему достаточно

знать значение вершинного слова СГ, чтобы ассоциативно его связать с другим членом гнезда (производным словом), при восприятии которого «в сознании человека мгновенно происходят когнитивные (ментальные) операции по установлению ряда ассоциативных связей. К ним относятся: (1) соотнесение с производящим словом, (2) поиск знакомой словообразовательной модели известного слова (3) применение знаний (1) и (2) к воспринимаемому слову». [Евсеева, 2012: 200]. Важно учитывать, что рождение ассоциативных связей имеет социально-культурный, практический базис, без учета которого невозможно ставить вопрос о поиске единственно нужной словообразовательной модели нужного слова.

Словообразовательные гнезда как единицы словообразовательной подсистемы ярко эксплицируют не только статические основы словообразования, но и динамическую конструктивную природу языкового знака, объединяя и упорядочивая смыслы, репрезентирующие тот или иной концепт.

Приведем два варианта словообразовательного гнезда в английском языке с вершинным существительным-соматизмом *BRAIN*. В таблице 1 представлены результаты морфологической деривации. В рисунке 1 объединены семантические и морфологические дериваты.

Таблица 1

Морфологическая деривация и словосложение от соматизма *BRAIN*

	Суффиксальные производные	Дальнейшая деривация
brain	→ brained , adj. (L ME) → brainish , adj. (arch ME) → brainless , adj. (L ME) → brainy (M 19) → brainward , adv.	→ brainlessly , adv. (E 17) → brainlessness , n (L 19) → brainily , adv. (E 20) → braininess , n (E 20)
Префиксальные производные		
brain	→ afterbrain , n → forebrain , n → midbrain , n → superbrain , n (E 20)	

Окончание табл. 1

	Суффиксальные производные	Дальнейшая деривация
Конверсия		
brain	N → V to brain, v (L ME)	
Словосложение		
brain	brain + N brain-growth, n; brain-fag, n; brain-picking, n; brain-stem, brain-teaser, n; brain-teasing, brain-tire, brain-twister, brainbox, braincase, brainchild, brainpan, brainpower, brain-trust, brainwave, brainworm brainwork brain-washing brain-storm brain-drain, n	→ brainworker → (back-form) to brainwash, v → brainwashed → (conv) to brainstorm, v → brainstorming, n → (conv) to brain-drain, v
brain	→ brain + P2 brain-damaged, brain-fried, brain-burned	
brain	→ brain + Adj. brain-dead, brainsick	→ brainsickly
brain	→ Adj. + brain lamebrain, leftbrain, rightbrain, split-brain	
brain	→ N + brain birdbrain, lackbrain, peabrain	
brain	→ V + brain scatterbrain, n;	
Контаминация		
brain	brain + maniac brainiac	

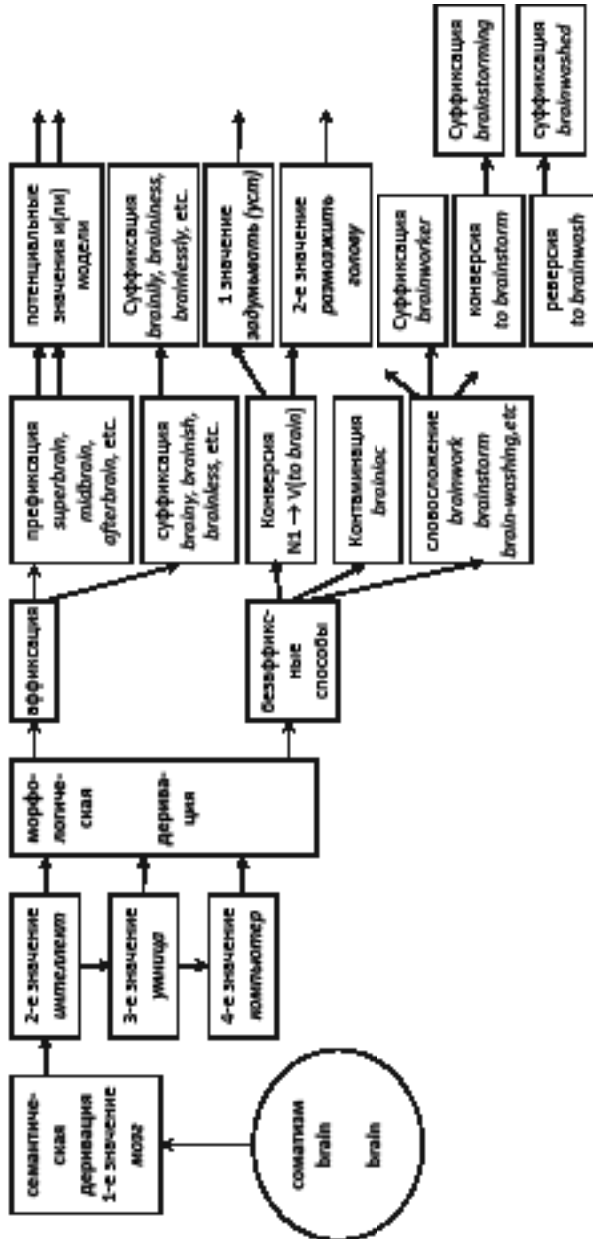

Рис. 1. Семантическая и морфологическая деривация от соматизма BRAIN

Остановимся подробнее на тех аспектах рассмотрения СГ, о которых мы говорили выше, применительно к конкретному эмпирическому материалу, а именно, словообразовательному гнезду, образованному от вершины-соматизма BRAIN (см. табл. 1, рис. 1). Рассматривая данные СГ в *структурном* плане, мы имеем полную грамматическую информацию о способах и моделях образования производных от вершинного слова, в частности существительного *brain*. Суффиксальные модели первой ступени деривации представлены следующими: N + -ed → Adj (*brained*); N + -ish → Adj (*brainish*); N + -less → Adj (*brainless*); N + -y → Adj (*brainy*); N + -ward → Adj (*brainward*). Некоторые из этих производных становятся мотивирующим единицами для дальнейшей деривации: *brainlessly, adv; brainlessness, n; brainily, adv; braininess, n*.

Префиксальные модели представлены следующими: after- + N1 → N2 (*afterbrain*); fore- + N1 → N2 (*forebrain*); mid- + N1 → N2 (*midbrain*); super- + N1 → N2 (*superbrain*).

В результате конверсии по модели N → V образован глагол *to brain, v*.

Модели словосложения представлены разнообразно: **brain** + N → N (*brain-teaser, brainwork, brainpower*), **brain** + P2 → P2 (*brain-damaged, brain-fried, brain-burned*), **brain** + Adj. → Adj. (*brain-dead, brainsick*); Adj. + **brain** → N (*lamebrain, leftbrain, rightbrain, split-brain*); N + **brain** → N (*birdbrain, lackbrain, peabrain*); V + **brain** → N (*scatter-brain, n*). Ряд сложных производных единиц сами становятся производящей базой сложнопроизводных лексем, образованных путем суффиксации: *brainworker*; реверсии – *to brainwash, v*; конверсии: *to brainstorm, v, to brain-drain, v*.

Модель контаминации представлена одним производным: *brainiac (brain + maniac)*.

Таким образом, в структурном плане СГ включает все элементарные и простые единицы, такие комплексные единицы, как словообразовательные модели, пары и цепи, что дает возможность проследить направление деривации.

Анализ производных, образованных от BRAIN по разным структурным моделям, позволяет выделить следующие лексико-семантические группы:

- 1) существительные, называющие части тела (*brain-stem* – головной мозг; *forebrain* – передний мозг);
- 2) существительные, называющие человека по разным признакам (*lamebrain* – глупый человек, дурачок; *brainiac* – очень умный человек; *scatterbrain* – разг. вертопрах, легкомысленный и рассеянный человек; *pea-brain* – разг. A stupid person);
- 3) существительные, называющие конкретные предметы и объекты реальной действительности (*superbrain* – супермощный компьютер);
- 4) существительные, называющие различные состояния (*brain-tire* – истощение головного мозга, перенапряжение мозга, *brain-fag* – нервное истощение, нервная слабость, нервное переутомление);
- 5) существительные, называющие коллективы, группы, организации (*brainpower* – интеллектуальная элита, интеллектуалы);
- 6) существительные, называющие действия (процессы) (*brain-picking* – ам. разг; расспросы; сбор или получение информации (у другого лица);
- 7) существительные, называющие абстрактные идеи и сущности (*brain-teaser* = *brain-twister* – трудноразрешимая задача, проблема; трудный вопрос; головоломка; *brain-child* – замысел, идея; изобретение; плод (чьих-л.) размышлений, умственных усилий, *brain-storm* – 1) бредовая мысль 2) великолепная идея).

При анализе существительных, образованных от *brain*, мы обнаруживаем проекцию значений ЛСВ «головной мозг», «интеллект», «мыслящая личность», «умница», «голова» на значения производных. В большинстве случаев, производные образуются от значения *brain* – «интеллект», включающую сему «умственные способности человека»: *brain-worker* – работник умственного труда, *brainiac* – очень умный человек, *birdbrain* – придурок, *lamebrain* – глупый человек, дурачок, *peabrain* – глупый человек, *scatterbrain* – разг. вертопрах, легкомысленный и рассеянный человек; *featherbrain* – вертопрах, пустой, легкомысленный человек; *brain-drainer* – ученый, специалист, эмигрировавший в другую страну или другое учреждение; *brain-truster* – сотрудник мозгового центра, *super-brain* – очень умный человек.

Прилагательные, образованные от *brain*, обозначают качество, признак: *brain-damaged* – сумасшедший (напр. о программе), *brainy* – мозговитый, *brainish*, *brainless* – безмозглый.

Глагол *to brain* (размозжить голову), образованный по модели конверсии $N \rightarrow V$, относится к глаголам действия, и в данном случае часть тела обозначает роль объекта-цели функционально-значимого действия или процесса. Интересно отметить, что при образовании глагола семантическим прототипом является первое значение *brain* «головной мозг».

Анализ эмпирического материала, описываемого в данном исследовании, показывает, что отсоматические производные обладают широким кругом функциональных признаков (предикатов). Однако, каждый из соматизмов, а вернее функциональная нагрузка той или иной части тела, обозначенной соматизмом, ограничивает области его референции, а, следовательно, и семантику производных от них слов. Так, производные от *brain* не обозначают следующих категорий: место, время, животное, растение, параметрический концепт (см. об этом подробнее 3. 3).

Словообразовательное гнездо может быть представлено в виде гиперлексемы, а варианты мотивировочного признака, реализованные в СГ, могут быть описаны как его семантические варианты [Крючкова, 2004: 27]. В пропозиционально-фреймовом моделировании можно выделить как общие для всех исследуемых соматизмов пропозиционально-смысловые связи, так и частные. А соответственно, и набор предикатов и свойственных им актантаов, будет варьироваться: субъект, объект, инструмент, место, результат и др.

Так, для производных от *brain* выявляется 6 пропозициональных структур:

OBJ – BE PART OF – OBJ *soma* (*brainstem*);

ACTOR – USE AS INSTRUMENT – OBJ *soma* (*brainworker*);

QUALITY – ABSENCE OF – OBJ *soma* (*brainless*)

QUALITY – BE SUPPLIED WITH – OBJ *soma* (*brained*)

CONDITION – CHARACTERISTIC (FOR) – OBJ *soma* (*brain-dead*, *brain-fag*)

OPERATION – BE AIMED AT – OBJ *soma* (*to brain*)

В целом, с помощью словообразовательных средств создаются языковые единицы, обозначающие разные реалии жизнедеятельности человека: наименования объектов, предметов, процессов, явлений, действий, лиц, состояний, помещений, отношений, связей и т. д. Следовательно, производные единицы, упорядоченные и организованные при помощи словообразовательных гнезд, не только репрезентируют фрагменты ЯКМ, но и структурируют и расширяют ее.

Отметим, что словообразование как когнитивный инструмент изменения языка позволяет получить не только *собственно лингвистическую, языковедческую*, но и *антропо-, социо- и национально-культурную и концептуальную* информацию. Процессы семантической и структурной деривации представляют собой отражение конвенциональных моделей взаимодействия структур концептосферы. Гнездовой подход к анализу производных единиц и способов их образования позволяет выявить деривационно-семантический потенциал мотивировочных признаков и возможности их использования при языковом моделировании реальной действительности. Такая трактовка словообразовательных гнезд видится перспективной в связи с тем, что до настоящего времени в лингвистике еще не описан набор мотивационных признаков и нет данных «об их предпочтительном использовании в том или ином семантическом поле, в том или ином денотативном пространстве» [Толстая, 2002: 120].

3.2. Структурная характеристика отсоматических производных

С целью получения достоверных и систематизированных выводов, языковой материал должен быть подвергнут тщательному анализу, основанному на определенных принципах. При исследовании материала мы берем за основу принципы морфологического и словообразовательного анализа, плодотворно разработанные такими отечественными учеными, как Н. Д. Арутюновой, Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, В. В. Лопатиным, М. Д. Степановой, П. А. Соболевой, А. Н. Тихоновым, И. С. Улухановым и др.

В рамках исследования структурных, морфологических оснований словообразовательной категоризации важно выяснить, какие языковые формы используются для передачи того или иного содержания, каков способ выражения семантических отношений, происходит ли специализация моделей, обусловленная выражаемыми отношениями, и какие модели являются наиболее продуктивными в пополнении словарного состава языка. В данном параграфе рассматриваются структурные особенности словообразовательных моделей, по которым образуются аффиксальные дериваты, сложные слова, конверсивы и бленды. Мы руководствуемся положением Е. С. Кубряковой о том, что морфологический анализ «направлен на выделение значащих частей слова и определение их иерархии, на обнаружение зависимостей между этими частями и вхождением слова в определенный парадигматический ряд, на обнаружение корреляций между строением слова и передаваемыми им грамматическими значениями» [Кубрякова, 2008: 8].

Анализ материала исследования показал, что все первообразные существительные-соматизмы представлены корневыми основами. Отсоматические дериваты образуются посредством конверсии, суффиксации, префиксации, словосложения, контаминации.

Суффиксация

Суффиксальным способом образовано 151 (около 6%) дериватов при помощи следующих суффиксов:

- age** (footage, heartage);
- ability** (headability);
- able** (heartable, mouthable);
- ed** (bodied, brained, faced, fingered, footed, haired, handed, headed, hearted, mouthed, necked, nosed, skinned, tongued, toothed);
- er** (facer, fingerer, footer, hander, kneeler, mother, necker, noser, skinner, tonguer, toother);
- et** (facet);
- ful** (f. full, n) (armful, earful, eyeful, fingerful, handful, heedful, mouthful, toothful);
- hood** (bodihood);
- ing** (fingering, footing, heading, legging, mousing, necking, nosing, skinning, tothing);
- ish** (brainish, eyeish);
- ial** (facial);
- less** (armless, bodiless, brainless, earless, faceless, fingerless, footless, hairless, handless, headless, heartless, legless, mouthless, neckless, noseless, skinless, tongueless, toothless);
- let** (armlet, eyelet, heartlet, leglet, necklet, tonguelet, toothlet);
- like** (armlike, earlike, eyelike, fingerlike, footlike, hairlike, kneelike, leglike, mouthlike, necklike, skinlike, tongue-like, toothlike);
- ling** (fingerling, footling, noseling);
- some** (handsome, toothsome);
- ward** (brainward);
- ster** (tonguester);
- y / ie** (brainy, fingery, footy, footsie, hairy, handy, heady, hearty, kneesie, leggy, mouthy, nosy, skinny, tonguey, toothy)

Префиксация

Способом префиксации образовано 101 (около 4 %) дериватов при помощи следующих префиксов и combining forms:

- a-** (afoot, ahead)

about- (aboutface)
afore- (aforehand)
anti- (antibody)
after- (afterbrain)
back- (backhand)
bio- (bioarm)
before- (beforehand)
behind- (behindhand)
fore- (forebrain, foreface, forefinger, forefoot, forehand, foreleg, foreskin)
inter- (interface)
mid- (midbrain)
off- (offhand)
out-of- (out-of-body)
over- (overarm, overhand)
pro- (proface, proleg)
pseudo- (pseudoheart)
super- (superbrain)
un- (unarm, unbody, unface, unhair, unhand, unhead, unheart, untooth)
uni- (unibody, uniface)
under- (underbody, underfoot, underhair, underhand)
up- (uphand)

Словосложение

Безусловным лидером в производстве дериватов от соматизмов является словосложение. 88,8 % исследуемой выборки (2244 ед.) представлено сложными производными, в составе которых следующие соматизмы:

1. **arm** – 64 единицы (*armache, armguard, armload, arm's-length, arm-twisting, arm-wrestling, etc.*);

2. **body** – 73 единицы (*bodyboard, body-build, body-centred, body-guard, body-hugging, body-in-white, body-search, body-shirt, bodycheck, bodypaint, body-shell, blackbody, busybody, dogsbody, homebody, mind-body, etc.*);

3. **brain** – 78 единицы (*brain-damaged, brain-burned, brain-dead, brain-drain, brain-picking, brain-sick, brain-teaser, brain-tire, brain-twister, brain-worker, brain-box, brainchild, brainpower, etc.*);

4. **ear** – 91 единица (*ear-bored, ear-grabbing, ear-minded, ear-piercer, ear-shaped, ear-splitting, ear-tag, ear-witness, earbash, earbuds, etc.*);

5. **eye** – 204 единиц (*eye-catcher, eye-minded, eye-service, eyeblack, eyedrop, eyemark, eyestone, eyetie, eyewitness, bigeye, bullseye, cockeye, deadeye, fisheye, grayeye, greeneye, etc.*);

6. **face** – 73 единицы (*face-lift, face-saver, face-plate, facemail, face-value, facework, babyface, blackface, dogface, full-face, etc.*);

7. **finger** – 99 единиц (*finger-berry, fingerdry, finger-fish, fingerpaint, finger-print, finger-spell, fingerbreadth, fingermark, colorfinger, fat-finger, fish-finger, goldfinger, starfinger, etc.*);

8. **foot** – 189 единиц (*foot-acre, foot-candle, foot-dragging, foot-ton, footboy, footfault, foothill, Bigfoot, blackfoot, catsfoot, dryfoot, swiftfoot, two-foot, whitefoot, etc.*);

9. **hair** – 78 единиц (*hairsbreadth, hair-raiser, hairline, longhair, shorthair, wirehair, horsehair, camelhair, etc.*);

10. **hand** – 301 единица (*handwriting, hairbird, hairdo, andmaid, handspike, handmade, hand-play, hand-running, handcraft, handsale, shorthand, first-hand, second-hand, two-hand, etc.*);

11. **head** – 343 единиц (*headhouse, headcase, headcrash, headdress, headline, headbang, headmaster, head-nurse, drowsihead, egghead, red-head, horse-head, shorthead, thickhead, etc.*);

12. **heart** – 164 единиц (*heart-rending, heart-throb, heart-water, heart-whole, heartache, heartbreak, heartstring, earheart, greenheart, ice-heart, lionheart, open-hearted, whiteheart, etc.*);

13. **knee** – 69 единиц (*knee-deep, knee-slapper, knee-wall, kneeboard, kneeroom, thickknee, knock-knee, etc.*);

14. **leg** – 69 единиц (*leg-bail, leg-pull, legm legwork, an, legshow, leg-break, blue-leg, dead-leg, dogleg, milkleg, whiteleg, etc.*);

15. **mouth** – 82 единицы (*mouth-filling, mouth-made, mouthfeel, mouth-wash, badmouth, bigmouth, loudmouth, poor-mouth, smallmouth, etc.*)

16. **neck** – 65 единицы (*neckband, necklace, neck-deep, neckland, bluenneck, bullneck, gooseneck, littlneck, redneck, longneck, etc.*);

17. **nose** – 70 единиц (*nose-dive, nosebag, nose-burner, nosegay, hardnose, rednose, hooknose, etc.*);

18. **skin** – 84 единицы (*skin-deep, skinny-dip, skin-game, skinflick, skinhead, skin-search, bullskin, calfskin, blueskin, deerskin, oilskin, redskin, woolskin, wolfskin, etc.*);

19. **tongue** – 66 единицы (*tongue-tie, tongueflower, arrowtongue, birdtongue, dog's-tongue, earthtongue, ox-tongue, single-tongue, etc.*);

20. **tooth** – 65 единиц (*toothcomb, tooth-friendly, toothbill, Blutooth, dogtooth, two-tooth, fine-tooth, etc.*).

Конверсия – 24 единицы (1 %).

Важной закономерностью словообразования отсоматизмов является то, что способом конверсии от *всех* исследуемых существительных-соматизмов образуются глаголы по модели $N \rightarrow V$: *to arm; to body; to brain; to ear; to eye; to face; to finger; to foot; to hair; to hand; to head; to heart; to knee; to leg; to mouth; to neck; to nose; to skin; to tongue; to tooth*. Регулярность этой модели доказывает высокую продуктивность соматизмов как производящих основ. Развитие многочисленных значений отсоматизмов свидетельствует о том, что отсоматические словообразовательные модели представляют собой многофокусные свертки прототипических ситуаций как проекций форм, качеств, структур и/или функций телесности в производном слове, являясь, таким образом, когнитивными моделями.

Контаминация является способом образования следующих производных (0,3 %):

handicap – (hand in cap)

handicapitation – (handicap + decapitation)

brainiac – (brain + maniac)

handicapitaion – (handicap + decapitation)

eyelyser – (eye + analyzer)

buttledding – (butt (slang for cigarette) + bootlegging)

bitlegging – (bit + bootlegging)

digi-necker – (digital + rubbernecker)

Важно отметить, что подавляющее большинство телескопических производных представляют собой неологизмы (см. далее).

Реверсия задействована во второй ступени деривации, глаголы образуются от сложных существительных, одним из компонентов которых является соматизм: *to arm-twist* (образовано от существительного *arm-twisting*) – оказывать давление (с целью добиться своего); *to arm-wrestle* (от существительного *arm-wrestling*) – a trial of strength in which two people sit opposite each other with one elbow resting on a table, clasp each other's hands, and try to force each other's arm down onto the table.

Приведем словообразовательные модели, по которым образуются отсоматические производные (N1 во всех моделях обозначает исходный соматизм):

Модели первой ступени деривации

Отсубстантивные суффиксальные модели:

а) нетранспонирующие модели:

- (1) N1 + **-age** → N2 (*footage, heartage*);
- (2) N1 + **-ability** → N2 (*headability*);
- (3) N1 + **-er** → N2 (*facer, fingerer, footer, hander, kneeler, moulder*);
- (4) N1 + **-et** → N2 (*facet*);
- (5) N1 + **-hood** → N2 (*bodihood*);
- (6) N1 + **let** → N2 (*armlet, eyelet, heartlet, leglet, necklet, tonguelet*);
- (7) N1 + **-ling** → N2 (*fingerling, footling, noseling*);
- (8) N1 + **-ster** → N2 (*tonguester*);

б) транспонирующие модели

- (9) N1 + **-able** → Adj (*heartable, mouthable*);
- (10) N1 + **-ed** → Adj. (*bodied, brained, faced, fingered, footed*);
- (11) N1 + **-ful** → Adj. (*armful, earful, eyeful, fingerful, handful, mouthful*);
- (12) N1 + **-ish** → Adj (*brainish*);
- (13) N1 + **-al** → Adj (*facial*);
- (14) N1 + **-less** → Adj (*armless, bodiless, brainless, earless, faceless*);
- (15) N1 + **-like** → Adj. (*armlike, earlike, eyelike, fingerlike, footlike*);
- (16) N1 + **-some** → Adj (*handsome, toothsome*);

(17) N1 + -ward → Adv (*brainward*);

(18) N1 + -y / ie → Adj (*brainy, fingery, footy, footsie, hairy, handy, heady*)

Отсубстантивные префиксальные модели:

а) нетранспонирующие модели:

(1) anti- + N1 → N2	(<i>antibody</i>)
(2) after- (comb. form) + N1 → N2	(<i>afterbrain</i>)
(3) back- (comb. form) + N1 → N2	(<i>backhand</i>)
(4) bio- (comb. form) + N1 → N2	(<i>bioarm</i>)
(5) fore- + N1 → N2	(<i>forearm, forebrain, foreface</i>)
(6) inter- (comb. form) + N1 → N2	(<i>interface</i>)
(7) mid- + N1 → N2	(<i>midbrain</i>)
(8) over- (comb. form) + N1 → N2	(<i>overbody</i>)
(9) pro- + N1 → N2	(<i>proleg</i>)
(10) under-(comb. form) + N1 → N2	(<i>underbody, underfoot, underhair</i>)
(11) super- + N1 → N2	(<i>superbrain</i>)
(12) uni- (comb. form) + N1 → N2	(<i>unibody, uniface</i>)
(13) pseudo- (comb. form) + N1 → N2	(<i>pseudoheart</i>)

б) транспонирующие модели

(14) a- + N1 → Adv or Pred. Adj	(<i>afoot, ahead</i>)
(15) afore- + N1 → Adv or Pred. Adj	(<i>aforehand</i>)
(16) before- + N1 → Adv	(<i>beforehand</i>)
(17) break- (comb. form) + N1 → Adj	(<i>breakneck, breakback</i>)
(18) behind- N1 → Adv or Pred. Adj	(<i>behindhand</i>)
(19) off- + N1 → Adj.	(<i>offhand</i>)
(20) out-of- + N1 → Adj.	(<i>out-of-body</i>)
(21) over- (comb. form) + N1 → Adj.	(<i>overarm</i>)
(22) over- (comb. form) + N1 → Adv.	(<i>overhead, overhand</i>)
(23) under- + N1 → Adj. or Adv.	(<i>underarm, underhand</i>)
(24) up- + N1 → Adj.	(<i>uphand</i>)

Отсубстантивные модели конверсии:

(1) N1 → V	(<i>to hand, to heart, to finger</i>)
(2) N1 → Adj	(<i>hand</i>)

Модели словосложения:

а) нетранспонирующие модели:

- (1) N1 + N2 → N3 (*handspike, handbook*)
(2) N2 + N1 → N3 (*homebody, waterbody*)
(3) N2(possessive) + N1 → N3 (*sheep's-eye, lady's-finger, bird's-foot*)
(4) Adj. + N1 → N2 (*deadarm, deadhead, stiff-arm, black-body*)
(5) Num + N1 → N2 (*five-finger, two-tooth*)
(6) N1 + Ving → N2 (*arm-twisting, face-saving, head-turning*)

б) транспонирующие модели:

- (7) N1 + Ving → Adj (*ear-splitting, eye-beaming, eye-deceiving*)
(8) N1 + V → V (*to ear-bash, to face-harden, to finger-dry*)
(9) N1 + Adj → Adj (*handfree, footloose, footsure*)
(10) N1 + PII → Adj (*handmade, body-centered, brain-damaged*)
(11) Num + N1 → Adj (*firsthand, thirdhand, secondhand, twohand*)

Модели второй ступени деривации

Аффиксальные модели:

Ncomp. + -er → N (*bodyboarder; bodysurfer; brainworker; ear-basher; eyedropper; eyewinker; face-worker; fingerpicker; foot-worker; foot-baller; headcounter*);

Ncomp. + -ing → N (*bodysurfing, foot-balling*);

Ncomp. + -er → N (*bodysurfer, foot-baller*);

Adj + -ly → Adv (*brainlessly, brainily, brainsickly, hairily, handlessly; handsomely; headily*);

Adj. + -ness → N (*braininess, brainlessness, eyedness, footedness, hairlessness, hairiness, handedness, handiness, handsomeness; headiness*);

Отглагольные модели, производящей базой в которых является глагол, образованный по конверсии от существительного-соматизма:

V + -ing → **N** (*fingering, footing, heading, legging, mouthing, necking, nosing, skinning, tooting*);

V + -er → **N** (*fingerer, footer, mouther*)

de- + **V** → **V** (*deface*)

dis- + **V** → **V** (*disheart*)

em- + **V** → **V** (*embody*)

en- + **V** → **V** (*enface*)

out- (*comb. form*) + **V** → **V** (*outface, outhand, outfoot*)

re- + **V** → **V** (*reface*)

un- + **V** → **V** (*unbody, unface, unhair, unhand, unhead, unheart, untooth*);

up- + **V** → **V** (*uphand*)

Модели конверсии:

Adj → **N** (*overarm, underarm*)

Adj → **Adv** (*overarm; underarm; bodily, offhand, headlong*)

Модель **N** → **V** представлена следующими вариантами:

Ncomp. → **V** (*bodycheck, to brainstorm, to brain-drain, to earmark, to fingerprint, to fingermark; to handsel; to handbag; to handspike; to handfast; to handpass, to handhold, to handbrake, to shorthand, to headcount, to badmouth, to headline to finger-paint*)

Npref. → **V** (*overbody, to aftereye, to interface, to backhand, to facebook*);

Nblend → **V** (*to handicap*)

Nsuf. → **V** (*to eyelet, to facet*);

Adv → **Adj** & **N** (*underfoot, adj. & n.; underhand, adj. & n.; overhead, n. & adj*)

Ncomp. → **Adj** (*backhand, wronghead, tooth-pick*)

Модели словосложения:

Adj + N → **Ncomp** (*handyman; handie-talkie; handiwork; handyandy; toothypeg*)

Модели реверсии:

Ncomp → **V** (*to arm-twist* → *arm-twisting, n; to arm-wrestle* → *arm-wrestling, n; to brainwash, v* → *brainwashing, n; to fingerspell, v* → *fingerspelling, n; to hand-write* → *handwriting; to hand-shake* → *hand-shaking; to handwave* → *hand-waving; handpick, v* → *handpicked;* *headbang, v* → *headbanger, headbanging*).

Интересно отметить некоторые особенности второй ступенями деривации, которая задействована, в большинстве, для производства глаголов разными способами: аффиксацией, конверсией, реверсией. Продуктивность конверсии высока, в то время как словосложение наблюдается только в рамках модели **Adj + N → Ncomp**.

Наиболее продуктивными суффиксальными моделями первой ступени деривации являются:

N1 + -less → Adj – 100 % – производность (прилагательные образуются по данной модели от **всех** исследуемых соматизмов);

N1 + -ed → Adj. – 90 % – производность;

N1 + -y / ie → Adj – 70 % – производность;

N1 + -er → N2 – 65 % – производность;

N1 + -like → Adj. – 65 % – производность;

N1 + -ful → Adj. – 40 % – производность;

Наиболее продуктивными префиксальными моделями являются:

fore- + **N1** → **N2** – 55 % – производность;

under- + **N1** → **N2** – 25 % – производность;

Модель конверсии **N → V** является высокопродуктивной, все 20 соматизмов-существительных являются производящей базой глаголов, образованных от них способом конверсии.

Наиболее продуктивными моделями словосложения являются:

N1 + N2 → N3 – 55,5 % всех сложных производных;

N2 + N1 → N3 – 19,6 % всех сложных производных;

Adj. + N1 → N2 – 12,3 % всех сложных производных;

N1 + ПII → Adj – 7,8 % всех сложных производных.

Остальные модели образуют каждая менее 2 % сложных производных.

Сферы аффиксации и словосложения представлены как транспонирующими, так и нетранспонирующими моделями. Суффиксальные модели более продуктивны в образовании прилагательных, префиксальные модели и модели словосложения – в образовании существительных.

Проведенный анализ позволяет выделить два вида корреляций. К первой группе могут быть отнесены производные существительные, образованные от существительных. Здесь можно

говорить о совпадении категориального характера производящего и производного слов. Обозначая существительные, они принадлежат к предметной концептуальной области. Вторая группа представлена прилагательными и наречиями, образованными от основ существительных-соматизмов. В данном случае производящая основа принадлежит к предметной концептуальной области, а производное – к признаковой концептуальной области. Таким образом, аффиксы играют субкатегоризирующую роль в пределах двух концептуальных областей – предметной и признаковой.

Как уже указывалось, главное значение при исследовании содержательной стороны производных единиц принадлежит семантике производящей основы. Но нельзя недооценивать роль значения словообразовательного элемента. Только рассмотрение совокупности значений производящей базы и семантических признаков словообразовательных элементов дает полное представление о семантике производного слова. Так, Н. А. Антропова, вслед за М. Д. Степановой считает, что «обобщенное лексико-категориальное значение словообразовательного элемента вместе со значением производящей основы создает семантическую мотивированность производного слова, которая в большей или меньшей степени поясняет его значение» [Антропова, 1991: 3].

По нашему мнению, семантика словообразовательных моделей в значительной мере предопределяется семантикой аффиксов. Рассмотрим семантику аффиксов в составе наиболее продуктивных аффиксальных моделей, по которым образуются отсоматизмы:

N1 + -less → Adj;

N1 + -ed → Adj;

N1 + -y / ie → Adj;

N1 + -er → N2;

N1 + -like → Adj;

N1 + -ful → Adj;

fore- + N1 → N2;

under- + N1 → N2;

Суффикс *-less* германского происхождения участвует в образовании прилагательных и наречий от существительных со значением

«лишенный чего-л.», «не имеющий чего-л.» (*handless, legless, hairless, etc.*) Суффикс *-less* является наиболее продуктивным при образовании отсоматических производных. Все описываемые соматизмы участвуют в образовании производных при помощи данного суффикса. Востребованность словообразовательной модели с суффиксом *-less* обусловлена важностью категорий «наличия» и «отсутствия» для жизнедеятельности любого человека. В европейской философии «наличие» соответствует «бытию», т. е. существованию, самой жизни, а «отсутствие» – «небытию». Ясно, что человек не может оставаться равнодушным к этим антиномиям, они присутствуют во всех сферах его жизнедеятельности (материальной, физиологической и духовной), а то, что важно для человека, всегда требует своего именованья в языке. Таким образом, высокая продуктивность суффикса *-less* обусловлена антропокультурными основаниями: аксиологичностью и прагматичностью человеческого сознания.

Суффикс *-ed* германского происхождения образует прилагательные со значением «имеющий, обладающий; характеризующийся чем-то» (*bodied, fingered, haired, etc.*). В данном случае модели с суффиксом *-ed* являются высокопродуктивными в связи с существованием категории «обладание» и ее важности в жизни любого человека и общества. Наличие и обладание «частями тела» является экзистенциальным, так как представляет собой необходимое условие человеческого существования, соответственно, чрезвычайно важным. Для быстрого и экономичного описания того, чем обладает человек (или другой объект действительности), и предназначена модель **N1 + -ed** → **Adj**. При описании объектов, отличных от человека и его тела, происходит метонимический перенос по сходству (*fingered* – бот.: пальчатый; пальцевидный; *a footed sofa*).

Суффикс *-y* германского происхождения образует прилагательные от существительных со значением обладания чем-то, сходства с чем-л. Человеку свойственно сравнивать предметы и объекты действительности, и образование отсоматических производных по модели **N1 + -y** → **Adj**. (*brainy, fingery, hairy, handy, heady*) отражает наиболее очевидное основание для такого сравнения – через знания о своем теле.

Модель **N1 + -er** → **N2** является высокопродуктивной в современном английском языке. Суффикс германского происхождения *-er* образует существительные, обозначающие (1) лицо, называемое по роду занятий, профессии, привычкам, привычным занятиям; по взглядам и убеждениям; по происхождению и месту проживания и (2) существительные со значением предмета или устройства со специальной функцией. В отсоматических производных существительных на *-er* прототипическим знанием в большинстве случаев выступают функции человеческого тела и его частей: *fingerer* – вор; *hander* – человек, который что-то держит, передает или доставляет; *mouther* – напыщенный оратор и др.

Высокая продуктивность модели **N1 + -like** → **Adj.** обусловлена необходимостью человека описывать предметы окружающей действительности, сравнивая их с хорошо известными вещами, в частности, с собственным телом и его частями. Такое сравнение является наиболее экономичным и естественным, дающим исключительно ясную «картинку» того, что необходимо описать (*armlike, fingerlike, toothlike, etc.*).

Суффикс *-ful* произошел от прилагательного *full* в среднеанглийском периоде развития английского языка и образует прилагательные со значением «обладающий количеством, способным поместиться в том, что обозначено производящей основой». Модель **N1 + -ful** → **Adj** (*armful, earful, eyeful, fingerful, handful, heedful, mouthful, toothful*), по которой образуются отсоматические производные, является продуктивной в связи с осознанием человеком своего тела, как удобного и доступного «измерительного прибора» и «контейнера».

Значения префиксов *fore-* (*перед-, перед*) и *under-* (*под-*), которые участвуют в образовании отсоматических производных, также обуславливают продуктивность моделей **fore- + N1** → **N2**; **under- + N1** → **N2**; **under- + N1** → **Adv.** Оба префикса востребованы в связи с необходимостью человека ориентироваться в пространстве и позиционировать себя через окружающие объекты и относительно других предметов.

На протяжении многих веков выявленные продуктивные словообразовательные модели остаются востребованными в языковой

картине мира в связи с антропокультурными основаниями: перво-степенной важностью языковой репрезентации категорий наличия или отсутствия; обладания; сравнения, измерения, пространственного ориентирования.

Итак, анализ материала исследования показал, что словообразовательные модели, по которым образуются отсоматические дериваты, разнообразны и представлены аффиксальными моделями (префиксальными и суффиксальными), моделями конверсии, словосложения и контаминации.

В рамках первой ступени деривации наиболее продуктивным способом словообразования отсоматических дериватов является словосложение (88,8 %), суффиксальным способом образовано 6 %, префиксальным способом – 4 % дериватов, конверсией – 1 %, контаминацией – 0,2 %).

Развитие отсоматического словаря неологизмов.

Анализ словарей новых слов (LRNW, DNW, OхDNW, DNW&M) доказывает продуктивность соматизмов в качестве производящей базы новых дериватов и новых значений. Обнаружено 135 неологизмов¹, образованных от исследуемой группы соматизмов. Развитие отсоматического словаря неологизмов идет по следующим направлениям:

1) развитие новых значений у соматизмов в рамках семантической деривации:

- hand* – инструмент «рука» в КГА – форма курсора мыши, служащая для перемещения графического объекта на экране монитора;
- brain* – компьютер (M20);
- ears* (pl.) – портативный радиоприемник (L20);
- finger* – человек, опознающий преступника или жертву (M20);
- leg* – (амер. уничиж.) женщина (M20);
– (Stock Exch.) a stage or period of an account or market (L20);
- skin* – (slang) skinhead (L20);

¹ К неологизмам мы относим слова и значения с пометой не ранее M20 (середина двадцатого века) и те лексемы, которые еще не зарегистрированы словарями.

tooth – солдат вооруженных сил (M20)

2) развитие новых значений у отсоматических дериватов:

backhander – 1) удар обратной стороной руки – E19;

2) (перенос.) едкое, обидное замечание – M19;

3) взятка, подкуп – M20

head-trip – 1) an intellectually stimulating experience
2) an act performed primarily for self-gratification

red-eye – 1) ночной рейс (о перелете на самолете)
2) эффект красных глаз (при фотографировании со вспышкой)

3) (амер.) дешевый виски низкого качества;
handful – 1) пригоршня; горсть;
2) (разг.) кто-л. или что-л., создающий проблему, труднодостижимый;
3) (крим.) пятера, пятак (приговор к пяти годам тюремного заключения);

nose, v – 1) нюхать, обнюхивать; чувствовать запах, чуют (L16);
2) толкать носом; тереться носом (L18);
3) доносить (в полицию) (E19);
4) осторожно продвигаться (о машине, самолете, корабле) (L19);

handbag, n – 1) дамская сумочка
2) ручной чемоданчик
3) a boyfriend or girlfriend who is clingy or possessive or follows their boyfriend/girlfriend around all the time (including those that constantly text to 'see what you are up to, in other words check up on you)

«Steven follows me around all the time but seriously, I have a handbag and I don't need any more accessories» Said Kylie. «I can see how this is going to go» replied Sara «He's a total handbag» (<http://www.urbandictionary.com/define.php?term=handbag>)

3) образование новых лексем аффиксальным способом:

а) префиксацией:

after- + N1 → N2 (afterbrain)

bio- + N1 → N2 (bioarm)

inter- + N1 → N2 (interface)

super- + N1 → N2 (superbrain)

pre- + N1 → N2 (prearm)

anti- + N1 → N2 (anti-foot)

б) суффиксацией:

N1 + -age → N2 (heartage)

N1 + -ism → N2 (brainism)

N1 + -o¹ → N2 (braino)

N1 + -sie → N2 (footsie)

N1 + -y → N2 (skinny)

N1 + -ty → N2 (facety)

4) образование новых слов безаффиксными способами:

а) словосложением:

N1 + N2 → N3 (*airhead, armlock, arm-candy, facebook, earworm, brainbox, body-shopper, brain-fart, faceprint, body-surfing, footwell, hand-wave, hand-phone, headcrash, handspan, head-trip, brain-gain, brain-waste, facebase, face-palm, face-time, knee-mail, kneecap, mouthfeel, earbud, eyeball, handphone, hand-span, body-scanner, bodysuit, headbanger, necklace, etc.*);

N2 + N1 → N3 (*nethead, skinhead, slapeface, passface, sleeveface, zipper-head, phone-neck, waxhead, breadhead, red-eye, etc.*)

Adj. + N1 → N2 (*deadarm, bluenek, acid-head, eigenface, fat-finger, hardbody, naffhead, bad-mouth, etc.*);

N1 + Ving → N2 (*hand-waving, foot-tapping, body-popping, body-snat-ching, handbagging, skinhead, etc.*);

P1 + N1 → N2 (*barking-head, shouting-head*).

б) образование новых лексем способом контаминации:

brainiac (brain + maniac);

buttlegging (butt (slang for cigarette) + bootlegging);

bitlegging (bit + bootlegging);

digi-necker (digital + rubbernecker);

handicapitaion (handicap + decapitation);

eyelyser (eye + analyzer);

---

¹ -o suffix forming chiefly informal or slang variants or derivatives such as *righto, wino*

5) образование новых слов от отсоматических производных:

а) аффиксацией:

- headhunt*, v – 1) охотиться за головами, собрать скальпы
2) «охотиться за талантами», подбирать высококвалифицированные кадры
→ *headhunter*, n 1) охотник за головами, скальпами
2) охотник за профессионалами (об агенте или агентстве по найму)
→ *headhunting*, n 1) дискредитация противника 2) «охота» за талантами, подбор высококвалифицированных кадров
- body-surf*, v – кататься на гребне волны без доски (имитируя движения, характерные при серфинге)
→ *bodysurfer*, n
→ *bodysurfing*, n
- neck*, v – обниматься, целоваться, фамильярно постукивать по плечу (L19)
→ *necker*, n – a person who indulges in amorous fondling with another (M20);

б) конверсией:

- skinny*, adj – худой, тощий
→ *skinny*, n – 1) худой, тощий человек (M20) (conversion Adj → N)
2) (US slang) секретная неофициальная информация; наводка (M20)
→ *skinny*, v – 1) (разг.) похудеть, отоцать
- handbag*, n – 1) дамская сумочка
2) ручной чемоданчик
→ *handbag*, v – бить сумочкой (conversion N → V)

Becoming suspicious of the French hijacking the foreign policy of an EU in which her homeland has invested heavily for decades, the German leader, in That-cher mode, handbagged the French leader into including all EU member countrie (Darwish, Adel. A good excuse for a party / The Middle East).

б) образование новых слов от неологизмов, в составе которых имеются соматизмы:

а) конверсией:

Adj. → **N** *hand-held*, – удерживаемый в руке
→ *hand-held*, **n** – портативный компьютер (L20)
N → **Adj.** *airhead*, **n** → *airhead*, **Adj** (DNW)

б) реверсией

arm-twisting – (inf.) выкручивание рук, давление (с целью убедить, получить поддержку; часто в политике)
→ *arm-twist*, **v** – оказывать давление (с целью добиться своего)
body-popping, **n** – a style of urban street dancing featuring jerky robotic movements, made to music with a disco beat;
→ *body-pop*, **v** (OxDNW)

Анализ неологизмов и словарей новых слов (LRNW, DNW, OxDNW, DNW&M) позволил выделить и *новые модели*, по которым образуются отсоматические производные:

out-of- + N1 → Adj.

out-of-body, **adj.** – внетелесный; имеющий отношение к астральному телу (в парапсихологии)

A review of conceptual and research trends in the literature on out-of-body experiences is presented for the period of mid-nineteenth century to 1987 (http://www.scientificexploration.org/journal/jse_03_1_alvarado.pdf).

Experts have found a way to trigger an out-of-body experience in volunteers. (<http://news.bbc.co.uk/2/hi/health/6960612.stm>).

super- + N1 → N2

superbrain – 1) очень умный человек

Or will it be the more advanced variety as promised by both him and Fred Nietzsche, a superbrain that, once made, will sit back in its laboratory tank, take a good look at the world and burst out laughing at what man has wrought (It's about time I had a brand new brain // Huddersfield Daily Examiner Huddersfield, England)

2) мощный тип компьютера

*The Intertec **Superbrain** was an all-in-one commercial microcomputer first sold by Intertec Data Systems Corp. in 1979.* (@: http://en.wikipedia.org/wiki/Intertec_Superbrain)

digi- + N1er → N2

digi-necker – n. A driver who slows down when passing an accident to take a picture of the scene with a digital camera

Not only do we have a morbid curiosity to rubberneck, but we feel we should not miss out on what others have had a chance to see. ... The ubiquity of cell phone cameras is making things worse, as «digi-neckers» slow things even more to take photos of incidents (Tom Vanderbilt, Traffic, Alfred A. Knopf, July 29, 2008. @: <http://www.wordspy.com/words/digi-necker.asp>)

digifeiter – n. A counterfeiter who uses digital technology to create forged money or documents

In fact, because so many people who trade in fraudulent documents are using their home computers, GATF officials don't even refer to them as counterfeiters anymore.

They call them «digifeiters.» Why? Because they can do most of their work using off-the-shelf digital printers, said Richard Warner, GATF's senior research scientist for government projects.

«Counterfeiters had to know a lot about printing and engraving,» he said. «But today, you have kids 13 years old making money . and even the common housewife who's at home playing with her computer figures out she can copy her store coupons.» (Joyce Gannon, «New technology makes counterfeiting as easy as clicking a mouse,» Pittsburgh Post-Gazette, September 7, 2000 – @: <http://www.wordspy.com/words/digifeiter.asp>)

Таким образом, формирование *отсоматического словаря неологизмов* происходит по следующим направлениям: 1) развитие новых значений у соматизмов в рамках семантической деривации; 2) развитие новых значений у отсоматических дериватов; 3) образование новых лексем аффиксальным способом; 4) образование новых слов безаффиксными способами (словосложением, контаминацией); 5) образование новых слов от отсоматических производных (аффиксация, конверсия); 6) образование новых слов от неологизмов, в составе которых имеются соматизмы (конверсия, реверсия); 7) образование отсоматических неологизмов по новым словообразовательным моделям: **digi- + N1 → N2; out-of- + N1 → Adj; super- + N1 → N2**. Наиболее продуктивной моделью образо-

вания неологизмов является словосложение – 62 %. Префиксацией образовано 10,2 % производных неологизмов, суффиксацией – 9 %, контаминацией – 6,8 %. Следовательно, продуктивность моделей, по которым образуются отсоматические морфологические дериваты-неологизмы, изменяется: значительно возрастает продуктивность образования лексем способом контаминации, префиксации и суффиксации на фоне снижения продуктивности словосложения.

Итак, проведенный анализ словообразовательных моделей формирования отсоматических производных позволяет предположить, что пополнение словарного состава языка семантическими и морфологическими словообразовательными способами, описанными выше, в совокупности представляет собой *бесконечный процесс развития лексической системы языка*. В дальнейшем считаем перспективным проследить данную тенденцию на материале анализа других тематических групп слов.

3.3. Семантическая характеристика отсоматических производных

На современном этапе развития лингвистической науки словообразование уже не представляет «вещь в себе», характеризующуюся собственным метаязыком, целями и способами их достижения. Сейчас словообразовательные процессы и структуры становятся частью многостороннего моделирования языка, и, соответственно, приобретают новый качественный статус в теории языковой семантики, исследование которой направлено на выявление закономерностей языковой концептуализации мира и является «первым шагом к восстановлению языковой картины мира» [Кронгауз, 2005: 85].

Языковая личность как конструктор слов моделирует не только структурное, но и семантическое развитие систем слов, связанных концептуальным родством, на различных этапах истории определенного языка. Как отмечает М. А. Кронгауз, системность семантики заключается в том, «что любое значение существует не изолированно, а находится в определенных отношениях с другими значениями. <...> целью семантического представления оказывается не сведение семантики слов к конечному набору значений, а максимальное отражение существующих в языке семантических отношений» [Кронгауз, 2001: 137].

Семантический анализ процессов словообразования находит все большее количество смыслообразующих факторов в рамках возможных прототипических ситуаций, поскольку в границах «словообразовательных единиц <...>, представляющих модели типизированных отношений человека и мира, происходят процессы порождения смыслов, их взаимодействия, протекающие в разных направлениях и формирующие не изолированные друг от друга смысловые пространства» [Араева, Проскурина, 2012: 15]. Это означает необходи-

мость перехода от простого таксономического учета этих факторов к их типологизации – на основе базовых структур прототипических ситуаций – не только в собственно лингвистическом, но и в антропоцентрическом (практическом, прагматическом, коммуникативном и др.), культурно-историческом, логическом, лингвокультурологическом аспектах. Тем самым, мы выходим на качественно новые факторные границы, структуры и масштабы анализа отсоматического лексикона – в семантическое, когнитивное пространство – «*соматическую концептосферу*» как часть «*антропосферы*». Основу такой концептосферы как когнитивно-семантического пространства составляют: а) соматизмы-этимоны, обладающие определенным семантическим потенциалом в рамках их когнитивной структуры, б) ассоциативные повторяющиеся типы семантической связи между словами-соматизмами и их производными, возникающие в человеческом сознании. Похожую схему предлагает Г. И. Кустова: «К расширенной парадигме относятся значения, которые возникают: 1) за счет добавочных компонентов (приращений), которых не было в исходной схеме. Эти добавочные компоненты появляются за счет двух основных источников: за счет объекта – особого; за счет цели – особой, нетривиальной; 2) за счет вторичного использования значений – метафорического переосмысления» [Кустова, 2004: 78].

Как известно, при изучении содержательной составляющей производных единиц основное значение принадлежит семантике производящей основы. Именно она всегда участвует в формировании значения производного и обуславливает семантическую емкость производного слова.

Материал нашего исследования включает производные, которые имеют в своем составе наименование той или иной части тела. В данном параграфе мы стремимся проследить и описать разносторонние мотивировочные связи между производящим соматизмом и его морфологическими производными в лингвистическом и антропокультурном аспектах. Полисемичные производные слова, являя разнообразными сторонами и аспектами определенной концептуальной сферы, являются результатом процесса концептуализации, т. е. выражения сведений и отражения знаний о мире. При произ-

водстве новых слов и/или новых значений уже существующих слов на первое место выступают ассоциативные связи, т. е. производные мотивированы связью с производящими, при этом объектам приписываются дополнительные свойства-признаки. Однако со временем, по разным причинам происходит смысловая редукция, мотивировка часто утрачивается, в результате чего мы получаем слабо мотивированные или немотивированные значения.

Для целей нашего исследования наиболее оправданным видится обращение к лексико-семантическим группам (ЛСГ) производных, которые понимаются нами как группы слов одной части речи, образованные разными словообразовательными способами и объединенные общим семантическим компонентом на базе лексического значения производящего слова-соматизма, которое представляет собой мотивировочный признак производного. Вслед за Н. Д. Голевым под мотивировочным признаком мы понимаем средство «создания всего слова как единства определенного содержания и определенной формы выражения» [Голев, @].

Задачи семантической классификации решаются с позиций частеречной принадлежности слова, поскольку мы выделяем основные группы, принимая во внимание три основных когнитивных категории: категорию предметности, признаковости и процессуальности. Е. С. Кубрякова считает, что «эти три основные категории задают главные рубрики распределения полнозначных единиц номинации в лексиконе и что, в свою очередь, они отражают восприятие мира в главных формах его бытия во времени и пространстве, т. е. в виде разных форм материи с разными формами ее движения и воздействия на человека. Проще говоря, можно было бы, наверное, сказать, что мир воспринимается как заполненный объектами, что причисление объектов к тем или иным классам (лиц и вещей, в первую очередь) зависит от связываемых с ними перцептуальных признаков и что последние тоже подлежат классификации на процессуальные и непроцессуальные после того, как они сами начинают вычленяться из объектов как их части или атрибуты» [Кубрякова, 1997: 271].

66 % отсоматических производных относятся к классу существительных, которые можно представить определенным набором

лексико-семантических групп. Несмотря на то, что мы прослеживаем изменение значения в рамках семантической и структурной деривации существительных довольно узко-заданной тематической группы, производные существительные разнообразны по своей семантике, так как в ней «находит свое отображение мир реально существующих классов объектов, естественных родов и искусственно созданных человеком вещей (конкретные существительные) или мыслимых предметов, какими являются «опредмеченные» действия, процессы, свойства (абстрактные существительные)» [Уфимцева, 1986: 134].

Существует множество различных классификаций существительных в современной англистике [см. Арнольд, 1986; Ильиш, 1971; Шадрин, 1982 и др.]. Такое разнообразие обусловлено тем, что каждый лингвист ищет и создает свои собственные таксономии, исходя из материала, целей и задач своего исследования. Трудность в выявлении каких-либо закономерностей и создании стабильных и исчерпывающих таксономий обусловлена подвижностью словообразовательной системы и избирательностью ментальных операций говорящего.

Мы выделяем 11 лексико-семантических групп производных существительных, образованных от существительных-соматизмов разными словообразовательными способами:

- 1) существительные, называющие части тела (*brain-stem, forebrain, eardrum, eyeball* etc.);
- 2) существительные, называющие лица по разным признакам: по происхождению, по профессиональному признаку, по социальному положению, в том числе, имена собственные (*lamebrain, superbrian, ear-banger, Nosey Parker*, etc.);
- 3) существительные, называющие конкретные предметы и объекты реальной действительности (*armchair, bodyboard, ear-tag*, etc.);
- 4) существительные, называющие различные состояния (*brain-tire* – истощение головного мозга, перенапряжение мозга, *dead-arm* – потеря чувствительности в руке, *brain-fag, brain-wave, armache*, etc.);
- 5) существительные, называющие параметрические концепты (размер, цвет, форма, расстояние, вес, объем и др.) (*armload* – охапка;

- earreach* – расстояние ясной слышимости; *earshot* – расстояние, на котором слышен звук, предел слышимости, *armful*, etc.);
- 6) существительные, называющие коллективы, группы, организации (*brainpower* – интеллектуальная элита, интеллектуалы; *head-office* – руководство фирмы)
  - 7) существительные, называющие действия (процессы) (*arm-twisting* – выкручивание рук, давление (с целью убедить, получить поддержку; часто в политике); *arm-lock* – удерживание чьих-то рук за спиной как метод укрощения, *body-check*, *body-search*, *ear-piercing*, *eyeblick*, etc.);
  - 8) существительные, называющие место, включая географические названия (*armpit* – подмышка, *underarm* – 1) подмышка, 2) дрянное место);
  - 9) существительные, называющие животных (*violet-ear* – колибри, *hair-seal* – тюлень; *puffleg* – колибри-эрион, etc.);
  - 10) существительные, называющие растения (*elephant's-ear* – бегония; *hare's-ear* – (бот.) конрингия; *cat's-ear*, *bear's-ear*, *slow-eye*, etc.);
  - 11) существительные, называющие абстрактные идеи и сущности (*brain-teaser*, *brain-child*, *brain-storm*)

31 % отсоматических производных относятся к классу прилагательных. Классифицируя прилагательные, лингвисты также предлагают разные группы. В данной работе мы следуем традиционному делению прилагательных на качественные и относительные. По мнению А. А. Уфимцевой, качественные прилагательные обозначают основные, категориально обобщенные свойства классов и разрядов вещей, которые выделяет человек в результате его общественно-исторической деятельности. Относительные прилагательные обозначают признак, принимая во внимание отношение человека к предмету или другому признаку: признак по материалу, признак по родству, признак по времени года и признак по отрезку времени [Уфимцева, 1986: 196–215].

2 % отсоматических производных относятся к классу глаголов. По мнению ряда лингвистов, данная часть речи характеризуется сложной семантической структурой, в связи с основной ролью глагола в выражении предикативных функций [Чейф, 1975: 114–115; Blokh,

2000: 83]. Существуют многочисленные классификации глаголов по их значению [см. Авилова, 1982: 593–594; Самаркина; 1971: 19; Сильницкий, 1966: 244–260; Уфимцева, 1976: 145; и др.]. Наиболее обобщенное деление глаголов представлено группами: глаголы действия, глаголы состояния и глаголы процесса [Есперсен, 1958: 95; Уфимцева, 1976: 145]. Принимая за основу данную классификацию, мы делим немногочисленные производные глаголы на: глаголы *движения*, глаголы *чувственного восприятия* и глаголы *действия*, что видится наиболее релевантным для нашего эмпирического материала. Производные глаголы являются результатом семантических проекций: *часть тела* → *действие*, *процесс* и *часть тела* → *состояние*, что и находит отражение в нашей классификации. Мы не включаем в материал исследования глагольные сочетания типа *face down* в связи с их выраженной фразеологичностью и отсутствием цельнооформленности, что является препятствием при их отнесении к классу слов.

Основным категориальным признаком наречия является признак, поэтому немногочисленные производные наречия входят в семантические трансформации: *часть тела* → *параметрический концепт* и *часть тела* → *качество*.

С целью обнаружения и описания культурно-исторически выработанных связей между исходным соматизмом и производным от него словом и выявления средств языковой фиксации таких смысловых связей мы вводим понятие *антропоморфного поля*, которое обозначает семантическое пространство (фрагмент соматической концептосферы), вмещающее разные семантические трансформации в пределах цепочки: источник-соматизм и конечная номинация-дериват (концепт-источник и концепт-цель)¹. Термин «антропоморфное поле» призван отразить то, что речь идет о концепте тела человека, как источнике и многофакторном прообразе таких трансформаций, реализующихся в производных словах, имеющих опреде-

¹ Концептуальное (в данном случае – «антропоморфное») поле, отличается от «словообразовательного гнезда» тем, что второе образовано структурно-грамматическими связями, тогда как первое – семантическими, смыслообразующими (прагматическими) связями значений слов (в данном случае – соматизмов).

ленные сходные признаки и функциональную соотнесенность в их семантической структуре. Экспериментальный подход к исследованию словообразования показывает, что человек в процессе освоения действительности прибегает к переносу более известной ему информации на менее известные данные и практики (т. е. – деятельностные прототипические ситуации¹). Телесность является источником такой наиболее знакомой информации, обусловленной, в том числе, и чувственным опытом. Далее происходит перенос первоначальных представлений на менее наглядные области знания для их осознания.

Необходимым этапом анализа является выявление общих закономерностей таких семантических переходов с целью отражения семантической эволюции и трансформаций исходного слова и его производных. В ходе семантического анализа выявляются смысловые отношения между членами антропоморфных полей, что может трактоваться как экспериментальный механизм перехода от языковой к концептуальной картине мира; при этом соматизмы выступают базовой основой формирования отсоматической концептосферы, тем самым, расширяя концептуальную антропосферу языка. В более общем плане такое описание вносит существенный вклад в процессы выявления системной организации словарного состава языка.

Анализ производных и существующих классификаций свидетельствует о значительных трудностях однозначного отнесения тех или иных единиц к разным антропоморфным полям. Классификации слов разных частей речи по ЛСГ часто являются противоречивыми и могут трактоваться по-разному. Несмотря на это, мы попытаемся объединить производные в наиболее общие группы, антропоморфные поля, в состав которых будут входить разные ЛСГ производных единиц. Здесь следует отметить, что более обобщенное деление производных мы проводим на основе противопоставления «конкретное – абстрактное». Осмысление как конкретных, так и абстрактных категорий строится на взаимодействии двух ти-

---

¹ Здесь подразумевается, что «ситуации» могут быть, по крайней мере, двух видов: структурно-описательные и деятельностные, включающие, помимо условий и обстоятельств, цели и средства их достижения.

пов мышления – чувственного и логического. Хотя в философской науке на протяжении долгого времени проводятся многомасштабные исследования данной дихотомии, в лингвистике категория абстрактного представляет собой «неоднозначное, труднодостижимое и трудно интерпретируемое содержание» [Чернейко, 1997: 27], что и является причиной трудности отнесения той или иной единицы к тому или иному антропоморфному полю.

Исходя из вышеприведенных классификаций, отсоматические производные формируют следующие антропоморфные поля:

- 1) **часть тела** → **человек** (*somebody*; *dogsbody* – ишак (тот, кто выполняет тяжелую, нудную работу), *armful* (баба в теле), *brain-worker* – работник умственного труда, *brainiac* – очень умный человек, *birdbrain* – придурок, *lamebrain* – глупый человек, дурачок, *peabrain* – глупый человек, *scatterbrain* – разг. вертопрах, легкомысленный и рассеянный человек, *ear-banger* (*ear-bender*) амер. разг. – 1) болтун, трепач 2) зануда; нытик; *ear-witness* – свидетель, подтверждающий лично слышанное; *face-worker* – забойщик, бурильщик; *paleface* – (презр. ирон.) бледнолицый, человек белой расы; *handyman* 1) а) умелый человек, мастер на все руки б) рабочий, нанимаемый на работы разного рода 2) матрос, etc.);
- 2) **часть тела** → **предмет** (*armlet* – нарукавная повязка; *super-brain* – мощный компьютер; *ear-tag* – серьга, сережка, ушная бирка (в ухе свиньи, овцы и т. п.);
- 3) **часть тела** → **абстрактная категория (качество, состояние, явление)** (*brain-damaged*, *brain-tire* – истощение головного мозга, перенапряжение мозга, *brainish*, *brainless*, *brainy*, *earless*, *ear-like*, *brain-teaser*, *brain-child*, *brain-storm*, etc.);
- 4) **часть тела** → **действие, процесс** (*arm-twisting* – выкручивание рук, давление (с целью убедить, получить поддержку; часто в политике); *arm-lock* – удерживание чьих-то рук за спинки как метод укрощения; *brain-picking*, *brain-washing* – «промывание мозгов» (идеологическая обработка или психологическая и моральная обработка с целью побудить лицо к сообщению секретных данных или к подписанию ложных показаний); *ear-*

bash – преим. австр. разг. болтать, трепаться, разглагольствовать; говорить без умолку (всякую ерунду);

- 5) **часть тела** → **параметрический концепт** (размер, цвет, форма, расстояние, вес, объем, пропорции и др.) *armful*, *armload* – охапка; *earreach* – расстояние ясной слышимости; *earshot* – расстояние, на котором слышен звук, предел слышимости и др.);
- 6) **часть тела** → **место** (*armpit* – подмышка, *underarm* – 1) подмышка, 2) дрянное место);
- 7) **часть тела** → **представитель животного мира** (*violet-ear* – колибри; etc.);
- 8) **часть тела** → **растение** (*cat's-ear*, *elephant's-ear* – бегония; *hare's-ear* – (бот.) конрингия; etc.);
- 9) **часть тела** → **часть тела, организма** (*brain-box*, *armpit*, *braincase*, *brainpan*, *afterbrain* – задний мозг (анат.), *hindbrain* – нижняя часть головного мозга; *earflap* – ушная мочка; *underbody* – нижняя часть тела животного, корабля или автомобиля, *fingertip* – кончик пальца, *knee-joint* – *коленный сустав*; etc.);
- 10) **часть тела** → **сообщество, группа** (*brainpower* – интеллектуальная элита, интеллектуалы; *brain-trust* – 1) «мозговой трест», группа экспертов, отвечающая на вопросы какой-либо аудитории 2) группа специалистов-консультантов (при какой-либо организации, а государственном или политическом деятеле) первоначально группа советников президента Ф. Д. Рузвельта (Franklin Delano Roosevelt, 1882–1945); *head-office* – руководство фирмы).

Мы выделяем поля **часть тела** → **действие, процесс** и **часть тела** → **параметрический концепт** в отдельную позицию, несмотря на то, что некоторые наименования действий, процессов и параметрических концептов являются абстрактными понятиями и могли бы быть включены в поле **часть тела** → **абстрактная категория**. Отнесение данных полей в отдельные группы обусловлено многочисленностью соответствующих производных.

Рассмотрим более подробно отсоматические производные в рамках выделенных антропоморфных полей.

ЧАСТЬ ТЕЛА → ЧЕЛОВЕК

Производство существительных, обозначающих лица, включая имена деятеля, привлекает внимание многих исследователей (А. А. Аминова, О. Д. Мешков, А. В. Перева, Е. М. Позднякова, В. И. Шадрин и др.). Такой интерес также свидетельствует об антропоцентричности исследований языковых процессов. В попытках описать и объяснить категорию имени деятеля, «мы как бы оказываемся в позиции наблюдателя, перед которым разворачивается как вся совокупность человеческой деятельности, так и ее отдельные сцены, которые представлены в свернутом виде в той или иной номинации деятеля производным словом» [Позднякова, 1999: 3].

В рамках антропоморфного поля **часть тела** → **человек** выявлено несколько суффиксальных производных. Наиболее продуктивной является модель: **N1 + -er** → **N2**: *eyer, footer, hander, header, mouther, kneeler, necker, noser, toother, tonguer, tonguester*. Одно производное образовано по модели **N1 + -ster** → **N2** (*tonguester*). Использование суффикса *-er* означает приписывание предмету или человеку особой роли, участия в некоем производственном процессе, деятельности, в качестве деятеля – актора.

Подавляющее большинство производных данной группы образовано способом словосложения по моделям: **N1 + N2** → **N3** (*brain-worker*); **N2 + N1** → **N3** (*featherbrain*); **Adj. + N1** → **N2** (*lamebrain, black-face*).

Антропоморфное поле **часть тела** → **человек** является одним из самых многочисленных. Важно, что от всех двадцати исследуемых соматизмов образуются существительные, обозначающие социально-деятельностные роли человека по тем или иным признакам. Данный фактор уже может быть свидетельством большого интереса человека к самому себе и к окружающим его людям. Человек выступает субъектом общественно-исторической деятельности, социальных отношений, культуры и самого себя, и проблемы, связанные с познанием природы и сущности человека, его происхождения и роли, являются центральными во многих науках. Человек рассматривается как единство телесной и духовной природы. По мнению И. Канта, антропологическая сущность человека может быть представлена

в двух проекциях – «физиологической» и «прагматической» (т. е. деятельностной). «Физиологическая» антропологическая сущность представляет то, что «делает из человека природа...», а «прагматическая» – то, что «он, как свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам» [Кант, 1966: 351]. Однако следует заметить, что эти две сущности нераздельны: первая сущность, хотя и является движущей силой его индивидуального и общественного развития, развивается и реализуется в условиях социально-культурного существования и деятельности человека, а язык призван быть зеркалом такого развития человека.

Различная семантика отсоматических производных доказывает разнообразие человеческих отношений к окружающему его миру: активную предметно-практическую деятельность, чувственное восприятие мира (зрение, слух, вкус, ощущения и др.), мышление, характер и т. д.

Знания о себе и своем теле легко трансформируются и переносятся на именование человека по разным признакам:

- 1) **профессиональная принадлежность** (*toothier* – тот, кто нарезает зубцы для пилы – *bootlegger, skin-diver, legman*);
- 2) **умственные способности** (*thickhead* – болван, тупица; *addle-head* – пустоголовый человек; *bonehead, beefhead* – тупица, балда; пень (очень тупой и упрямый человек);
- 3) **образ жизни и деятельности** (*bonghead, crackhead, hophead* – наркоман, *juicy-head* – алкоголик);
- 4) **цвет или свойство кожи** (*blackfoot, redskin, redneck, redleg, pale-face, whey-face*);
- 5) **особенности характера** (*hothead* – раздражительный человек, *sleepyhead* – ленивый и сонный человек, *swellhead* – эгоистичный человек, *big-head* – человек с большим самомнением; хвастун; *hard-nose* – прагматичный и реалистичный человек).

Таким образом, как деятельность человека, так и его характер, и физические характеристики, и образ жизни получают в языке номинации в виде множественных отсоматических производных единиц. В современном языке идет постоянный прирост новых значений и новых слов для обозначения все более усложняющейся концептуальной системы активности человека. Эта сфера является

благодатной почвой для лингвокреативной деятельности человека.

Производящее существительное-соматизм, являясь потенциально многозначным словом, постоянно вступает в разные системные связи и является производящей базой для производных различной семантики. Этот процесс может быть безграничным, что и доказывает динамический характер словообразования.

Наибольшее количество производных, обозначающих человека, образовано с участием соматизма *head*. Голова, несомненно, занимает наиболее важное место в представлениях человека о своем организме в наивной картине мира. Она ассоциируется с органом, управляющим нашим мышлением, с умом. Мы привыкли искать подтверждения этим положениям во фразеологической системе языка, которая, несомненно, ярко и доступно дает нам информацию о картине мира. Однако производные слова тоже дают богатый материал, доказывающий первостепенную важность данной части тела.

Основное количество производных описывает человека по его умственным способностям. К сожалению, в основном такие дериваты характеризуются большим удельным весом негативных коннотаций, которые и выражают, собственно, проблемные, т. е. наиболее важные, аспекты человеческой деятельности и социальных отношений, что может быть признано показателем усложнения социальных влияний, роста нетерпимости человека к слабостям других, а, следовательно, тенденции развития жаргонных слов, отхода от литературного языка, снижения культурного уровня в целом. Также можно предположить, что большое количество дериватов с отрицательной конотацией обусловлено свойством человеческого восприятия, когда «хорошее» является нормой и не требует фиксации в языке, а «плохое», отходя от идеального «хорошего», вызывает необходимость языкового оформления и чаще реализуется в единицах языка, несущих оценочное значение [Кирилина, 1999: 105].

Анализ производных доказывает наличие развитых синонимических отношений внутри поля «часть тела → человек». Так, следующие сложные производные обозначают «глупого, тупого человека» (в разной степени в зависимости от стилистической принадлежности слова): *loggerhead*, *blockhead*, *thickhead*, *wooden-head*,

softhead, bubblehead (Am.), *bonehead, beefhead, cittern-head, fuckhead* (vulg.), *jolter-head, meathead, muddlehead, muttonhead, pudden-head, shithead* (vulg. sl.), *thickhead, boofhead* (n, Slang chiefly Austral.), *bubblehead, airhead* (амер. разг.), *butthead* (табу), *addle-head, deadhead, dunderhead, giddy-head, grouthead (growthed), flathead* (амер. разг.).

Обнаружено всего несколько производных существительных, называющих «умного человека», при этом некоторые из них характеризуются негативной оценочной характеристикой: *egghead* – (разг. презрит.) умный человек, далекий от жизни ученый, интеллигент; *pointyhead* (sl.) – интеллектуал:

He says: «We are not pointy-heads sitting in London – like the Mekon, with a large green head, thinking about the world and not doing anything (Tough scrutiny will keep the NHS healthy / Guardian.co.uk Oct 15, 2008)

In the fantasy world of the United States of Blair, pointy-heads debate the wisdom of a military strike on Iran (The Mirror (London, England). Date: Sep 1, 2006).

Однако анализ контекстов показал, что словарная помета «*derogatory*» не всегда реализуется в тексте. Так, слово *egghead* представляет название популярной телевизионной программы Би-Би-Си:

Now spin-off show Are You an Egghead? begins on Monday with the show's staple team of brainiacs beginning their hunt for a new recruit (Coventry Evening Telegraph (England). Date: Oct 18, 2008)

The BBC has announced that the popular quiz show Eggheads is back for a 13th series (Huddersfield Daily Examiner (Huddersfield, England). Date: Aug 30, 2011).

Кроме производных с *head*, приведем примеры производных с компонентом *brain*, которые вполне могут рассматриваться синонимами: *brainbox* – (разг.) интеллектуал

BRAINBOXES are being sought for the next series of a hit TV quiz show. (Huddersfield Daily Examiner (Huddersfield, England). Date: Aug 30, 2011)

brainiac (sl.) – очень умный человек:

«These companies are not hot Silicon Valley startups swarming with Gen-X brainiacs» (Ronald Henkoff) [http://www.thefreedictionary.com/brainiac]

A GROUP of *brainiacs* in Coventry are celebrating victory in the regional heat of a national quiz championship (Coventry Evening Telegraph (England), May 14, 2012).

Несколько производных с *head* называют «сумасшедшего человека»: *head-banger*, *headcase*; *jughead* – (US sl.); *longhead*.

Появление и губительное распространение такого явления, как наркомания, изобретение все новых наркотических веществ привело к множественным номинациям людей, склонных к употреблению наркотиков: *bonghead*, *crackhead*, *hophead* – наркоман; *acidhead* – (sl.) наркоман, использующий ЛСД; *cokehead* – (Amer.) кокаирист; *pothead* (sl.) – наркоман, курящий марихуану. Анализ производных позволяет уточнить, что языковое сознание фиксирует именно отклонения в поведении этих людей, обусловленных нарушением умственной деятельности, что и выражается при помощи производных от соматизма *head*. (ср. эту группу новых слов с номинациями *thickhead* – болван, тупица; *addle-head* – пустоголовый человек; *bonehead*, *beef-head* – тупица, балда; пень и др.)

Выявлен ряд существительных, называющих профессию человека, при этом значение производного включает значение «*head*» – «главный, руководящий»: *headman* – 1) глава, начальник, руководитель, шеф; 2) старший рабочий; десятник; мастер; 3) вождь (племени, клана); *headmaster*, *headmistress* – директор школы; *head-nurse* – старшая сестра (в медицинском учреждении); *figurehead* – номинальный глава; подставное лицо (о человеке, занимающем пост руководителя, но в действительности не обладающим ни властью, ни возможностью влиять на что-л.); *header* – (редк.) лидер, глава; капитан (китобойного судна); *headquarters* – командующий, главнокомандующий;

Еще одно популярное значение данной группы: «человек – фанат какого-то дела»: *metalhead* (sl.) – фанат тяжелого рока; *Nethead* – человек, хорошо разбирающийся в Интернете; *petrolhead* (inf.) – человек, любящий путешествовать на машине; *head-banger* – металлист, поклонник металлорока. Все эти слова являются неологизмами, что позволяет говорить и о возникновении новой пропозициональной связи между производящим и производным, реализуемой в пропозиции «*head*» → «человек – фанат какого-то дела».

Сема «профессиональной принадлежности» просматривается в следующих производных: *headcounter* – человек, проводящий общественные опросы; *head-dresser* – парикмахер; *headhunter* – 1) охотник за головами, скальпами 2) охотник за профессионалами (об агенте или агентстве по найму); *headliner* – 1) автор заголовков 2) популярный актер, артист, исполнитель (имя которого появляется в заголовках); *head(-)shrinker* – 1) человек, бальзамирующий головы 2) (разг.) психиатр; *header* – 1) (устар.) палач; *headsman* – палач; *talking-head* – (Slang) телеведущий или выступающий по телевидению, причем зрители видят только его лицо и плечи.

Черты характера передаются в следующих производных: *sleepy-head* (*n Informal*) – a sleepy or lazy person, *swellhead* – эгоистичный человек; *big-head* – человек с большим самомнением; хвастун; *hard-head* – черствый, сильный, упрямый человек; *hothead* – импульсивный, горячий; пылкий, страстный человек; *featherhead* – вертопрах, пустой, легкомысленный человек.

Внешние физические характеристики реализованы в определенных значениях следующих производных: *skinhead* – (*n. Slang*) человек с побритой головой; *boofhead* – (*n. Slang chiefly Austral*) человек с большой головой; *slap-head* (*derog. sl.*) – лысый человек; *woolly-head* – чернокожий человек; *red-head* – рыжеволосый человек и др.

Производные с компонентом *brain* включают сему «умственные способности человека»: *brain-worker* – работник умственного труда, *brainiac* – очень умный человек, *birdbrain* – придурок, *lame-brain* – глупый человек, дурачок, *peabrain* – глупый человек, *scatterbrain* – разг. вертопрах, легкомысленный и рассеянный человек; *featherbrain* – вертопрах, пустой, легкомысленный человек; *brain-drainer* – ученый, специалист, эмигрировавший в другую страну или другое учреждение; *brain-truster* – сотрудник мозгового центра, *super-brain* – очень умный человек. В данном значении они синонимичны некоторым производным с *head* (см. выше).

Производные с *ear* основаны на функции данной части тела – «слышать, воспринимать информацию извне при помощи слухового аппарата человека»:

ear-banger, ear-bender (амер. разг.) – болтун, трепач; *ear-witness* – свидетель, подтверждающий лично слышанное.

Производные, включающие компонент «*hand*», называют человека по его физическому умению использовать руки как инструмент практической и профессиональной деятельности: *hander* – человек, который что-то держит, передает или доставляет; *handmaid, handmaiden* – женщина-слуга; *handi-craftsman, handcrafter* – кустарь, мастер, ремесленник; *handicapper* – человек с определенным дефектом; *handyman* – 1) а) умелый человек, мастер на все руки б) рабочий, нанимаемый на работы разного рода 2) матрос; *handlinger* – (Юж. Афр.) необученный, неопытный помощник торговца [from Dutch]; *handyman* – 1) а) умелый человек, мастер на все руки б) рабочий, нанимаемый на работы разного рода 2) матрос. Приоритетное использование левой или правой рук в деятельности дает композиты *righthander* – правша; *left-hander* – левша. Интересен пример производного австралийского происхождения *handbrake* (жена, подруга, женщина-партнер). В данном случае, имеется в виду желание партнерши приостановить или прекратить какое-то действие партнера, «бить по рукам», «связывать руки».

The handbrake wouldn't let me have another go on the pokies. Bugger it. [@: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=handbrake>].

Глаз человека ответственен за получение информации извне путем зрения, что и находит отражение в следующих производных данной группы: *eyer* – 1) наблюдатель (устар.); *eyewitness* – очевидец, свидетель-очевидец.

Зрение человека также помогает оценивать то, что он видит: *eye-ropper* – очень привлекательная девушка, женщина; *eyeful* – прелестная женщина; необыкновенно привлекательная женщина. В данном случае происходит образование нового слова от значения «*eye*» – взгляд, взор.

Компонент «*face*» реализуется в следующих производных: *facepainter* – портретист; *blackface* – актер, загримированный черным цветом и изображающий чернокожего; *paleface* – (презр. ирон.) бледнолицый, человек белой расы, *face-worker, faceman* – забойщик, бурильщик (видимо, который *лицом к лицу* работает с породой).

Функция «пальца» важна в практической деятельности человека, что и отражено в производных *fingerer* – вор; *finger-picker* – музыкант, играющий на струнном инструменте путем подергивания пальцем одной струны.

Сердце – часть тела, символизирующая чувства, эмоциональное состояние человека, его душевные качества и характер. Все производные с данным компонентом называют человека, принимая во внимание именно эти ассоциации: *heart-throb* – сердцеед; *heartbreaker* – человек (или событие), вызывающее сильное огорчение; *heartener* – тот, кто воодушевляет, вдохновляет, ободряет; *sweetheart* – возлюбленный; *tiger-heart* – отважный и(ли) агрессивный человек.

Одной из функций частей тела «рот» и «язык» является производство речи, что реализовано в следующих производных: *mouther* – 1) напыщенный оратор; 2) хвастун; *mouthpiece* – рупор, глашатай; выразитель (интересов); *bigmouth* (n. Sl.) – хвастун; болтун, трепло; *blabbermouth* (n. Inf.) – трепач; *loudmouth* (n. Informal) – крикун, болтун; *pottymouth* (n. Informal) – матерщинник; *tonguer* – 1) говорящий (редк), *tonguester* – болтливый человек.

Физические качества и функции «носа» «дышать» никак не отражаются в производных единицах, обозначающих человека. Большинство производных строятся на символическом значении «нездорового любопытства» и желании «совать нос в чужие дела»: *noser* – (sl.) 1) человек, который всюду сует свой нос; 2) доносчик, провокатор; *nosey-parker* – (inf.) чрезвычайно любопытный человек¹. Обнаружены и другие производные: *hard-nose* – прагматичный и реалистичный человек; *snotnose* (Am. vulg. sl.) – сопливый ребенок или молодой человек (в качестве ругательства).

В ряде производных с компонентом «*foot*» прослеживается значение «приниженности, подчиненности»: *foot-licker* – слуга (арх.);

¹ Впервые использовано в конце XIX века популярной писательницей Mary Elizabeth Braddon: «You're a asking' too many questions for me, there's too much of Mr. Nosey Parker about you, an' I'd 'ave you to know as I'm a laidee» [Электронный ресурс; <http://www.phrases.org.uk/meanings/nosey-parker.html>].

footboy – (арх.) мальчик-слуга; *footman* – (ливрейный) лакей (см. рус. «на побегушках»).

Физические характеристики и функции ноги, как инструмента опоры и передвижения служат для создания следующих производных как с “*foot*”, так и с “*leg*”: *bigfoot* – «большая нога», снежный человек; *footer* – пешеход; *footballer* – футболист; *legman* – репортер (чтобы добыть информацию, ему приходится много ходить); *long-leg* – (крикет) игрок в крайнем левом положении.

Физические качества и функциональная роль «кожи» человека, а именно, тонкость, открытость, защита, являются прототипическими значениями для следующих производных: *clear-skin*, *clean-skin* – человек без криминального прошлого, *skin-diver* – легкий водолаз (потому что он под акваланг надевает только облегающий тело резиновый костюм, для улучшения плавучести).

Следы на коже, появляющиеся от инъекции наркотика, мотивировали обозначение наркомана – *skin-popper*. Два производных обозначают «скрягу, скупердяя» – *skinflint*, *thickskin*. Кроме этого *thickskin*, также, как и в русском языке, имеет значение человека, лишённого чувства сострадания, «толстокожего человека».

Многие люди имеют дело с разными типами шкур животных: *skinner* – 1) скорняк 2) съёмщик шкуры; *buckskin* – человек, одетый в изделия из оленьей кожи.

Цвет кожи задействован в формировании производного *redskin* – (Offensive Slang) краснокожий индеец. Социальная значимость цвета кожи демонстрируется в связи с социальным статусом и расовой принадлежностью. Обнаружен целый ряд отсоматических производных, именующий человека по его расовой принадлежности: *blackfoot*, *redleg*, *redskin*, *redleg*, *paleface*. Изначально данные номинации обозначали человека с определенным цветом кожи. Однако позже происходит развитие значений за счет социально-культурных процессов, происходящих в той или иной цивилизации. Большинство таких номинаций приобретают оттенок пренебрежительности. Истоки этого явления имеют многочисленные проекции: урожденный цвет кожи, географическое положение местожительства таких людей, пребывание на солнце, что, в свою очередь, обусловлено типом

деятельности и образом жизни. Так, люди бедные, находившиеся в услужении, вынуждены были проводить больше времени вне помещений, на солнце, и, следовательно, имели более темный оттенок кожи. Люди состоятельные часто проводили время в помещении, что также сказывалось на их цвете кожи. Бледная кожа с давних времен была знаком более высокого социального статуса. Колонизация и рабство обострили многие социальные проблемы неравенства и дискриминации и привели к идее, что люди с более темным цветом кожи далеки от цивилизации, призваны служить белой расе, что и отразилось на расширении значений некоторых номинаций:

redskin – 1) индеец племени востока США, использующий специальную краску для лица и тела 2) (offensive) Американский индеец.

Однако и белый цвет кожи спровоцировал появление номинаций с презрительными, ироническими коннотациями:

paleface – (презр. ирон.) бледнолицый, человек белой расы;

redleg – (Карибск. презр.) бедный человек белой расы, проживающих в странах Карибского бассейна. До 18 века там было распространено явление «белого рабства». Исходное значение формировалось под влиянием наличия красного цвета кожи ног выходцев из Европы, прибывших на новое поселение, которые наиболее страдали от палящего тропического солнца.

Номинация *redneck* является одним из основных концептов американской культуры и сейчас обозначает необразованного рабочего парня, который занимается физическим трудом на свежем воздухе, от чего цвет его шеи приобретает красный оттенок. Сначала так называли белых батраков, нанимающихся в качестве работников на плантации, и у которых самым уязвимым место для солнечного ожога являлась шея. В устах людей с черным цветом кожи данное обращение выглядит ругательством в адрес белых людей.

ЧАСТЬ ТЕЛА → ПРЕДМЕТ

Производные этой группы весьма многочисленны и образуются по разным словообразовательным моделям: суффиксальным – N1 + *-et* → N2 (*facet*); N1 + *let* → N2 (*armlet, eyelet, leglet, necklet, tonguelet*);

N1 + -ling → **N2** (*fingerling, footling, noseling*); префиксальным моделям – **pro-** + **N1** → **N2** (*proleg*); **pseudo-** + **N1** → **N2** (*pseudoheart*); **super-** + **N1** → **N2** (*superbrain*); моделям словосложения – **N1 + N2** → **N3** (*armband*); **N2 + N1** → **N3** (*pegleg*); **N2 (possessive) + N1** → **N3** (*lady's-finger*); **Adj. + N1** → **N2** (*blackface*).

Внутри поля **часть тела** → **предмет** мы выделяем несколько ЛСГ, что позволит выявить приоритетные словообразовательные значения, характерные для образования данных производных:

1) конкретный предмет, предназначенный для использования данной частью тела (для ее украшения, защиты, функционального применения и др.): *armband, armlet* – нарукавная повязка, *armguard* – наручник; *armrest* – подлокотник; *bodyboard* – доска для катания по волнам; *body-cloth* – попона; *body-shirt* – гимнастический костюм, *eartag, earbuds* – серьги; *eyeglass* – окуляр, монокль, *facecloth; facemask; blackface; fingerstall* – напальчник; *foot-path* – мостик; *footgear* – обувь; *hair-dryer; hair-band; handbook; handwarmer* – перчатка; *headband; head-dress; headholder* – головодержатель; *headlamp; beakhead; kneeboard; kneeguard; leg-holder* – ногодержатель; *leg-rope – legwarmer* – гетра (вязаная, яркого цвета); *mouthguard; mouthpiece; neck-choker; neckbend; neckcloth; nosebag; nose-burner; nosegay; flutter-tongue; toothbrush; toothpick* и другие.

2) предмет, управляемый обозначенной частью тела: *arm-saw* – ручная пила; *armsignal* – семафор, *armshaft* – вал рукава (швейной машины), *foot-gauge* – футшток, глубиномер; *fingerboard, football, handlight; handie-talkie, handbrake* и другие.

3) предмет, сделанный из, при помощи или участии обозначенной части тела: *eyedraught* – набросок плана, чертеж, сделанный на глазок; *footstep* – след; *headcheese* – зелье; *coonskin; wineskin; waterskin* и др.

4) предмет или явление, имеющие физические или функциональные сходства с обозначенной частью тела: *eyelet* – ушко, петелька; небольшое отверстие (в обуви для шнурка, в поясах), *fingerpost* – указательный столб на развилке дороги, *heartwood* – сердцевина дерева; *footpin* – костыль; *pegleg* – протез; *fishfinger, ladysfinger, nailhead; knee-bend, dogleg; neckline; gooseneck; toothcomb* и др.

Одной из целей нашей работы является выявление социокультурных условий возникновения производного слова, а также определение области его референции. Функциональная нагрузка той или иной части тела ограничивает область его референции, а, следовательно, и семантику производных от них слов. Приведем несколько иллюстраций данного положения.

Анализ эмпирического материала позволил заметить, что соматизмы *eye* и *ear* не участвуют в образовании производных, обозначающих «предмет, управляемый обозначенной частью тела», так как функции «глаза» и «уха» как органов зрения и слуха нацелены на зрительное: светоощущение, цветоощущение, предметное зрение: параметрическое (умение различать форму и размер) и периферическое зрение, а также слуховое восприятие (прием и усиление акустических сигналов) действительности. Логично, что *eye* и *ear* не имеют инструментального значения в производстве номинаций конкретных предметов.

Семантическая деривация *arm* обеспечила появление новых значений, связанных с прототипическими представлениями о форме и функции руки. В семантической структуре слова *arm*, таким образом, развитие прототипического значения шло, в основном, по направлению «часть тела → предмет».

Важно также отметить, что производные от *brain* не представлены ни в одной из групп конкретных предметов, за исключением одного слова – *superbrain* (тип мощного компьютера – отождествление машины с предметом). Данный факт подтверждает содержательную связь между главной функцией мозга (обработка сенсорной информации, координация, эмоции и мышление) и языковым контентом производных единиц. Более того, символическое значение «мозга», как органа, управляющего нашим мышлением, какместилища ума, знаний и опыта, является ограничительным фактором отсоматической деривации: *brain* не является мотивирующим при формировании производных, обозначающих животных и растений. Наличие мозга у животных не приводит к его отождествлению с «высшим разумом человека».

Далее, в группе конкретных предметов не обнаружено производных от *heart*, что еще раз подчеркивает важность символиче-

ского значения сердца как центра духовной жизни человека, а не анатомических и функциональных особенностей данного органа в наивной картине мира.

ЧАСТЬ ТЕЛА → АБСТРАКТНАЯ КАТЕГОРИЯ *(качество, состояние, явление)*

Несмотря на большую область референции абстрактных понятий, нам удалось выделить несколько ЛСГ в пределах данного поля благодаря ограниченности исследуемого языкового материала. Так как части тела, именованные являются производящей базой слов данного поля, являются вполне конкретными сущностями, семантические трансформации от конкретного к абстрактному определяются обязательным приращением смыслов разного рода. У основания лексической иерархии находится конкретное имя части тела, имеющее вполне определенный чувственный образ. Абстрактная категория – результат ментальной деятельности человека, обусловленный процессом отвлечения от несущественных характеристик объекта с тем, чтобы выявить его наиболее значимые свойства.

Антропоморфное поле «*часть тела → абстрактная категория*» представлено несколькими ЛСГ:

часть тела → качество, признак

часть тела → состояние

часть тела → явление

Данные ЛСГ насчитывают значительное количество производных, которые представлены словами трех частей речи – существительными, прилагательными и наречиями.

часть тела → качество, признак

Большинство производных единиц представлено прилагательными.

Суффиксальные модели представлены следующими:

N1 + -able → Adj

(heartable, mouthable);

N1 + -ed → Adj

(bodied, brained, faced, fingered, footed);

N1 + -ish → Adj

(brainish);

N1 + -al → Adj	(<i>facial</i>);
N1 + -less → Adj	(<i>armless, bodiless, brainless, earless, faceless</i>)
N1 + -like → Adj	(<i>armlike, earlike, eyelike, fingerlike, footlike,</i>)
N1 + -some → Adj	(<i>handsome, toothsome</i>);
N1 + -y / ie → Adj	(<i>brainy, fingery, footy, footsie, hairy, handy, heady</i>)
N1 + -ward → Adv	(<i>brainward</i>);
Отсубстантивные префиксальные модели:	
a- + N1 → Adv or Pred. Adj	(<i>afoot, ahead</i>)
afore- + N1 → Adv or Pred. Adj	(<i>aforehand</i>)
before- + N1 → Adv	(<i>beforehand</i>)
behind- + N1 → Adv or Pred. Adj	(<i>behindhand</i>),
break (comb. form) + N1 → Adj	(<i>breakneck, breakback</i>)
off- + N1 → Adj	(<i>offhand</i>)
out-of- + N1 → Adj	(<i>out-of-body</i>)
over- (comb. form) + N1 → Adj	(<i>overarm, overhand</i>)
up- + N1 → Adj	(<i>uphand</i>)
Отсубстантивные модели конверсии:	
N1 → Adj	(<i>hand</i>)
Модели словосложения:	
N1 + N2 → N3	(<i>tonguetie</i>)
N1 + P1 → Adj	(<i>ear-splitting, eye-beaming, eye-deceiving</i>)
N1 + Ving → N2	(<i>face-saving, head-turning</i>)
N1 + N2 → Adv	(<i>arm-running</i>)
N1 + Adj → Adj	(<i>handfree, footloose, footsure, skindeep</i>)
N1 + PII → Adj	(<i>handmade, body-centered, brain-damaged</i>)
Num + N1 → Adj	(<i>firsthand, thirdhand, secondhand, twohand</i>).

Семантика отсоматических производных существительных и прилагательных данной группы отражает первостепенность концепта «качество» в постижении окружающего мира как совокуп-

ности его признаков. «Качество» является одной из основных категорий для познающего субъекта, позволяющей сравнивать, выбирать, выделять главное и второстепенное. Объект не может не иметь качественных характеристик, с другой стороны и качество не существует вне объекта. Языковые единицы, обозначающие качества и признаки объектов, позволяют «нарисовать» более красочную и детальную картину окружающего мира, что позволит сделать видение мира более постижимым.

Чтобы выделить предмет из класса схожих ему, необходимо, прежде всего, выявить его качества, а затем и описать их. И снова человек в ряде случаев обращается к своему телу, как источнику информации о качественных характеристиках объективного мира. Отсоматизм позволяет человеку оценить качество некоей ситуации в непосредственном ощущении, в прямом сравнении свойств тела и его частей с особенностями предметов, объектов и ситуаций окружающего мира и тем самым, решить, насколько они являются или не являются «телесно-подходящими» для человека. Тем самым, соматизмы и отсоматизмы играют роль культурно-онтологических (практико-онтологических, деятельностно-онтологических) прототипов. Такие приобретенные знания о «качественной» онтологии действительности фиксируются языковой семантикой в лексических единицах, которые призваны упорядочить обозначаемые объекты в ЯКМ.

Наиболее явными качественными характеристиками являются прилагательные, в связи с общекатегориальным значением прилагательного (признак предмета).

Рассмотрим семантические особенности отсоматизмов, принимая во внимание словообразовательные модели, по которым они образованы. В производных, образованных по аффиксальным моделям, средством выражения качественности выступает внутренняя форма языковой единицы, реализованная посредством словообразовательного аффикса.

N1 + -able → Adj

Обнаружено весьма ограниченное количество производных, образованных по данной модели:

mouthable (NShOxD) – something that is able to be mouthed (обычно так говорят об игрушках или их частях, которые маленькие дети могут поместить в рот).

eyeable – visible, visually attractive (NShOxD)

heartable (UrbanD) – having characteristics that attract love or affection

Vicki Valerie makes me smile – she's just soo damn heartable (@: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=Heartable>)

N1 + -ed → Adj (*bodied, brained, faced, fingered, footed*)

По данной модели активно образуются отсоматические производные прилагательные со словообразовательным значением: «имеющий, оснащенный функциональной частью тела (позволяющей осуществлять некое действие или некую деятельность), обозначенной производящим существительным». Данное значение тесно связано со значением суффикса *-ed*, участвующем в образовании прилагательных от существительных и имеющем значение «possessing, provided with, characterized by».

bodied – adj. having a body, especially of a specified kind.

Thus, Doc Watson, the gray-bearded, iron bodied man without a past, a fighting terror himself, was overthrown in the fraction of a second preceding his own onslaught [Burning Daylight by London, Jack].

Важно заметить, что прилагательные этого типа образуются от всех исследуемых существительных – соматизмов (*brained, eared, eyed, faced, fingered, footed, haired, handed, headed, hearted, kneed, legged, mouthed, necked, nosed, skinned, toothed, tongued*), что свидетельствует о высокой продуктивности данной модели. Эти прилагательные в основном употребляются в сочетаниях уточняющего характера типа *thin-skinned, big-mouthed, strong-bodied; weak-bodied, blue-tongued* и т. д.

N1 + -y / ie → Adj

Данная модель является схожей по семантике с предыдущей моделью, однако ей не синонимичной. Обнаружено 13 производных прилагательных со значением обладания тем, что обозначено производящей основой в большей степени: *brainy, fingery, hairy, handy, heady, hearty, leggy, mouthy, nosy, skinny, tonguey, toothy*.

В русском языке данное значение реализуется в производных прилагательных с суффиксами *-аст* и *-ит* (*-овит*): *головастый*, *мозговитый* (*умный*), *рукастый*, *зубастый*, *скуластый*.

В словаре новых слов обнаружено новое значение прилагательного *hairy* – *exciting, but dangerous; hair-rising* (DNW):

It may be that he swept back into the past, and fell among the blood-drinking, hairy savages of the Age of Unpolished Stone; into the abysses of the Cretaceous Sea; or among the grotesque saurians, the huge reptilian brutes of the Jurassic times. [The Wells, H. G. Time Machine].

N1 + -less → Adj (*armless, bodiless, brainless, earless, faceless*)

Данная модель является продуктивной, так как по ней образуются прилагательные от всех описываемых существительных соматизмов, обнаружены и неологизмы. Анализ семантики таких производных ярко показывает связь словообразования с культурными смыслами, порождаемыми видоизменениями анатомии тела.

Приведем производные, образованные по моделям английского, русского и немецкого языков: *Nsoma + less → Adj, без- + основа сущ. → прил., нем. сущ. + los → прил.*, выявленные нами в ходе анализа:

1) *безрукий*, рус. – а) без руки; б) неумелый

2) *armless*, англ. – без руки

The cafes were full of well-dressed people, portly men reading the paper, ladies with cloche hats smoking cigarettes in metal or ivory cigarette-holders, armless ex-soldiers begging for a pfennig. (BNC)

3) *handless*, англ. – а) без кисти

But his vocabulary is strictly limited and his fighting skills with said chainsaw, now attached by bolts to his handless arm, inventive (BNC)

б) неумелый

The sort of girls who would quickly come to the fore are the sort of Malory-Towers-Swallows-and-Amazons type; practical down to earth and capable, but there would probably be many unlike that who would be perfectly handless when it came to organisation and practicalities (BNC).

4) *handlos*, нем. – а) без руки

б) без возможностей

Am 23. kam die Sunday Times mit neuen Enthüllungen in die Kioske. Ihr Umweltkorrespondent Sean Ryan – für Cluster ist das Ressort Umwelt zuständig – machte eine Anhäufung handloser Babys in den Küstenstädten Hartlepool und Peterlee im Nordosten Englands dingfest (DIE ZEIT, 18.03.1994, Nr. 12)

5) *armlos*, нем. – без руки

Wer kann die Bilder jener humpelnden, armlosen Kinder vergessen, die ein Leben ohne Hoffnung vor sich haben? Tausende Opfer jeden Tag (DIE ZEIT, 17. 01. 2002, Nr. 4)

Суффикс английского языка *-less*, суффикс немецкого языка *-los*, приставка русского языка *без-* синонимичны и означают «лишенный, не имеющий того, что обозначено производящей основой»: *armless* – *безрукий*, *legless* – *без ноги*, *footless* – *безногий*, *hairless* – *безволосый* и др. Прилагательные, образованные по описываемым продуктивным моделям, наряду с прямым значением, характеризуются переносным значением, которое во всех языках (англ., нем., рус.) несет негативную коннотацию. То есть, здесь качество (или его отсутствие) формируется от функции (или ее отсутствия), связанной с частью тела (или ее отсутствием). Однако эти прилагательные характеризуются переносными значениями, обусловленными смещением акцентов с внешнего на внутреннее. Они все более характеризуют не физические качества человека, а в большей степени его духовную сферу. Мы выделили следующие ЛСГ таких прилагательных, используемых для:

- 1) *описания физических умений и навыков*: ср. рус. *безрукий*, англ. *handless* – неумелый, нем. *handlos* – без возможностей; рус. *безухий* – без музыкального слуха
- 2) *наименования качеств человека, как личности*: ср. рус. *бессердечный*; англ. *heartless*; нем. *herzlos* – безжалостный, бессердечный, бездушный; рус. *безголовый*; англ. *headless* – безрассудный, бессмысленный; безмозглый; нем. *kopflös* – необдуманый, паникующий. В ходе анализа словарей новых слов выявлен новый лексико-семантический вариант производного слова *legless* (XX век) – *пьяный* (т. е. не владеющий ногами).

He thinks he can play spoof, but I usually come out of the pub legless with as much money as I went in with (BNC).

- 3) *описания умственных способностей*: ср. рус. *безмозглый*; англ. *brainless*; нем. *gehirnlos* – безмозглый, глупый; *footless* – бестолковый, негодный, неподходящий, дурацкий
- 4) *описания возрастных характеристик с оценочным компонентом*: ср. рус. *безусый (юнец)*, англ. *beardless* – юный, неопытный;
- 5) *описания предметов и событий окружающего мира*: ср. рус. *беззубая (критика)* – лишенный остроты, слабый; англ. *toothless* – неэффективный (*toothless laws*); англ. *earless* – беззвучный, безмолвный, глухой (о месте); англ. *footless* – лишенный основания, несущественный (*footless expectations*- неоправданные надежды, пустые ожидания).

N1 + -like → Adj

Данная модель является продуктивной при образовании прилагательных от существительных-соматизмов: *armlike*, *earlike*, *eyelike*, *fingerlike*, *footlike*, *hairlike*, *leglike* и др.

Описывая предметы и характеризуя их, человеку свойственно сравнивать их форму со своим телом, наиболее известным ему «механизмом». Для всех прилагательных в данном случае семантическим прототипом является «форма» части тела, соответственно, все производные прилагательные характеризуются СЗ «быть похожим по форме на часть тела, обозначенную существительным»:

Lake Pyramid, located on the west side of I-5, south of Gorman, has 21 miles of shoreline spread out over numerous long, armlike waterways and offers fishing, boating, camping and skiing (FUN ABOUND FOR WATER FANS by Daily News (Los Angeles, CA Feb 28, 2002)

A river, amber-tinted in the shadow of its banks, purred at the army's feet; and at night, when the stream had become of a sorrowful blackness, one could see across it the red, eyelike gleam of hostile camp-fires set in the low brows of distant hills (The Red Badge of Courage by Crane, Stephen)

The application is done in a criss-cross pattern with fingerlike projections coming out of the tape (Stuck on it: Kinesio tape has won a following among dancers by Wozny, Nancy / Dance Magazine Jul 1, 2009).

N1 + -some → Adj

Выявлено три прилагательных: *handsome* – удобный в применении, *eye-some* (L 16) – привлекательный и *toothsome* – приятный на вкус.

В результате анализа словарей, выявлены единичные производные, образованные по следующим моделям:

N1 + -ish → **Adj** – одно прилагательное *brainish* – (arch.) passionate, headstrong), образованное по данной модели, которое является архаизмом:

N1 + -ward → **Adv** – одно наречие *brainward*;

N1 + -al → **Adj** – одно прилагательное *facial* – лицевой, расположенный на лице;

a- + N1 → **Adv or Pred. Adj** – два производных *afoot, ahead*.

Анализ словарей новых слов позволил выделить неологизмы, обозначающие качество, признак: *brainward* – по направлению к головному мозгу; *out-of-body* – внетелесный; имеющий отношение к астральному телу (в парапсихологии):

Experts have found a way to trigger an out-of-body experience in volunteers. (<http://news.bbc.co.uk/2/hi/health/6960612.stm>)

brain-derived:

The neurotrophic factors that are covered include brain-derived neurotrophic factor, neurotrophin 3, nerve growth factor, neurotrophin 4/5, ... (BIOTECH Patent News, Aug 1, 1999).

Важно отметить, что в данных неологизмах связь с названием части тела явная, мотивировочный признак отчетлив. Большинство неологизмов характеризуются отнесенностью к научному дискурсу, что вполне объяснимо быстрыми темпами развития науки.

Интересен пример окказионализма, называющего игру на координацию и сноровку: *earys-kneesy-nosey*. Название игры появляется в художественном фильме *Fra Diavolo* (1933). Игра стала очень популярной после выхода комедии на экраны. Правила игры предполагают стуканье обеими руками по коленям, затем нужно схватить левое ухо правой рукой, в то время как левой рукой нужно подержаться за нос, затем в обратном порядке. Несмотря на популярность игры, ее название не стало частью узуального словаря и может считаться окказионализмом.

Из моделей словосложения наиболее продуктивными в данной подгруппе являются:

N1 + Ving → **Adj** (*ear-splitting, eye-beaming, eye-deceiving, eye-catching; eye-deceiving; heart-eating, heart-rending, eye-glazing* – наводящий скуку; утомительный; непонятный; *finger-licking* – вкусный; *head-turning* – extremely noticeable or attractive (head-turning costumes); *ear-grabbing* – adj (Informal, of music) immediately capturing and holding the attention of listeners);

N1 + PII → **Adj** (*handmade; body-centered; brain-fried, ear-bored; eye-spotted; hand-reared, heart-wounded, brain-burned* – находящийся под воздействием наркотика; *ear-minded* – (психол.) обладающий преимущественно слуховой памятью; *brain-damaged* – сумасшедший (напр. о программе), *eye-minded* – (психол.) обладающий преимущественно зрительной памятью; воспринимающий мир преимущественно визуально; *footworn* – 1) исхоженный, утоптаный, истертый ногами, 2) а) уставший, утомленный б) со стертymi ногами Syn: *footsore; handheld* – small and light enough to be operated while you hold it in your hands; «a hand-held computer».

Практически от всех существительных соматизмов образуются прилагательные по моделям **N1 + Ving** → **Adj**, **N1 + PII** → **Adj**.

Большинство производных прилагательных характеризуются переносными значениями, основой которых является часть тела, которая выступает в двух ролях: агенса (*handmade, footworn*) и пациенса (*ear-bored; ear-splitting, heart-rending*).

Качество может обозначаться и существительным. Мы выявили немногочисленную группу отсоматических существительных, обозначающих качество, признак.

Среди суффиксальных производных – существительные с суффиксом *-ness*, образованные от прилагательных: *eyedness, footedness, heariness, handiness, handedness, headiness, heartiness, legginess, mouthiness, nosiness, skinniness, toothiness*. Модель, по которой образуются данные производные, является результатом дальнейшей деривации от отсоматического прилагательного: **N1 + -y** → **Adj** + **-ness** → **N2**

Сложные существительные включают:

tongue-tie – косноязычие;

hair-splitting – сущ. мелочный педантизм, буквоедство;

Сложные прилагательные:

heart-whole – 1) не упавший духом; неустрашенный; 2) не связанный обязательством; свободный от привязанностей, не влюбленный; 3) искренний, чистосердечный, открытый;

strong-arm – adj. using physical force or coercion: strong-arm tactics;

mind-body – adj. of, involving, or resulting from the interrelationship between one's physical health and the state of one's mind or spirit;

brain-sick – помешанный, сумасшедший, безумный;

open-faced – adj. 1) с открытым лицом; 2) честный, открытый;

footloose – независимый, свободный

footsure – 1) устойчивый, не спотыкающийся; 2) действующий уверенно, без колебаний, твердый;

headstrong – настойчивый, своевольный, упрямый, упорный и другие.

Анализ семантических особенностей производных антропоморфного поля **часть тела** → **качество, признак** позволяют прийти к выводу о том, что физические свойства предметов и объектов действительности в силу ограниченности семантических связей имеют более простые способы их выражения в языке. Соответственно и производных, обозначающих такие свойства – меньшее количество (23 %). Гораздо более многочисленной является группа производных, обозначающих относительные качества предметов (75 %). Естественно, что человек в большей степени интересуется характеристиками оценочными, эмотивными. Образ предмета можно представить в двух проекциях: внешней – устойчивой (физической, анатомической) и внутренней – подвижной (ментальной, нравственной, эмоциональной). Второй тип характеризуется более сложными отношениями, в связи с наличием в нем субъективного оценочного компонента. Такие связи обуславливают и более многочисленные и сложные языковые отношения между производящим и производными словами (ср. *legless* – безногий (физическая характеристика) и *eye-glazing* – наводящий скуку; утомительный; непонятный). В первом случае для понимания достаточно знать значения

составляющих – *leg* и *-less* (простая пропозиция – по Дж. Лакоффу), а во втором задействованы более сложные когнитивные операции, приводящие к правильному пониманию слова. Здесь концептуальный блендинг осложнен такими когнитивными механизмами, как перспективизация, соединение, профилирование и развитие.

часть тела → состояние

Состояние также является абстрактным понятием, описывающим переменные параметры и свойства объекта, приобретаемые им в процессе изменения и развития вещей и явлений. Ф. де Соссюр, настаивая на различии состояния и события (статус и мотус), трактует состояние как универсальную, фундаментальную, метаязыковую категорию, используя ее как в отношении к значимым языковым единицам, так и к языку в целом [Соссюр, 2000: 114–115].

Существительные-соматизмы являются производящей базой незначительного количества производных, образованных по моделям:

N1 + -hood → **N2** (*bodihood*); **N1 + V-ing** → **N2** (*handwringing*);
N1 + N2 → **N3** (*arm-ache*); **N1 + Adj** → **N2** (*brain-dead*); **Adj. + N1** → **N2** (*deadarm, drowsihead*)

Приведем примеры производных: *arm-ache* – боль в руке; *brain-dead* – состоянии мозговой смерти; *brain-tire* – истощение головного мозга, перенапряжение мозга, *brainfag* – неврастения, нервное истощение, нервная слабость, нервное переутомление; *hair-trigger* – взрывоопасная ситуация; *hand-wringing* – а physical expression of concern, distress, or guilt; *headache* – головная боль; *drowsihead* – дремота; *heartbrake* – большое горе, несчастье; сердечность; *heart sore* – страдание; *bottleneck* – критический элемент, «узкое место» и др.

Ряд производных образованы по моделям вторичной производности:

N1 + -y → **Adj + ness** → **N2** – *handiness* – удобство, легкость управления; *heartiness* – искренность; *eariness* – n. fear or timidity, especially of something supernatural

The sense of eariness, as twilight came on [De Quincey]

N1 + -ed → **Adj + ness** → **N2** (*heartedness*;– искренность, сердечность; *handedness* – праворукость или леворукость)

N1 + -less → Adj + ness → N2 (*heartlessness*)

В ходе анализа эмпирического материала выявлен неологизм *heartage*, образованный по модели **N1 + -age → N2**. Производное *heartage* не зарегистрировано словарями, однако, основываясь на контекстуальном использовании данной лексемы, и привлекая знания о концептуальных областях источников (основы и суффикса), мы можем предсказать значение цели (производного слова): *heartage* – любовь, сердечность; все, что в сердце (Л. А.):

«I'll send heartage your way. »

«Much Heartage!» (Электронный ресурс: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=heartage>)

Здесь необходимо одно замечание по поводу некоторых производных, имеющих в своем составе компонент – *head*, который ошибочно может быть принят за существительное *head*. В производных существительных состояния *lustinead*, *bountihead*, *drearyhead*, *drunkenhead*, *hardihead* и др. компонент –*head* является суффиксом, эквивалентным суффиксу *-hood*. Это обусловлено двойственностью вербализации форманта *-hood* на более ранних этапах развития английского языка. Родственным ему формантом при этом выступает деривационная морфема *-head*. В современном английском языке формы с деривационной морфемой *-head* признаются архаичными. Однако в некоторых случаях оттенки значения слов обнаруживают существенные различия, что говорит об альтернативных путях их развития. Среди наиболее ярких примеров можно выделить *godhood* – «божественность» (*the state of being devine*) и *godhead* – «божественная природа, божество». Как видно, область семантики *godhead* несколько шире и помимо отвлеченного понятия содержит ссылку на весьма конкретный образ. С другой стороны, лексемы *maidenhead* и *maidenhood* сходятся в значениях «девичество, девственность», причем для *maidenhood* первым является «девичество», а для *maidenhead* – «девственность».

часть тела → абстрактное явление

Мы выделили данную ЛСГ в связи с невозможностью отнесения некоторых производных к другим ЛСГ в поле **ЧАСТЬ ТЕЛА → АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ**. Практически все производные являют-

ся единичными случаями, образованными по моделям: N1 + -er → N2 (*mouther*); N1 + -ful → N2 (*eyeful*); N1 + N2 → N3 (*headtrip*); N2(possessive) + N1 → N3 (*sheep's-eye*). Приведем примеры производных: *brain-teaser* – a problem or puzzle, typically one designed to be solved for amusement; *brain-child* – замысел, идея; изобретение; плод (чьих-л.) размышлений, умственных усилий, *brain-storm*– (амер.) неожиданная блестящая идея (также *brainwave*); (брит.) временное помрачение сознания, утрата способности ясно мыслить, *brainpower* – мыслительные способности; *sheep's-eye* – a modest, diffident look; a loving glance; *eye-popper* – что-л. потрясающее, ошеломляющее (какое-л. событие, история и т. п.); *eye-catcher* – нечто, бросающееся в глаза; *earful* – куча сплетен и новостей; *eyeful* – восхитительное зрелище; *knee-slapper* – чрезвычайно смешной анекдот, забавная история (от которой слушатель приходит в восторг и хлопает себя по коленке);

Обнаружено два неологизма:

brainworm – отрывок музыкального произведения, мелодия, навязчиво «звучащая» в голове человека (Л. А.)

I can turn my 'brain music' off whenever I choose, but others are not so lucky. We all know how irritating a catchy tune can be, but imagine being tormented by a single phrase for days on end, or living with incessant loud music all day, every day. Sacks, with his typical gift for explaining the workings of the brain, calls advertising jingles 'brainworms', designed to get inside your head and stay there. Some people with certain neurological conditions choose their own brainworms and repeat them endlessly in the same way those with autism, Tourette's syndrome or obsessive-compulsive disorder may become hooked by a word or a noise and then repeat it, aloud or to themselves, for weeks at a time. [The keys to life by guardian.co.uk / @: The keys to life]

head-trip – 1) an intellectually stimulating experience 2) an act performed primarily for self-gratification:

Elsewhere, "The Antikythera Mechanism" is a whimsical musical head-trip of psychedelia and fantastic imagery [Daily News (Los Angeles, CA). Sep 15, 2006]

ЧАСТЬ ТЕЛА → ДЕЙСТВИЕ, ПРОЦЕСС

Производные этой группы весьма многочисленны, представлены словами двух частей речи – существительного и глагола, и образуются по разным словообразовательным моделям.

Модели словосложения:

N1 + N2 → N3

N1 + Ving → N2

Модель конверсии:

N1 → V

Следует отметить, что все исследуемые соматизмы принимают участие в производстве слов, обозначающих действие и процесс. Важно, что способом конверсии от *всех* существительных-соматизмов образуются глаголы по модели **N → V**. Регулярность этой модели так же доказывает продуктивность соматизмов как производящих основ.

Основное значение мотивирующего существительного-соматизма, а соответственно и сам концепт, выступают в разных ролях при образовании производных:

1) роль объекта-цели функционально-значимого действия или процесса:

arm-twisting – выкручивание рук, давление (с целью убедить, получить поддержку; часто в политике); *arm-lock* – удерживание чьих-то рук за спинки как метод укрощения; *body-search*; *brain-picking* – ам. разг; расспросы; сбор или получение информации (у другого лица); *brain-washing* – «промывание мозгов» (идеологическая обработка или психологическая и моральная обработка с целью побудить лицо к сообщению секретных данных или к подписанию ложных показаний); *ear-piercing* – the practice of making holes in the lobes or edges of the ears to allow the wearing of earrings; *face-lift* – косметическая операция; *finger-printing* – снятие отпечатков пальцев; *hair-dressing*; *noseart*; *nosecount*; *noser* – сильный удар по носу; *head-hunting*; *to body* – 1) придавать форму; *to brain* – размозжить голову, ударить по голове; *to face* – 1) стоять лицом к лицу, встречаться; *to hair* освобождать от волос, делать депиляцию; производить или выращивать волосы или волосяные вещества; *to head* – обезглавливать;

to leg – 4) а) ударять по ноге б) ухватить или держать за ногу; 5) дать подножку (кому-л.); *to neck* – обезглавливать; наносить удар по шее; *to skin* – а) сдирать кожу, снимать шкуру (с животного); б) чистить, очищать (от кожуры, скорлупы), снимать кожуру (с растения)

2) роль инструмента действия или процесса:

footfight – драка при помощи ног; *footwork* – 1) работа ног (в спорте, танцах) 2) маневрирование; *hand-writing*; *handshake*; *hand-play*; *hand-waving*; *handicapitation*; *headwork*; *knee-strike*; *legshow* – «парад ножек» (ревю с полуобнаженными танцовщицами); *legwork* – работа, связанная с хождением по разным местам, разъездами; *body-popping* – танец с прерывающимися движениями; *legbail* – бегство; *leg-pulling* – дружеский розыгрыш, подшучивание; подкалывание; *to arm* – 1) вести под руку, 2) обхватывать руками, обнимать; *to eye* – смотреть, пристально разглядывать; *to ear* – *услышать*; *to finger* – 1) трогать, дотрагиваться, осязать, 2) играть на музыкальном инструменте (перебирая пальцами или при помощи медиатора), 3) указывать, показывать, 5) воровать, таскать, красть; *to foot* – 1) идти пешком; 2) наносить удар ногой (в частности, в футболе); 3) маршировать, танцевать и т. п. 4) наступать на что-л., ходить по чему-л.; *to hand* – 1) давать, передавать, вручать; разносить блюда (во время еды), 2) вести за руку; помогать, протягивать руку; *to head* – отбивать мяч головой; играть головой; *to knee* – ударять коленом; касаться коленом; *to leg* – 1) быстро идти или бежать; 2) толкать, проталкивать ногами; *to mouth* – говорить напыщенно; изрекать, заявлять; *to nose* – 1) а) нюхать, обнюхивать б) чувствовать запах, чують, 2) а) толкать носом б) тереться носом, *to skin* – 1) а) покрывать кожей, пленкой, тонким слоем б) покрываться кожей, пленкой, тонким слоем; *to tongue* – 1) говорить, произносить, артикулировать; 2) дотронуться языком, лизнуть; 3) целоваться; 4) играть на музыкальном инструменте при помощи языка; *to tooth* – грызть, глотать.

Анализ производных эксплицирует наиболее важную роль той или иной части тела в действии: так, существительные-соматизмы *foot*, *leg*, *hand*, *eye*, *tongue*, *tooth* гораздо более активны в роли обозначения инструмента действия, чем *brain*, *neck*, *face*, *skin*, *hair*.

Это доказывает теперь уже лингвистическим образом идею европейской философии о том, что сущность и предназначение человеческой жизни лежат в активной предметно-преобразовательной деятельности. Предметный способ существования человека предполагает активное освоение и своих природных орудий: руки, глаза, и пр., которые являются и целью, и инструментом действия в разных производных: *noser* – удар в нос и *to nose* – нюхать, обнюхивать; *to skin* – сдирать кожу, снимать шкуру и *to skin* – покрывать кожей, пленкой, тонким слоем и др.

Глагольные производные в подавляющем большинстве являются глаголами действия: *to arm* – 1) вести под руку, 2) обхватывать руками, обнимать; *to finger* – 1) трогать, дотрагиваться, осязать, 2) играть на музыкальном инструменте (перебирая пальцами или при помощи медиатора), 3) указывать, показывать, 5) воровать, таскать, красть; *to foot* – наносить удар ногой (в частности, в футболе); *to hand* – 1) давать, передавать, вручать; разносить блюда (во время еды), 2) вести за руку; помогать, протягивать руку; *to head* – отбивать мяч головой; играть головой; *to knee* – ударять коленом; касаться коленом; *to leg* – толкать, проталкивать ногами; *to mouth* – говорить напыщенно; изрекать, заявлять; *to nose* – 1) нюхать, обнюхивать 2) а) толкать носом б) тереться носом, *to skin* – 1) а) покрывать кожей, пленкой, тонким слоем; *to tongue* – 1) говорить, произносить, артикулировать; 2) дотронуться языком, лизнуть; 3) целоваться; 4) играть на музыкальном инструменте при помощи языка; *to tooth* – грызть, глодать.

К глаголам *физического и чувственного* восприятия относятся: *to ear* – слышать; *to nose* – чувствовать запах, чують, *to eye* – смотреть, пристально разглядывать, наблюдать.

К глаголам *движения* относятся *to foot* – 1) идти пешком; 2) маршировать, танцевать и т. п. 5) наступать на что-л., ходить по чему-л.; *to leg* – быстро идти или бежать.

И снова мы видим связь между значимостью и функциональной нагрузкой части тела и номинациями глаголов, образованных от соответствующих существительных соматизмов. Прототипическим значением при образовании глаголов движения является именно двигательная функция части тела (*foot, leg*), при образова-

нии глаголов *чувственного восприятия* – функция чувственного познания (*ear, eye, nose*), при формировании *глаголов действия* – функция практической деятельности (*arm, hand, finger, tongue* и др.) Однако здесь следует сделать оговорку. Человек приспосабливается к общению с действительностью, к выживанию и, следовательно, использует свой организм «по максимуму». При этом культурно-историческое развитие предлагает ему все более разнообразные практики, которые человек осваивает в том числе, и при помощи тела. Так, древним людям вряд ли приходилось играть на музыкальных инструментах (*to finger* – LME), осваивать спортивные практики (*to head* – отбивать мяч головой; играть головой L 18), танцевать (*to foot* – M 16), делать депиляцию (*to hair* – E 19) и т. д.

Удивительно, но от соматизмов *head* и *brain* не обнаружено глаголов, обозначающих *умственную деятельность*, хотя вполне было бы логично предположить наличие таких глаголов или их значений. Производные глаголы от данных соматизмов являются *глаголами действия*: *to head* – отбивать мяч головой; играть головой; *to brain* – разmozжить голову. В данном случае происходит естественный процесс развития значений или семантической деривации, отражающей все новые и новые стороны осваиваемой человеком действительности. Поэтому некоторые отсоматические производные приобретают новые значения, отражающие изначально несвойственные данной части тела характеристики: *to finger* – воровать, *to tongue* – целоваться; *to mouth* – строить рожи, гримасничать и т. д. То же самое можно сказать и о значениях соматизма как пациенса действия: *to head* – обезглавливать; *to brain* – разmozжить голову, ударить по голове; *to neck* – обвязывать веревкой, связывать (крупный рогатый скот для перегона куда-л); *to leg* – посылать мяч (на ногу) в футболе.

ЧАСТЬ ТЕЛА → ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

(пространство: размер, форма, расстояние, вес, объем, пропорции и др.)

Параметрические концепты – это результат взаимодействия человека с пространством. Регулярная предметно-практическая деятельность человека невозможна без принципиально важных ори-

ентационных схем. По мнению Дж. Лакоффа, «пространственные концепты человеческого мышления включают пары ВЕРХ – НИЗ, ПЕРЕДНЯЯ СТОРОНА – ЗАДНЯЯ СТОРОНА, ВНУТРИ – СНАРУЖИ, БЛИЗКО – ДАЛЕКО и т. п. Именно они значимы для повседневной и физической активности человека, и это дает этим пространственным категориям преимущество перед другими возможными способами структурирования пространства вокруг нас» [Лакофф, Джонсон, 2004: 93].

Производные этой группы весьма многочисленны и образуются по следующим словообразовательным моделям: **N1 + -age** → **N2** (*footage*), **N1 + -ful** → **N2** (*handful*), **N1 + N2** → **N3** (*fingerbreadth*), **N1 + Adj** → **N2** (*footlong*), **N2 + N1** → **N3** (*acre-foot*); **N1 + Adj** → **Adj** (*knee-high*).

Как отмечалось выше (см. 2. 2), некоторые части тела изначально являлись «измерительными приборами» для древних людей, у которых не было других способов измерить и сравнить что-либо. Тело человека стало самым первым «встроенным» измерительным «прибором» человека. В наивной картине мира подобные представления значимы и в настоящее время – самые распространенные меры длины дошли до нас с древнейших времен (*локоть*, *фут*). Наряду с ними, в разных языках в качестве меры длины использовалась ширина большого пальца руки у его основания; *пальма* – ширина ладони (*palma* в латинском и греческом означает ладонь, кисть руки).

Для обозначения определенной меры пространства, в английском языке используются соматизмы: *foot*, *palm* (пригоршня, горсть), *cubit* локоть (старинная линейная мера длины, равная 45 см, т. е. длине локтевой части руки человека). Ряд соматизмов являются производящей базой для дальнейшей деривации: *handful*, *armful*, *stomachful*, *handbreadth*, *foot-candle*, *footpound*, *foot-acre*, *footlambert*.

Ряд производных образован по суффиксальной модели **N1 + -ful** → **N2**. Интересно заметить, что суффикс *-ful* присоединяется в большинстве к тем основам-соматизмам, которые могут рассматриваться в качестве «вместилища, контейнера»:

armful – охапка;

Then he would hastily gather his armful of wood and carry it home.
(Baum, L. F. The Marvelous Land of Oz)

fingerful – небольшое количество того, что может поместиться на пальце или между двух пальцев

Take a little Can, pluck out the eyes of Grace Jones, warmed-up Kraftwerk, siphon off the froth of Aretha Franklin's 'passion', snatch a little Glitter leather and smear off a fingerful of Bowie mascara, ignite with the spark of a torch song, and you've got – Eurythmics! (BNC)

handful – 1) а) пригоршня; горсть б) горстка, небольшое количество

Jingle, jingle, went the shillings, as handful after handful was thrown in, till, plump and ponderous as she was, they fairly weighed the young lady from the floor (Hawthorne, N. Grandfather's Chair [@: <http://hawthorne.thefreelibrary.com/Grandfathers-Chair/1-6> – handful)

headful – 1) количество того, что может покрыть голову 2) большое количество (знаний или информации)

A man of great wealth, or one who has been pitchforked into high station, has commonly such a headful of brain that his neighbors cannot keep their hats on (Bierce, Am. The Devil's Dictionary @: <http://www.numeraire.com/quotes/abc.htm>].

mouthful – 1) а) полный рот (чего-л.) б) кусок; глоток; небольшое количество (еды)

Politely Aunt Louise took a mouthful and inclined her head in thanks (BNC).

toothful – маленький глоток (особенно спиртного)

Bucket frequently observes, in friendly circles where there is no restraint, that he likes a toothful of your fine old brown East Inder sherry better than anything you can offer him (Dickens, Ch. Bleak House).

Другие соматизмы, такие как *neck, face, back, leg* не участвуют в образовании производных по данной модели, в связи с невозможностью использования данных частей тела в качестве «контейнера».

Два производных – *earful* и *eyeful* употребляются в разговорном стиле и обозначают, соответственно: *earful* – 1) куча сплетен и новостей 2) выговор, разнос

“Over the last few days, I've gotten a well-deserved *earful* from many of the people I admire in this industry expressing their outrage and disappointment over the hurtful and stupid things I said in a number of recent media appearances” (Asian News International. Date: Feb 14, 2013)

Madonna can expect an *earful* from the church when she hits Poland today (The Mirror / London, England – Aug. 15, 2009);

и *eyeful* – восхитительное зрелище:

PENELOPE Cruz seems to be getting an *eyeful* from Bono as he does an impression of a dirty old man (The Mirror / London, England – Oct 9, 2006).

You can go around and get an *eyeful* of human eye-candy, which is the best thing you can get an *eyeful* of. (London's Vintage festival hints at change in direction by James Pheby / AFP Global Edition)

В обоих случаях части тела (глаз и ухо) играют роль пациенса, воспринимающего информацию извне. Функции «контейнера» им не свойственны, что и отражается в отсутствии соответствующих значений.

Данные факты подтверждают избирательный характер языкового мышления человека, основанного на знании и опыте. Невозможно шею, ногу, язык или колено использовать в качестве контейнера, поэтому мы и не находим номинаций типа *neckful*, *legful*, *footful*, *tongueful*, *kneeful* в английском языке.

Обозначая параметрические концепты, некоторые соматизмы активно вступают в словообразовательные связи с другими словами, образуя композиты по следующим продуктивным словообразовательным моделям:

N1 + N2 → N3 (*armload* – охалка; *earreach* – расстояние ясной слышимости; *earshot* – расстояние, на котором слышен звук, предел слышимости, *fingerbreadth* – ширина пальца (как мера длины), *foot-acre* – акрофут; *foot-ton* – фут-тонна; *footbrake* – ширина ступни; *hairbreadth* – минимальное расстояние; *handbreadth* (*hand's-breadth*) – ладонь человека, ширина ладони (как приблизительная мера длины; от 6,25 см до 10 см);

N1 + Adj → N2 (*footlong* – длина стопы)

N1 + Adj → Adj (*knee-high* – (высотой) по колено, достигающий до колена; *knee-deep*);

N2 + N1 → N3 (*acre-foot* – объем воды; *board-foot* – борд-фут (единица складской меры для пиломатериалов); *pound-foot* – фунтофут);

Параметрическая концептуализация, основанная на использовании частей тела в качестве измерительного шаблона, подтверждает базовый категориальный уровень пространственных понятий «размер, форма, расстояние, вес, объем», характерный для обыденного способа познания действительности. Однако ряд производных являются единицами научного стиля: *foot-acre* – акрофут; *foot-ton* – фут-тонна; *board-foot* – борд-фут (единица складской меры для пиломатериалов); *pound-foot* – фунтофут, что доказывает проницаемость границ наивной языковой картины мира и возможность заимствования некоторых ее понятий научной ЯКМ.

Приведем примеры производных прилагательных, которые обозначают расположение предмета относительно той части тела, название которой зафиксировано производящей базой.

Префиксальные производные с таким значением образуются по моделям:

over- + N1 → Adj. (*overarm*, *overhand*, *overhead*, *overbody*)

up- + N1 → Adj. (*uphand*)

Производные объединены словообразовательным значением (СЗ): «находящийся над указанной частью тела»: *overarm*, *overhand*, *uphand* – верхний (о броске мяча), выполненный с выносом руки (*an overarm stroke* – верхний бросок; *an overarm service* – верхняя подача); *overhead* – верхний, расположенный над головой.

В данном случае часть тела принимается за точку отсчета пространственного расположения предмета. Данные производные востребованы в спортивном дискурсе в связи с необходимостью детального описания движений спортсменов. Спортивные практики обусловили появление нового значения прилагательного *offhand* – произведенный с руки (о выстреле).

Производные *behindhand* (*отстающий*; *запоздавший*, *опаздывающий*) и наречия *beforehand*, *aforehand* (заблаговременно, заранее), *hand-running* (без перерыва; подряд) характеризуются временной составляющей.

ЧАСТЬ ТЕЛА → МЕСТО

Немногочисленные производные образуются по моделям **under- + N1 → N2** (*underbody*); **N1 + N2 → N3** (*kneehole*); **N2 + N1 → N3** (*goal-mouth*). Приведем примеры таких производных: *armpit* – подмышка; *underarm* – 1) подмышка, 2) дрянное место; *legroom* – пространство для ног (в салоне автомобиля); *kneehole* – проем между тумбами письменного стола (в который помещаются ноги человека); *kneeroom* – пространство для колен (в салоне автомобиля); *goalmouth* – (спорт) вратарская площадка; *bottleneck* – узкое место.

Данная группа производных немногочисленна, что доказывает осознание важности тела и его частей не как места, расположения или позиции чего-то, а как точки отсчета в определении соотношения физических тел вне тела. Человеку важно использовать тело как инструмент или шаблон измерения, что реализуется во множественных параметрических производных (см. выше).

В ряде случаев человек ассоциирует части своего тела как «контейнеры», что описано выше (см. часть тела → параметрический концепт), в данном случае важным является количественный параметр, т. е. количество или объем того, что вмещается в ту или иную часть тела: *armful* – охапка; *fingerful* – небольшое количество того, что может поместиться на пальце или между двух пальцев; *handful* – пригоршня; горсть и др.

ЧАСТЬ ТЕЛА → ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЖИВОТНОГО МИРА

Производные данного поля представлены исключительно моделью словосложения: **N1 + N2 → N3** (*leghorn*; *mouth-breeder*; *tooth-bill*); **N2 + N1 → N3** (*horsehead*; *bonnethead*, *bowhead*; *bullhead*; *flinthead*; *toad-head*; *lobefoot* – *puffleg* – колибри-эрион (*puff* – завиток волос; вьющийся локон); *frogmouth*; *ringneck*; *shovenose*; *tongue-fish*; *sabertooth*); **Adj. + N1 → N2** (*violet-ear* – колибри; *hair-seal* – тюлень; *shorthair*; *greenhead*; *bluehead*, *redhead*; *thickhead*; *tough-head*; *whale-head*; *thick-knee*; *roughleg*).

На протяжении всего существования человека животные играли важную роль в жизни человека. На ранней стадии развития homo-sapiens животные представлялись прародителями человека, отождествлялись с сверхъестественными покровителями, явля-

лись неотделимой частью социальной иерархии и имели богатую символическую историю. Поэтому не случайно человек переносит знания о себе самом на описание окружающих его животных *thick-head* – толстоголовка; *свистуны* (*Pachycephalidae*); *short-hair* – гладкошерстная порода кошек; *leghorn* – леггорн (порода кур) Важность роли животных в жизнедеятельности человека обуславливает и обратный процесс: многие зоонимы характеризуют человека как по внешним характеристикам, так и по чертам характера (при этом данный процесс универсален для разных культур): *орлиный нос*, *соболиные брови*, *обезьяна*, *monkey* – шут, клоун, проказник; *fish* – тип, отморозок; *der Affe*, *der Esel* (нем.)- дурак, глупец и др. Зоонимы способны отражать национально-культурные различия, присущие языковому сообществу в целом и отдельных этносов.

Анализ эмпирического материала выявил, что производные данного поля не образуются от следующих соматизмов: *arm*, *body*, *hand*, *heart*, *brain*, *skin*, *face*. Выбор человека при создании новых номинаций всегда обусловлен какими-то причинами. Как мы уже указывали, слов без биографии, без «прародителей» очень мало. Называя животных, человек прибегает к тем единицам, которые не идут в разрез с физическими характеристиками: для обозначения «морды» животного – есть отдельные слова (*muzzle*, *snout*), поэтому лексема *face* не задействована в производстве названий животных. То же самое можно сказать и о лексемах *arm* и *hand*. В английском языке для обозначения «лапы животного» используются слова *leg*, *foot*, *paw*, *limb*, но не *arm* и *hand*.

Не обнаружено производных, обозначающих представителей животного мира от соматизма *brain*, поскольку «мозг», как орган, ассоциируется с человеческим мышлением, умом и опытом, что является ограничительным фактором отсоматической деривации зоонимов. Наличие мозга у животных не приводит к его отождествлению с «высшим разумом человека»

ЧАСТЬ-ТЕЛА → РАСТЕНИЕ

Производные данного поля представлены исключительно моделями словосложения: N1 + N2 → N3 (*finger-berry* – ежевика острозубчатая (*Rubus argutus*); *finger-flower* – бот. наперстянка, *hair-*

grass – луговник, аира; *leghorn*; *mouthead*; *tongue-flower*; *beard-tongue*; *heartsease* – фиалка; **N2 + N1** → **N3** (*pigface*; *maidenhair*; *dragonhead*; *turtlehead*; *ox-heart*; *palm-heart*, *swanneck fiddleneck*); **Adj. + N1** → **N2** *blackheart*; *bleeding-heart*; *blue-leg*; *cottonmouth*; *crookneck*; **N2 (possesive) + N1** → **N3** (*cat's-ear*, *elephant's-ear* – бегония; *hare's-ear* – (бот.) конрингия; *adder's-mouth*; *snake's-tongue*; *bird's-foot*; *cat's-foot*); **Num + N1** → **N2** (*five-finger*) и др.

Фитонимическая номинация является как фрагментом наивной языковой картины мира, так и научной. Словари обычно приводят два названия флоронимов – обыденное и научное: *finger-berry* – ежевика острозубчатая (*Rubus argutus*). Научное название – результат искусственной номинации по введенным правилам и рекомендациям, регламентирующим образование и применение научных названий растений. Эти правила сведены в «Международный кодекс ботанической номенклатуры», разработанный Карлом Линнеем в 1753 году.

Анализ производных показал, что форма части тела является главным мотивирующим признаком при формировании английских отсоматических фитонимов. Название предмета в данном случае отражает его характерный признак, отличающий его от других схожих предметов. Существуют работы, посвященные типологическим исследованиям фитонимов и зоонимов¹ [Арьянова, 1968; Гришина, 1959; Меркулова, 1965; Копчева, 1985].

В. В. Копчева, изучая названия растений, дает классификацию объективных и условных признаков номинации. К собственно объективным она относит морфологические признаки (окраска, форма, размер, структура, покров, общий внешний вид, запах, вкус). Относительно объективные включают отношения между объектами, от-

¹ Арьянова В. Г. О способах номинации растений в среднеобских говорах / Материалы научной конференции молодых ученых г. Томска. Т. 2. Томск, 1968. – С. 380–383; Гришина И. П. Из диалектной лексики флоры Рязанской области / Уч. зап. Рязанского ГПИ. Т. 25. Рязань, 1959. С. 187–248; Меркулова А. О некоторых принципах этимологии названий растений / Этимология. – 1964. М., 1965. С. 72–87; Копчева В. В. Соотношение искусственной и естественной номинации (На материале названий растений): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.

ношения между объектами и человеком, объектами и животными [Копочева, 1985: 21].

В основе отсоматических производных фитонимов в большинстве случаев, лежит комплексный метафорический перенос по сходству с формой части тела (*hairgrass*, *finger-flower* (ср. рус. Анютины глазки, тещин язык) и метонимический перенос «часть-целое» и «целое-часть» (*bird's-foot*, *crookneck*, *hare's-ear*). Такие метафорические и метонимические номинации являются результатом образного мышления человека, поэтому первым признаком, который привлекает внимание человека и дает возможность выделить предмет из класса других, является его «форма».

Несмотря на то, что выбор мотивировочных признаков при назывании предмета «регламентирован незначительно, и у говорящих всегда есть возможность использовать самые разнообразные мотивы при назывании одного и того же вида» [Голев, @], нам представляется, что человек выбирает наиболее простой путь – путь сравнения с хорошо известным объектом – частью тела человека или организма животного и наиболее универсальным признаком предмета – его цветом. Продуктивность данного пути обусловлена самим обыденным подходом к выделению того или иного вида растения или животного, который основывается на наиболее быстрой фиксации внешних признаков.

Анализ лингвистической литературы показал, что данный тип номинации является характерным для многих языков: русского, английского, немецкого, карачаево-балкарского [Шаваева, 2009], что еще раз доказывает универсальность способов восприятия действительности и путей номинации.

Анализ показал, что слово *body* не имеет производных, называющих животных и растений, однако человек с готовностью переносит значение *body* «the physical frame of a human or animal; the whole material organism» на материальные продукты своей деятельности в значении «the main portion of something as distinct from subordinate parts», таких как, например, «кузов (автомобиля), корпус (корабля), фюзеляж (самолета). Именно важность предметно-практической деятельности обуславливает создание дальнейших производных: *bodykit* – (also body kit) a packaged set of decorations and fittings for

customizing a car or motorcycle body; *bodyshell* – каркас кузова (вагона) с обшивкой; *bodyside* – the side of the body of a vehicle; *unibody* – несущий кузов; *wide-body* – an aircraft having a wide fuselage.

Соматизмы *ear* и *eye* участвуют в обозначении многих названий растений и животных. При этом обнаруживаются следующие закономерности:

- производные существительные, обозначающие растения, образованы способом словосложения существительных, называющих животное и части тела *ear* или *eye*: *donkey's-eye* – (bot.) the large round seed of the *Mucuna pruriens*, a tropical leguminous plant; *rabbiteye* – shrub of southeastern United States grown commercially especially for canning industry; *pheasant's-eye* – 1) горлицевидный (*Adonis annua*) 2) нарцисс поэтический (*Narcissus poeticus*); *ox-eye* – луговая ромашка, нивяник обыкновенный, поповник (*Leucanthemum vulgare*). Either of two Eurasian plants of the genus *Buphthalmum*, having daisylike flowers with yellow rays and dark centers; *bear's-ear* – медвежье ушко, первоцвет, аврикула; *cat's-ear* – a plant that resembles the dandelion, with yellow flowers and rosettes of leaves; *elephant's-ear* – бегония (*Begonia*); *hare's-ear* – бот. 1) конрингия (*Conringia*) 2) володушка (*Bupleurum*)
- существительные, обозначающие животных, образованы сложением существительных, называющих цвет и часть тела *ear* или *eye*: *violet-ear* – колибри (*Colibris*), *white-ear* – mainly Eurasian and African songbird related to the chats, *greeneye* – bottom-dwellers having large eyes with metallic green luster; *goldeye* – a North American clupeoid fish with yellowish eyes, silvery sides, and a dark blue back; *blue-eye* – (ихт.) синеглазка; *white-eye* или *silver-eye* – (орнит.) белоглазка и др.

ЧАСТЬ ТЕЛА → ЧАСТЬ ТЕЛА, ОРГАНИЗМА

Производные данного поля образованы следующими словообразовательными моделями: **after-** + N1 → N2 (afterbrain), **fore-** + N1 → N2 (forearm, forebrain, foreface), **under-** + N1 → N2 (underhair), **mid-** + N1 → N2 (midbrain), N1 + N2 → N3 (eyelash), N2 + N1 → N3 (cockeye), **Adj.** + N1 → N2 (hindbrain).

Данное антропоморфное поле включает производные, образованные от большинства описываемых соматизмов: *armpit* – подмышка; *brainpan*, *brain-box*, *braincase* – черепная коробка, *brainstem* – ствол (головного) мозга, *after-brain* – (анат.) задний мозг, *hindbrain* – нижняя часть головного мозга; *underbody* – the underside of a road vehicle, ship, or animal's body; *earflap*, *earlobe* – ушная мочка; *eyebrow* – бровь; *eyehole* – глазная впадина, глазница; *eyelash* – ресница; *eyelet* – маленький глаз, глазок, глазик; *eyelid* – веко; *eyeglobe*, *eye-bulb* – глазное яблоко; *eye-muscle* – глазная мышца; *cockeye* – косой глаз; *foreface* – the part of the head of a four-legged mammal that is in front of the eyes; *finger-cushion* – подушечка кончика пальца; *fingernail* – ноготь; *fingertip* – кончик пальца; *fore-finger* – указательный палец; *forefoot* – передняя нога или лапа; *underhair* – нижняя часть меха, оперения животного; *forehead* – лоб; *kneecap* – коленная чашечка, *foreleg* – одна из передних конечностей четвероногих животных; *mouthpart* – ротовые части, ротовой аппарат (у членистоногих); *foreskin* – крайняя плоть и др. Связи типа «часть целого» и «часть части» включают локализацию на теле, как картографическую (подмышка), так и параметрическую – «конечная (верхняя или нижняя) точка чего-то, имеющего длину»; также – связь (подвижная) элементов системы тела (сустав); также вместилище на теле для какого то отдельного органа (глазница).

Не выявлены производные данного типа от существительных *neck*, *nose*, *heart* и *tongue*. В обыденном освоении жизненных практик человеку было необходимо обозначать различные функции частей тела, исходя из собственного практического опыта (*бить кулаком*, *сгибать локоть*, *поддержат плечом*, *стать на колени*, *нести подмышкой* и т. д.). Таким образом, разнообразие функций одной части тела обусловило необходимость вычленения более мелких частей из одной большой, что позже потребовало их названий. Но есть части тела, целостность которых является необходимым условием для их функционирования, что ограничивает их очевидные функции: шея обеспечивает подвижность головы, нос ассоциируется с возможностью дышать, язык участвует в трех важнейших функциях – продвижение пищи, определение вкуса и производство речи. Для выполне-

ния данных функций не требуется членения этих частей тела, соответственно и отсутствует необходимость в образовании новых слов.

Соматизм, являясь лексемой наивной картины мира, вполне продуктивен в качестве мотивирующей базы при образовании производных, обозначающих либо часть целой части тела, либо ее разновидности. Часть и целое представляют собой философские категории, выражающие отношения между предметами и характеризующие процесс познания, который, как правило, начинается с нерасчлененного представления о целом, а затем путем анализа и расчленения на части приводит к более полному видению и пониманию целостного объекта (БСЭ). Человеку свойственно выделять части, обнаруживать их специфику и роль в формировании целого, что и обуславливает существование производных данной группы.

При образовании слов этой группы наиболее продуктивными являются: префиксальная модель **fore-** + **N1** → **N2** (*forehand, forehead, foreleg, foreskin, foretooth, fore-finger, forefoot*) и модель словосложения **N1** + **N2** → **N3** (*brainstem, earlobe, eyebrow, eyebulb, finger-cushion, fingernail, armpit* и др).

Данные производные характеризуются преимущественно прямыми мотивационными отношениями между производящим соматизмом и производным словом. Семантика префикса *fore-* – “in front of, front-” (пред-, перед) – четко прослеживается во всех производных. Префикс *fore-* с данным значением продуктивен в образовании существительных от существительных. В данном случае прямые мотивационные отношения обусловлены ментальными процессами «пропозициональной когнитивной модели», наиболее простой ментальной моделью, состоящей из двух аргументов и базового предиката, который связывает эти аргументы.

ЧАСТЬ ТЕЛА → СООБЩЕСТВО, ГРУППА

Производные, входящие в данное поле, образуются только по модели словосложения: **N1** + **N2** → **N3** (*brainpower, brain-trust, half-tongue*). Они объединены общим СЗ: группа людей, объединенных схожими способностями или общими интересами: *brainpower* – интеллектуальная элита, интеллектуалы; *brain-trust* – 1) «мозговой

трест», группа экспертов, отвечающая на вопросы какой-либо аудитории 2) группа специалистов-консультантов (при какой-либо организации, государственном или политическом деятеле), первоначально группа советников президента США Ф. Д. Рузвельта; *head-office* – руководство фирмы; *half-tongue* – суд присяжных, состоящий наполовину из земляков (соотечественников) подсудимо-го; *bodyguard* – личная охрана; эскорт.

Немногочисленность данной группы обусловлена осознанием человеком тела и его частей в большей степени как индивидуальных, а не групповых «аксессуаров», необходимых для освоения действительности.

Многие отсоматические производные включают **оценочный компонент**: в основном, негативный (*armful* – баба в теле, *birdbrain* – придурок, *lamebrain* – глупый человек, дурачок, *peabrain* – глупый человек, *scatterbrain* – вертопрах, легкомысленный и рассеянный человек, *ear-banger* – 1) болтун, трепач 2) зануда; нытик; *earbiter* – (уничиж.) человек с тяжелым психическим расстройством и др.).

В эмоционально окрашенных производных «ономасиологической базой экспрессивной номинации являются экстралингвистические признаки денотата или конкретного референта, реальные и приписываемые, получающие специальное обозначение, отличное от уже имеющегося. Отличие экспрессивного наименования от нейтрального осознается говорящим коллективом, так как оно бывает узусным или, если не является нормированным, имеет достаточно прозрачную мотивировку» [Шаховский, 2008: 94].

Во всех языках существует свой набор средств, задающих речи экспрессивный характер и способствующих передаче субъективного отношения, говорящего к высказыванию или к адресату. Несмотря на огромное разнообразие эмотивных состояний и ситуаций, выражение экспрессивности можно свести, по мнению некоторых ученых, всего лишь к пяти эмоциональным категориям: «увеличенности, уменьшенности, уничижительности, обожанию, почтительности». Данный факт также считается одним из загадочных аспектов экспрессивной деривации: «One of the mysterious aspects of Expressive Derivations is that, despite the wide range of human attitudes, 212

the expressive categories are restricted to those which reflect only the five attitudes; that is, Augmentative, Diminutive, Pejorative, Affectionate, and Honorific» [Beard, Volpe, 2005: 200].

Необходимо отметить, что «сознание человека оценивает и концептуализирует объекты действительности по степени важности их признаков для той или иной ситуации и создает значения с большей или меньшей степенью выраженности их признаков. <...> Производные единицы, маркированные экспрессивными словообразовательными формантами, с одной стороны, должны привлечь дополнительные когнитивные ресурсы человека, а с другой, облегчают восприятие, переработку и передачу информации» [Абросимова, 2011: 248–249].

К словообразовательно-маркированным экспрессивным единицам исследуемой выборки можно отнести производные, образованные по моделям **N1 + -ish** → **Adj** (*brainish*), **N1 + -let** → **N2** (*armlet, eyelet, heartlet, leglet, necklet, toothlet, tonguelet*), **N1 + -less** → **Adj** (*brainless, heartless, footless* и др.); **N1 + -y** → **Adj** (*brainy, fingery, hairy, handy, heady, hearty, leggy, mouthy, nosy, skinny, tonguey, toothy*). В русском языке значение подобное дериватам на -у реализуется в производных прилагательных с суффиксами -аст и -ит (-овит-): *головастый, мозговитый* (умный), *рукастый, зубастый, скуластый*.

Несмотря на то, что словарь маркирует лексему *brainish* как архаизм, мы находим примеры ее использования в современном английском языке со значением «characterized by undue haste and lack of thought or deliberation; «a hotheaded decision»; «liable to such impulsive acts as hugging strangers»; «an impetuous display of spending and gambling»; «madcap escapades»» (@: <http://www.thefreedictionary.com/brainish>). В данном значении прослеживается семантика суффикса -ish – «характерный признак, часто с отрицательной окраской».

Maddona put in long hours with his brainish trust, crunched numbers and notions and decided to alter his starting rotation and go with a wing and probably a prayer – Kazmir, shaky to the core of late, to seal the Red Sox coffin tonight at Fenway Park in Game 5 of the ALCS.

(It's Wait-And-See Time As Rays Turn To Kaz by MARTIN FENNELLY / Tampa Tribune & WFLA, Oct 16, 2008)

Большинство эмоционально окрашенных производных обнаружено среди композитов: *dogsbody* – ишак (тот, кто выполняет тяжелую, нудную работу); *brain-sick* – помешанный, сумасшедший, безумный; *scatterbrain* – вертопрах, легкомысленный и рассеянный человек, *hair-raiser* – история, фильм, книга, от которых волосы встают дыбом.

Как уже указывалось, словосложение, являясь самым активным способом образования новых слов, представляет собой наиболее продуктивную среду для «быстрого реагирования» как создателя слова, так и субъекта, его воспринимающего. Результат концептуальной интеграции (блендинга) здесь явно-выраженный. Однако метафорические и метонимические переносы, осложняющие структуру производного, несомненно, усложняют процесс «раскодировки» исходных единиц. Здесь важно отметить роль контекста, в котором наиболее легко происходит данный процесс, и наиболее ярко реализуются интенции и эмоции говорящего:

Tomlinson recalled Middleton working as «the general dogsbody» during a gap year in 2001 before attending St Andrews, where she met William. (Times of Oman (Muscat, Oman), Apr 28, 2011)

David's new job at a posh salon in town makes his life a misery as he's treated like a dogsbody. (Western Mail (Cardiff, Wales), Apr 7, 2012).

Jane has a go at me for being moody and she winds me up by being such a scatterbrain.

Charitable hair-raisers can perform the jumps solo or in tandem and at airfields across the UK but must first raise a minimum sponsorship sum of pounds 360 (Daredevil sky-dive to aid charity / Birmingham Mail (England). Jan 23, 2009).

Таким образом, можно подвести некоторые итоги анализа семантических отношений в отсоматическом лексиконе.

В ходе анализа отсоматических производных выявлен ряд антропоморфных полей: *организма*; *часть тела* → *человек*; *часть тела* → *предмет*; *часть тела* → *абстрактная категория (качество, состояние, идея)*; *часть тела* → *действие, процесс*; *часть тела* → *параметрический концепт*; *часть тела* → *место*; *часть тела* → *представитель животного мира*; *часть тела* → *растение*; *часть тела* → *часть тела, организма*; *часть тела* → *сообщество, группа*.

По количественному признаку ядерная зона соматической концептосферы представлена полями: *часть тела* → *человек*; *часть тела* → *предмет*; *часть тела* → *абстрактная категория*.

К ближней периферии относятся поля: *часть тела* → *часть тела*; *часть тела* → *действие, процесс*; *часть тела* → *параметрический концепт*.

К дальней периферии относятся поля: *часть тела* → *место*; *часть тела* → *представитель животного мира*; *часть тела* → *растение*; *часть тела* → *группа, сообщество*.

В выявленных антропоморфных полях **все** отобранные соматизмы представляют собой производящую базу производных номинаций.

Наибольшую продуктивность в производстве дериватов проявляют соматизмы *head* – 343 деривата, *hand* – 301, *eye* – 204, *foot* – 189, *heart* – 164.

Анализ семантики производных позволил выявить некоторые закономерности.

Анализ производных от лексем *heart* и *hand*, которые являются самыми активными в формировании производных единиц, показал, что категориально-грамматическими семемами, реализуемыми производными с *heart*, являются: признак (*heartless, hearty, heartsick* и др.), состояние (*heart sore, heartache, heartage* и др.), процесс (*to heart, to hearten*), лицо (*heartthrob, heartbreaker, hearty*). При формировании производных с компонентом *heart* реализуются 2 основные концептуальные структуры: качественность и состояние. Как видно из дефиниций, в основном дериваты обозначают абстрактные понятия, связанные с душевным состоянием человека. Анализ производных подтверждает точку зрения лингвокультурологов, считающих, что во многих культурах сердце отождествляется с «вместилищем» эмоций и душевных качеств человека. Интересно заметить, что подобный анализ, проведенный на материале производных от англ. *hand* – рука, доказывает влияние исходного концептуального значения на дериваты, которые в большинстве своем характеризуются связью с «инструментальным» значением мотивирующего. Категориально-грамматические семемы, реализуемые производными с *hand*, представлены следующим образом: признак (*handless, hand, adj., handy, handsome, hand-made, hand-crafted,*

hand-reared), процесс (*to hand, handplay*), мера (*handful, handbreadth*), предмет (*handkerchief*). При формировании производных с компонентом *hand* реализуются две основные концептуальные структуры: квалитативность и инструмент. Большинство производных характеризуются функциональными признаками, обеспечиваемыми прагматической значимостью руки – «инструмента», при помощи которого человек совершает физические действия.

От всех двадцати исследуемых соматизмов образуются существительные, обозначающие социально-деятельностные роли человека по тем или иным признакам (*dogsbody* – ишак (тот, кто выполняет тяжелую, нудную работу); *superbrain* – an exceptionally intelligent person; a genius; *ear-witness* – свидетель, лично подтверждающий слышанное; *eyeful* – прелестная женщина; необыкновенно привлекательная женщина и др.), что свидетельствует о важности «самообозначения» человека и эксплицирует антропоцентрический характер лингвокреативной деятельности.

В антропоморфном поле **часть тела** → **человек** подавляющее большинство производных образованы от соматизма *head*, на втором месте по количеству производных – соматизм *hand*. Это доказывает важность именно таких частей тела, как РУКА и ГОЛОВА в рамках антропосоциогенеза. Движущей силой антропогенеза (становления человека) было развитие предметно-практической (производственной) деятельности, в котором главенствующую роль сыграла «рука человека», как инструмент. Данный вид деятельности потребовал зарождения мышления (голова – центр мыслительной деятельности в обыденном сознании), что спровоцировало дальнейшее преобразование как физиологических, так и социальных потенций человека [см. в этой связи Энгельс, 1985: 69-82].

В антропоморфном поле **часть тела** → **предмет** производные образованы от **всех** отобранных соматизмов. В ЛСГ «*предмет, управляемый обозначенной частью тела*» большинство дериватов образованы от соматизмов *arm, finger, hand*. Анализ эмпирического материала позволил заметить, что соматизмы *eye* и *ear* не участвуют в образовании производных, обозначающих «предмет, управляемый обозначенной частью тела», так как функции «глаза» и «уха» как органов

зрения и слуха нацелены на зрительное и слуховое восприятие действительности. Таким образом, *eye* и *ear* не имеют инструментального значения в производстве номинаций конкретных предметов. Далее, в группе конкретных предметов не обнаружено производных от *heart*, что еще раз подчеркивает приоритет *символического* значения сердца как центра духовной жизни человека над анатомическими особенностями организма в наивной картине мира.

В антропоморфном концептуальном поле **часть тела** → **параметрический концепт** дериваты образованы от соматизмов *foot, arm, ear, hand, knee, hair, head* (в порядке убывания словообразовательной активности). Ряд производных образован по суффиксальной модели **N1 + -ful** → **N2**. Интересно заметить, что суффикс *-ful* присоединяется в большинстве к тем основам-соматизмам, которые могут рассматриваться в качестве «вместилища, контейнера» (*armful, handful, headful, mouthful*). Такие соматизмы, как *neck, face, back, leg* не участвуют в образовании производных по данной модели, в связи с невозможностью использования данных частей тела в качестве «контейнера». Параметрическая концептуализация, основанная на использовании частей тела в качестве измерительного шаблона, подтверждает базовый категориальный уровень понятий «размер, форма, расстояние, вес, объем, пропорции», характерный для обыденного способа познания действительности.

В антропоморфном концептуальном поле **часть тела** → **абстрактное понятие** дериваты образованы от *всех* соматизмов. Семантика отсоматических производных существительных и прилагательных данной группы отражает первостепенность концепта «качество» в постижении окружающего мира как совокупности его признаков.

В антропоморфном концептуальном поле **часть тела** → **действие, процесс** дериваты образованы от *всех* соматизмов. Мотивировочным признаком при образовании *глаголов движения* является именно двигательная функция части тела (*foot, leg*), при образовании *глаголов чувственного восприятия* – функция чувственного познания (*ear, eye, nose*), при формировании *глаголов действия* – функция практической деятельности (*arm, hand, finger, tongue* и др.) Здесь отражается связь между значимостью и функциональной на-

грузкой части тела и номинациями глаголов, образованных от соответствующих существительных соматизмов.

В антропоморфном концептуальном поле **часть тела** → **животное** дериваты не образуются от следующих соматизмов: *arm, body, hand, brain, heart, skin, face*, поскольку в языке существуют другие наименования для обозначения частей тела животного. Преобладание символического значения «мозга», как органа, управляющего человеческим мышлением, как местом средоточия ума, знаний и опыта, является ограничительным фактором отсоматической деривации: *brain* не является мотивирующим при формировании производных, обозначающих животных.

В антропоморфном концептуальном поле **часть тела** → **растение** главными мотивирующими признаками при формировании английских отсоматических фитонимов являются *форма* части тела и *цвет*.

В антропоморфном концептуальном поле **часть тела** → **место** дериваты представлены несколькими единицами. Их немногочисленность доказывает осознание важности тела и его частей не как места, расположения или позиции чего-то, а как точки отсчета в определении соотношения физических тел вне тела.

Производные антропоморфного концептуального поля **часть тела** → **человек** характеризуются высокой степенью эмоционального приращения смысла. В ЛСГ данного поля имеется значительное количество производных с эмоциональной окраской. Оценочная характеристика человека в подавляющем большинстве реализуется в производных с компонентом *head* от основного и от переносных значений производящего существительного *head*.

С развитием значений и появлением новых социально-культурных практик сфера функционирования отсоматические производных постоянно расширяется. Являясь единицами основного словарного фонда, соматизмы функционируют как источники появления новых единиц – как в наивной, так и в научной картинах мира. Такие производные относятся как к общеупотребительной, так и специальной лексике (термины и профессионализмы).

Анализ словарей новых слов (LRNW, DNW, OxDNW, DNW&M) позволил выделить те приоритетные социально-коммуникативные

сферы, в которых образование таких единиц происходит наиболее активно¹:

в сфере спортивной деятельности (*over-arm, body-blow, bodyboard, bodybuilding, bodycheck, body-surf, face-bar, footrace, handfast, handgrip, handpass, header, headlock, knee-bend, kneeboard, leg-break, dogleg, long-leg*);

в сфере медицины и других естественных наук (*brainwave, ear-minded, ear-stone, eye-minded, eyedness, skinbound, greybody, hair-ball, out-of-body, headcase*);

в сфере технических наук (*foot-line, hand-spike, headbay, headbutt, head-circle, headframe, headfall, headloss, head-gate, knee-mill*);

в сфере компьютерных технологий (*facebook, facemail, inter-face, word-of-finger, headcrash*);

в сфере политической деятельности (*hand-bagging, blue-neck, bridge-head, beachhead*);

в сфере наркозависимости (*acidhead, crackhead, cokehead, hop-head, pothead*).

Анализ отсоматических неологизмов показывает, что новые знания и новая информация в значительной мере концептуализируются и категоризируются опираясь на соматическую лексику, которая продуктивно употребляется в производстве новых лексических единиц во вторичной номинативной функции. Соматическая концептосфера является источником номинаций, которые служат обозначению широкого спектра событий: результатов предметно-практической деятельности человека, социальных взаимоотношений между людьми, чувственного опыта, экологического взаимодействия с окружающей средой. Динамический характер сферы номинации предопределяет не только возникновение новых единиц, словообразовательных моделей и формантов, но и формирование и закрепление в языке новых пропозиций. Как мы уже указывали, в ходе анализа выявлена **новая пропозициональная связь** в рамках антропоморфного языкового поля «часть тела → человек»: «часть тела (head) → человек – фанат какого-то дела» (*metalhead, Nethead, petrolhead*). Знания о такого рода связях имеют непреложное значение для освоения иностранного языка и позволяют предсказывать значения новых единиц.

¹ Приводятся в порядке убывания количества производных

В результате семантического проецирования «концепт-источник (соматизм) → концепт-цель» происходит постепенное исчерпывание семантического потенциала соматической концептуальной (когнитивной) структуры, что отражается в изменении общекатегориальной семантики производного слова (от предметности к процессу и признаку).

В результате анализа переносных значений отсоматических производных выявлены основные направления их метафорического проецирования в другие сферы номинации, что позволяет говорить о приобретении производными характеризующих значений:

- характеристики человека по социальному, деятельностному, профессиональному, физическому, ментальному, личностному признаку;
- характеристики предметов и объектов окружающей действительности;
- характеристики животных и растений;
- параметрические характеристики жизненного пространства;
- характеристики эмоционального состояния человека;
- качественное состояние;
- сфера действий и процессов;
- характеристики социальной структуры общества;
- нравственные и морально-этические нормы.

Таким образом, производные единицы словарного состава языка ярко отражают состояние общества и культуры на том или ином этапе их развития, что доказывает активную роль словообразовательных процессов в формировании ЯКМ. Появление в языке новых отсоматических производных доказывает непрерывный процесс расширения и усложнения концептуальной сферы жизнедеятельности человека, а, следовательно, и динамический характер ЯКМ. На языковом уровне непрерывность образования номинаций от слов основного словарного фонда на протяжении всего развития языка, вплоть до современности (продолжают образовываться неологизмы) подтверждает высокую продуктивность основ существительных-соматизмов. Это также доказывает антропоцентрический принцип организации ЯКМ, так как человек – «мера всех вещей», и отражает доминантную тенденцию в познании мира с помощью языка.

Доминирующая в языковой картине мира морфологическая деривация является наиболее наглядным источником ее структурирования и пополнения, поскольку представляет замкнутую на себя морфо-грамматическую структуру – когда преобладает словесное же определение значений слов. Очень часто при этом люди не понимают друг друга, т. к. словесные определения никогда не отражают точно, полно и однозначно действительных смыслов, которые в них вкладываются. И если специально не озаботиться реконструкцией этих смыслов, то и понимания не будет (со всеми вытекающими из этого последствиями). Из этого следует, что только анализ взаимосвязи семантической и морфологической деривации внутри семантической группы может раскрыть весь динамический когнитивно-деривационный потенциал производящего слова.

Анализ производных в рамках антропоморфных полей позволил:

- раскрыть общие закономерности семантической эволюции, пути направления развития значений исходного слова и его производных;
- обнаружить феномены действительности, для обозначения которых используется отсоматическая лексика, вне зависимости от того, в какое семантическое поле входят эти элементы;
- выявить концептуальные области, в которых в качестве средства номинации используется соматическая лексика и пути развития понятийного содержания;
- обнаружить, каким образом концептуальное тождество получает реализацию в языке, какие структурные и семантические механизмы задействованы в этом процессе;
- доказать, посредством анализа выявленных антропоморфных полей, что языковой антропоцентризм пронизывает все сферы функционирования языка;
- подтвердить динамичность языковых процессов и безграничность семантического потенциала языка; способность экономно использовать существующие средства для обозначения новаций, быть проводником между существующим и потенциальным.

Выводы

1. Производящая база деривата и словообразовательный формант представляют собой основные составляющие формального выражения нового знания в языке и, соответственно, необходимые атрибуты его инкорпорации в ЯКМ. Семантика исходного мотивирующего слова в той или иной степени отражается в семантике производных единиц. Иерархия таких связей наиболее ярко прослеживается в словообразовательных гнездах. Вершинное и каждое производное слово словообразовательного гнезда имеют собственную структуру, обусловленную процессами семантической, и морфологической деривации. Семантическое пространство гнезда представляет собой место пересечения и взаимодействия разных типов значений и смыслов. Словообразовательные гнезда, являясь комплексными единицами дериватологии, отражают не только лингвистические словообразовательные закономерности, но также подвижность семантического пространства и динамическую природу ЯКМ. СГ может в данном случае трактоваться как комплексная система упорядочивания и хранения знания, которая может продуктивно использоваться при изучении родного и иностранных языков.

2. Словообразовательные модели, по которым образуются английские отсоматические дериваты, разнообразны и представлены аффиксальными моделями (префиксальными и суффиксальными), моделями конверсии, словосложения и контаминации. В рамках первой ступени деривации наиболее продуктивным способом словообразования отсоматических дериватов является словосложение (88,8 %), суффиксальным способом образовано 6 %, префиксальным способом – 4 % дериватов, конверсией – 1 %, контаминацией – 0,3 %.

3. С учетом ступени деривации можно выделить группы продуктивных моделей, используемых при образовании английских отсоматических единиц различной частеречной принадлежности. На первой ступени деривации прилагательные образуются по моделям **N1 + -less** → **Adj** – 100 % – производность (образуются от **всех** исследуемых соматизмов); **N1 + -ed** → **Adj**. – 90 % – производность; **N1 + -y / ie** → **Adj** – 70 % – производность; **N1 + -like** → **Adj** – 65 % – производность; **N1 + -ful** → **Adj** – 40 % – производность; модели существительных включают: **N1 + -er** → **N2** – 65 % – производность; **fore-** + **N1** → **N2** – 55 % – производность; **under-** + **N1** → **N2** – 25 % – производность; глаголы образуются по модели **N** → **V** – 100 % – производность.

4. На второй ступени деривации задействованы модели для образования существительных (**Ncomp + -er** → **N**, **Adj. + -ness** → **N**, **Adj** → **N**, **Ncomp + -er** → **N**, **Ncomp + -ing** → **N**, **V + -ing** → **N**, **V + -er** → **N**, **Adj + N** → **Ncomp**), наречий (**Adj + -ly** → **Adv**, **Adj** → **Adv**); глаголов (**de-** + **V** → **V**, **dis-** + **V** → **V**, **em-** + **V** → **V**, **en-** + **V** → **V**, **out-** (*comb. form*) + **V** → **V**, **re-** + **V** → **V**, **un-** + **V** → **V**, **up-** + **V** → **V**, **Ncomp** → **V**, **Npref** → **V**, **Nblend** → **V**, **Ncomp** → **V**, **Nsuf** → **V**), прилагательных (**Ncomp** → **Adj**).

5. В рамках словосложения разграничиваются виды моделей с учетом в них местоположения соматизма. Эти виды обладают разной степенью продуктивности. Более высокая продуктивность характерна для моделей с соматизмом в качестве первого компонента сложного слова (55,5%). Модели со вторым компонентом-соматизмом обнаруживают меньшую продуктивность (19,6%).

6. Появление в языке новых отсоматических производных доказывает непрерывный процесс расширения и усложнения концептуальной сферы жизнедеятельности человека, а, следовательно, и антропоцентрический характер ЯКМ. Формирование отсоматических *неологизмов* в английском языке происходит по следующим направлениям: 1) развитие новых значений у соматизмов в рамках семантической деривации; 2) развитие новых значений у отсоматических дериватов; 3) образование новых лексем аффиксальным способом; 4) образование новых слов безаффиксными способами

(словосложением, контаминацией); 5) образование новых слов от отсоматических производных (аффиксация, конверсия); 6) образование новых слов от неологизмов, в составе которых имеются соматизмы (конверсия, реверсия); 7) образование отсоматических неологизмов по новым словообразовательным моделям: *digi* + *N* → *N*, *out-of-* + *N1* → *Adj*, *super-* + *N1* → *N2*. Наиболее продуктивной моделью образования неологизмов является словосложение – 62%. Префиксацией образовано 10,2% производных неологизмов, суффиксацией – 9 %, контаминацией – 6,8 %. Таким образом, значительно возрастает продуктивность образования английских производных неологизмов способом контаминации, префиксации и суффиксации на фоне снижения продуктивности словосложения.

7. С целью обнаружения и описания смысловых связей между исходным соматизмом и производным от него словом и выявления средств языковой фиксации таковых мы вводим понятие *антропоморфного поля*, которое обозначает семантическое пространство (фрагмент соматической концептосферы), вмещающее разные семантические трансформации в пределах цепочки: источник-соматизм и конечная номинация-дериват (концепт-источник и концепт-цель). В ходе семантического анализа выявляются ассоциативные повторяющиеся типы семантической связи между этимонами-соматизмами и их производными, возникающие в человеческом сознании. Данный процесс может трактоваться как механизм перехода от языковой к концептуальной картине мира; при этом соматизмы выступают базовой основой формирования следующих семантических проекций в английском языке: *часть тела* → *человек*; *часть тела* → *предмет*; *часть тела* → *абстрактная категория (качество, состояние, идея, природное явление)*; *часть тела* → *действие, процесс*; *часть тела* → *параметрический концепт*; *часть тела* → *место*; *часть тела* → *животное*; *часть тела* → *растение*; *часть тела* → *часть тела, организма*; *часть тела* → *сообщество, группа*. **Ядерными** антропоморфными полями соматической концептосферы являются: *часть тела* → *человек*; *часть тела* → *предмет*; *часть тела* → *абстрактная категория*. **К ближней периферии** относятся поля: *часть тела* → *часть тела*;

часть тела → действие, процесс; часть тела → параметрический концепт. К **дальней периферии** относятся поля: часть тела → место; часть тела → животное; часть тела → растение; часть тела → группа, сообщество.

8. В ходе анализа выявлен словообразовательный потенциал соматизмов: отмечено, что чем больше производных образовано от того или иного соматизма, тем более важна обозначаемая этим соматизмом часть тела в определенной лингвокультуре. Наиболее продуктивными единицами, от которых образовано наибольшее количество английских производных, являются *head* – 343, *hand* – 301, *eye* – 204, *foot* – 189, *heart* – 164 *деривата*. Избирательность человеческого мышления является ограничительным фактором при словообразовательной категоризации. Например, суффикс английского языка *-less*, суффикс немецкого языка *-los*, приставка русского языка *без-* означают «лишенный, не имеющий того, что обозначено производящей основой»: *armless* – *безрукий*, *footless* – *безногий* и др. присоединяются в этом значении к названиям только тех частей тела, которые действительно могут отсутствовать по какой-либо причине: *armless* – *без руки*, *legless* – *без ноги*, *hairless* – *безволосый* и др. Однако прилагательные, образованные по данным продуктивным моделям, наряду с прямым значением, характеризуются переносным значением, которое во всех языках (англ., нем., рус.) несет негативную коннотацию (*headless*, *heartless*, *kopflos*, *herzlos*, *безголовый*, *безрукий*). То есть, здесь качество (или его отсутствие) формируется от функции (или ее отсутствия), связанной с частью тела (или ее отсутствием). Суффикс *-ful* присоединяется только к тем основам-соматизмам, которые могут обозначать «вместилище, контейнер»: *hand*, *arm*, *head*, *stomach*, *mouth*. Функциональная нагрузка той или иной части тела ограничивает области ее референции и семантику производных от ее названия слов и значений: существительные-соматизмы *foot*, *leg*, *hand*, *eye*, *tongue*, *tooth* гораздо более активны в роли обозначения инструмента действия, чем *brain*, *neck*, *face*, *skin*, *hair*. Производные от *brain* не представлены ни в одной из групп конкретных предметов, *brain* не является мотивирующим при формировании производных, обозначающих *животных* и *растения*.

9. Отсоматические производные, являясь результатом проекций прототипических знаний о функциях, свойствах, положении частей тела на другие фрагменты познаваемой действительности, отражают социокультурный генезис знаний человека. Для дериватов английского языка выявлена следующая последовательность направлений отсоматической номинации: *форма, положение, функция*, которые порождают дальнейшие отсоматические производные. Соматическая концептосфера является источником номинаций широкого спектра феноменов: в системе языка – топонимов, зоонимов, флоронимов; в системе отношений человека к миру: активную предметно-практическую деятельность, чувственное восприятие мира, мышление, характер, социальные роли и отношения, моральный статус, профессиональную и расовую принадлежность и т. п. Наряду с этим, отсоматические номинации отражают такие ментальные операции, как опредмечивание, процессуализацию (активфикацию), параметризацию (пространственно-временную).

10. Роль категории телесности в познании действительности позволяет обосновать статус формируемого этой категорией фрагмента ЯКМ как сферы-источника других фрагментов ЯКМ. Представляя собой устойчивые константы, знания о части тела получают новую актуализацию в языке под влиянием социокультурных условий, о чем свидетельствует появление как новых значений самих соматизмов, так и новых производных единиц. Такие производные относятся как к общеупотребительной, так и специальной лексике (термины и профессионализмы). Наиболее активно образование отсоматического словаря английских неологизмов происходит в сфере спортивной деятельности; в сфере медицины и естественных наук; в области технического дискурса; в сфере компьютерных технологий.

Глава 4

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОТСОМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

4.1. Когнитивное моделирование в словообразовании

Отличительной чертой современного языкознания является устойчивая тенденция к объединению бесспорных достижений структурно-семантического подхода, по определению лингвистики «внутренней», с результатами анализа языка с точки зрения когнитивного и функционально-прагматического направлений. Такой синтез дает возможность более глубокого изучения языковых явлений. При этом основным инструментом исследователя является метод моделирования, к которому ученый прибегает не только для объяснения смысла языковых явлений, установления закономерностей их связей и функционирования, но и для проецирования их дальнейшего возможного развития.

Начальный этап моделирования предполагает существование некоторых знаний об объекте исследования. В нашем случае эти знания представлены исходными словарными значениями соматизмов (см. 2.3). Далее вектор исследования направляется на словообразовательные форманты и семантические модели, по которым идет расширение исходных значений (см. 3.2, 3.3). Получается некая модель, состоящая из двух взаимосвязанных уровней – формально-структурного – (задаваемого произвольными описаниями значений слов), и семантического (на котором эти значения задаются внеязыковыми факторами, имеющими смысл для человека, использующего язык). Эти факторы можно рассматривать формально, чтобы просто учитывать различие смыслов одного и того же значения слова (например, как разные «пресуппозиции»). Однако такой подход лишь описывает или объясняет явление непонимания, но не предлагает путей его устранения. Поэтому приходится углубляться еще больше – на уровень практи-

ческой конкретики использования языка и специфицировать эти факторы как таковые.

По мнению Р. И. Павилениса и В. В. Петрова, «построение научной теории языка – это, прежде всего, задача моделирования информационных процессов, моделирования языка как средства хранения, передачи и построения информации, какова бы ни была природа его носителей» [Павиленис, 1987: 54]. Понятно, что проблема моделирования информационных потоков очень сложна и многогранна. Когнитивное моделирование только начинает развиваться в рамках разных наук. Изучаются познавательные (когнитивные) функции компьютерных технологий, строятся когнитивные схемы активности организма в процессах познания, идут работы по созданию искусственного интеллекта, моделирующего сознание, психику человека и животных и т. д. На данном этапе необходим не только конкретно-научный эмпирический материал (когнитивно-лингвистический, когнитивно-психологический, математическая лингвистика и др.), но и теоретические обобщения, новая методология.

Когнитивное моделирование в лингвистике уже достигло значительных успехов, о чем свидетельствуют результаты многих исследований: в прикладной лингвистике в попытках создания искусственных машинных языков и автоматизированного перевода [Марчук, 1985: 25]; в нейро-лингвистической психологии в работах Р. Дилтса, Р. Гриндера, Дж. Серля; в теории фреймовой семантики Ч. Филлмора, в теории ментальных пространств Ж. Фоконье, в теории метафоры и метонимии Дж. Лакоффа, в теории прототипов Э. Рош; в исследованиях представителей тамбовской научной школы «Когнитивная лингвистика. Взаимодействие мыслительных и языковых структур» (Н. Н. Болдырев, Л. В. Бабина, Н. А. Беседина, В. Б. Гольдберг, Л. А. Фурс и др.). Регулярно проводятся международные конференции серии «Когнитивное моделирование в лингвистике» [Поляков, 2004: 119-123].

Основной идеей, объединяющей исследования по когнитивной лингвистике на современном этапе ее развития, является мысль о том, что человеческие знания организуются при помощи неких ког-

230

нитивных моделей, а категориальные структуры и прототипы являются следствием такой организации наших знаний [Lakoff, 1990: 68]. Что же такое «когнитивные модели», в отличие от лингвистических: морфологических, грамматических, структурных, семантических? Если исходить из того, что три первых вида лингвистических моделей отражают знаковые формы языка, то последние, очевидно, смыслодержательные. Тогда под «когнитивными моделями» нужно понимать системы факторов, порождающие ситуативно значимые смыслы (смысловые системы) человеческой деятельности (прежде всего – намерения, – осуществленные, осуществляемые или предполагаемые), сведения о которых должны быть переданы другим людям в языковой (концептуальной) форме (обеспечивающей их краткость, точность и полноту) [Субботин, 2012]. Таким образом определяемые «когнитивные модели» и составляют онтологический базис когнитивной лингвистики.

Если теоретически допустить (Е. С. Кубрякова – «когнитивная модель», Г. И. Кустова – «прототипическая ситуация», С. Пинкер – «смысловой инвариант»), что идеальная ситуация общения включает некий полный набор факторов смыслообразования, то *непонимание* объясняется несовпадением смыслообразующих схем (фреймов) или когнитивных моделей ситуации общения контактерами (они могут не совпадать как по количеству этих факторов, так и по их составу). И тогда целью языкового общения становится приведение этих схем к тождеству, обеспечивающему понимание.

Е. С. Кубрякова утверждает, что «словообразовательные модели разного типа можно рассматривать как формулы регулярной свертки пропозициональной структуры», актуализируемой производными словами [Кубрякова, 2004: 412], т. е. – как символизмы. Ассоциативные повторяющиеся типы семантической связи между производящим соматизмом и производным словом представляют собой некоторый набор концептуальных трансформаций, источником которых является исходное значение. Таким образом, определенная концептуальная структура лежит в основе семантики производного слова и может трансформироваться в другую концептуальную структуру. Как отмечает Е. С. Кубрякова, именно способ-

ность производного слова «объективировать пропозициональные структуры и затем служить их простому угадыванию, способность служить такой единицей номинации, которая удобна для упаковки информации и использования ее в речевой деятельности, и характеризует ПС (производное слово – Л. А.) как особую когнитивно-дискурсивную структуру» [Кубрякова, 2004: 394].

Данный процесс «свертки пропозициональной структуры» может быть представлен рядом пропозиций. При этом происходит переход от ментального (образно-категориального) представления к языковому, что требует обращения к социальным и индивидуальным знаниям, представляющим базу пропозициональных потенций при словообразовательной категоризации. Следовательно, в процессе словообразования большое значение имеет символическо-пропозициональная модель представления знаний, имеющая в своем основании другие когнитивные модели [Лакофф, 1996: 172–181]. Мотивированное значение производной лексемы может быть выражено как пропозиционально структурируемое значение, в котором – на уровне смыслов – «свернута» вся специфика ментальных структур языковой личности и деривационных механизмов развития языка. Дж. Лакофф относил пропозициональные модели (структуры) к идеализированным когнитивным моделям (ИКМ), хотя в современной когнитивной лингвистике пропозиции трактуются как особый, отличный от ментальных моделей, вид концептуализации, который может быть вербализован, т. е. пропозиции сближаются с языковыми единицами, в частности, предложением [Johnson-Laird, 1983: 155–162].

Изучение путей и способов фиксации развития структур знания (деривационные структуры различной степени сложности, безусловно, относятся к таковым) убеждает нас в том, что словообразовательные типы, гнезда, парадигмы как модели собственно словообразовательной категоризации с жестко установленными для них границами в теории словообразования лежат в основе семантически и формально более сложных группировок родственных единиц, границы которых не являются столь строгими и жесткими, скорее размытыми, и, самое главное, они объединяют единицы

различной структуры. Анализ закономерностей взаимодействия подобных единиц смежных уровней, выявление когнитивно значимых оппозиций внутри данных категорий позволит лучше познать когнитивную сущность процессов деривации [Никитевич, 2001: 196].

Мы считаем вполне обоснованным мнение о том, что языковой код и, тем более, дискурсивный фрагмент не являются окончательной, застывшей формой вербализации когнитивных структур. Будет более точным говорить о стохастическом (или вероятностном) характере языковой репрезентации ментальных образований, которые и сами представляют собой стохастические структуры, активизирующиеся в дискурсе лишь с определенной степенью вероятности, определяемой как языковым, так и неязыковым контекстом [см. в этой связи: Никитин, 2004; Кравченко, 2006; Абросимова, 2009 и др. работы].

Знание в предлагаемом подходе можно представить «как набор правил, каждое из которых состоит из двух частей: из антецедента и консеквента, или условия и результата, или (как в порождающей грамматике) левой и правой частей» [Демьянков, 2004: 42]. Таким образом, деривационные механизмы представляют акты мыследеятельности, опредмечивая их в вербально-знаковой форме в виде двучленной структуры, компоненты которой объединены предикативными отношениями. Под таким углом зрения, как структура, так и семантика деривата могут быть представлены как пропозициональная функция, разложимая на тематический и рематический элементы [Skalička, 1970; см. также работы, в которых делается попытка применить теорию актуального членения к словообразованию [в частности Lieber, 2008: 30, 176–177, 183]. В пределах морфемной структуры слова корень можно рассматривать как тему, а аффикс – как рему. Сходные отношения можно, на наш взгляд, проследить и в пределах словообразовательно детерминированного значения лексемы, где типизирующее словообразовательное значение является темой, а индивидуальное словообразовательное значение – ремой.

С когнитивной точки зрения, как нам представляется, корневую морфему следует трактовать как макро-вербализатор концеп-

туальной информации, составляющей содержание того или иного фрагмента концептосферы языковой личности (ЯЛ) [см. Алимуратов, 2007]. Семантика корневой морфемы представляет собой своеобразный когнитивный фон [Langacker, 2000], уточняемый и структурируемый посредством деривационных аффиксов. Важно, что семантика аффиксов также репрезентирует определенный, но уже совершенно иной, компонент концептосферы языковой личности, поэтому корректным в данном случае будет говорить о предикативных, полупредикативных и т. п. отношениях, складывающихся между определенными элементами смысла, концептами и концептуальными областями [Алимуратов, 2007] и лишь затем эксплицирующихся языковыми средствами в дискурсе. Как убедительно продемонстрировали пионерские в этом отношении работы М. Тернера и Ж. Фоконье, способность к корреляции, взаимодействию и интеграции является основополагающим свойством ментальных пространств индивида, что, на наш взгляд, с очевидностью объясняет непреходящую актуальность и неизменную продуктивность словообразовательных процессов в системе любого европейского языка.

Концепты, лежащие в основе формирования семантики производного слова, соотносятся определенным образом на уровне их признаков (ПК), соотносимых с семантикой словообразовательного форманта, и ПК, соотносимых с семантикой производящей основы. В данном контексте видится оправданным обращение к понятию *сильной / слабой позиции ПК* [Полянчук, 2005: 45]. Речь идет о большей или меньшей степени семантической аттракции, определяющей способность того или иного ПК сочетаться с фрагментами других концептов, модифицируя при этом содержательное наполнение последних. Сила семантической аттракции прямо пропорциональна широте сочетаемости ПК (то есть, на вербальном уровне, продуктивности того или иного словообразовательного форманта), а также значимости того вклада, который вносит ПК в содержательное наполнение концепта – «приемника».

В соответствии с вышеизложенным, мы выдвигаем гипотезу о том, что:

- 1) правила сочетания концептов определяются сильной / слабой позицией соответствующих концептуальных признаков;
- 2) ПК, репрезентируемый семантикой словообразовательного форманта, всегда находится в сильной позиции;
- 3) механизмы сочетания ПК определяют деривационную модель, по которой строится производное слово, а также степень интегративности его семантики.

Проиллюстрируем сказанное при помощи рисунка (рис. 2).

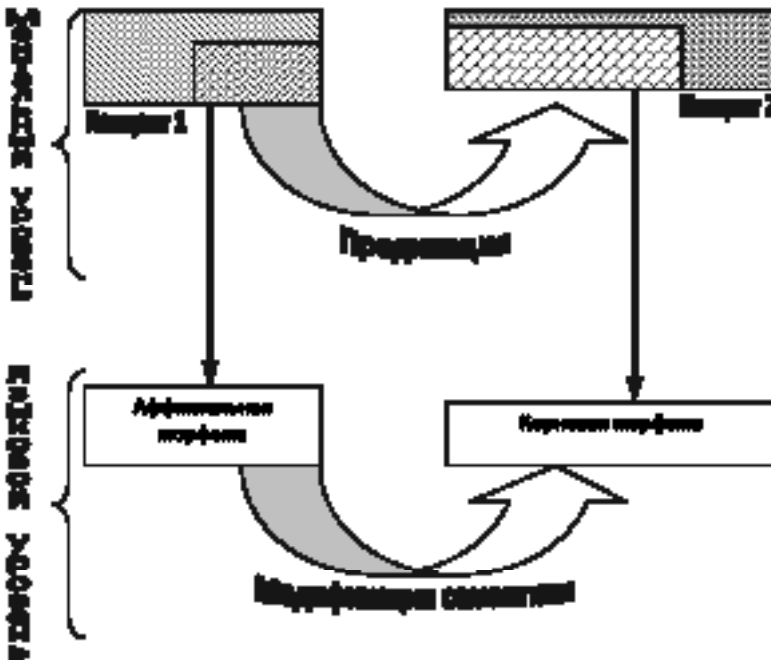

Рис. 2

Как известно, деривация понимается, прежде всего, как один из способов словообразования и – шире – как фактор динамики языковых единиц: «Деривация языковых единиц – это специфическая форма функционирования и развития каких-то исходных единиц..., предполагающее их модификацию. Всякая единица в языке есть носитель потенциала своего деривационного функци-

онирования, а в более общем виде – носитель потенциала своего саморазвития» [Голев, 1998: 65]. Деривационные механизмы типизированы в каждой конкретной языковой системе, что подтверждается тем, что именно словообразование являет собой базис для явления сверхгенерализации, столь характерного для речи детей [см. Ryder, 1999: 187]. В контексте нашего подхода невозможно согласиться с мыслью о том, что важнейшим условием формирования и регулярной реализации деривационного потенциала является лишь исключительно языковая система, в которой заложены модели деривационного функционирования единиц. Полагаем, что залогом деривационного функционирования языкового знака является, прежде всего, динамический, саморазвивающийся и – что немаловажно – саморегулирующийся характер ментальной сферы индивида, в рамках которой структуры знания, формирующиеся как результат определенных когнитивных процессов, претерпевают модификацию, приращение, дробление, реструктуризацию и другие изменения, фиксируемые в некоторой форме посредством языковых единиц.

Сказанное распространяется также и на такую область, как семантика, вследствие чего термин «деривация» используется для описания процесса семантической деривации, т. е. появления новых значений многозначного слова. Мы полагаем, что процессы словообразовательной и семантической деривации теснейшим образом взаимосвязаны, поскольку образование производных слов – комплексных знаков (КЗ) [Кубрякова, 2009; см. также Абрамян, 2004; Евсева, 2012], – исходно имеющих расчлененную словообразовательно-семантическую структуру, но в итоге маркированных целостным значением, немислимо без взаимодействия структурного и семантического аспектов деривации.

Следует отметить, что комплексные знаки адекватно рассматривать в *диалектическом аспекте*: с одной стороны, как результат словообразовательной деривации, с другой – как исходный этап для дальнейшей семантической деривации. Такой подход к КЗ требует неперемennого учета его словообразовательных характеристик. Очевидно, что лексическое значение производного слова всегда несет на

себе отпечаток словообразовательного значения, что и отличает такой КЗ от моносемичных и полисемичных непроизводных слов.

Предлагая нетрадиционный подход к систематизации и моделированию деривационных отношений, необходимо подчеркнуть, что новизна подхода к проблеме в значительной степени определяется методикой исследования. Вслед за Е. С. Кубряковой мы признаем, что семантика КЗ не сводится к сумме значений его составляющих, демонстрируя даже в определенных случаях заметную степень идиоматичности [Кубрякова, 2009; Абрамян, 2004]. По мнению исследователей, правильное прочтение производного слова и предсказание моделируемой в нем когнитивно-семантической структуры требует особенной стратегии распознавания, которая связана с подходом к словообразованию с позиций когнитивной и композиционной семантики, фиксирующих содержательное наполнение и специфику корреляции структур знания, стоящих за производными вербальными знаками [Кубрякова, 2009]. Очевидно, что наиболее продуктивным видится объединение такого подхода с ранее разработанными методами исследования: традиционным структурным анализом, направленным на идентификацию словообразовательной модели и выявление структуры КЗ, и ономастическим анализом, позволяющим уточнить степень выраженности словообразовательного значения КЗ.

Для иллюстрации наших гипотез мы ограничимся суффиксальными производными (именами существительными и прилагательными), включающими следующие словообразовательные форманты *-er*, *-ee*, *-ant* / *-ent* и *-ist*, маркированные наличием тесных семантических связей [Marchand, 1972: 17] и рассмотрим возможные варианты классификации дериватов, содержащих данные суффиксы. Обобщая целый ряд исследований, посвященных рассматриваемым КЗ [Marchand, 1972; Clark, 1997; Bauer, 2001; Позднякова, 1999], можно констатировать, что словам, образованным при помощи указанных формантов, приписывается множество семантических интерпретаций, которые можно представить в виде конечного набора категориальных элементов значения (сем), характеризующих целый ряд лексем.

С точки зрения производящих основ, анализируемые форманты сочетаются как с глагольными, так и с номинативными и (значительно реже) адъективными основами:

- er* – тип основы (V, реже N);
- ee* – тип основы (V, реже N);
- ist* – тип основы (N, реже Adj);
- ant* / -*ent* – тип основы (V).

Представляется возможным классифицировать корпус проанализированных дериватов (объемом более 2600 единиц) на основе общекатегориальных элементов как лексического, так и грамматического значений, выделенных при анализе их дефиниций по словарям MWOD, WinE, WO (результаты классификации представлены нами в таблицах 2–5).

Таблица 2

Формант *-er*

Общекатегориальная сема	Примеры дериватов
<i>Agent</i>	<i>adviser, driver, thinker, walker</i>
<i>Instrument</i>	<i>cutter, dryer, mower, opener, printer</i>
<i>Experiencer</i>	<i>hearer, listener</i>
<i>Stimulus</i>	<i>killer, pleaser, page-turner</i>
<i>Patient</i>	<i>fryer, keeper, looker, sinker, loaner</i>
<i>Measure</i>	<i>fiver</i>
<i>Location</i>	<i>diner</i>
<i>Denominal noun</i>	<i>Londoner, villager, carpetbagger, freighter</i>

Таблица 3

Формант *-ee*

(В данном случае необходимо отметить, что значительную долю выборки – более 70% – составляют единицы специализированной лексики)

Общекатегориальная сема	Примеры дериватов
<i>Patient</i>	<i>employee, nominee, deportee</i>
<i>Agent</i>	<i>escapee, attendee, standee, arrivee, devotee, resignee, recoveree</i>
<i>Object</i>	<i>addressee, alienee, dedicatee, offeree</i>
<i>Governed preposition</i>	<i>experimentee, laughsee, ejectee</i>
<i>Absence</i>	<i>amputee</i>
<i>Denominal person noun</i>	<i>biographee, mastectomee, asylee, aggresssee, inquisitee</i>

Таблица 4

Форманты *-ant / -ent*

Общекатегориальная сема	Примеры дериватов
<i>Agent</i>	<i>accountant, claimant, servant</i>
<i>Instrument</i>	<i>evacuant, adulterant, irritant</i>
<i>Experiencer</i>	<i>dependent, detestant, discernant</i>
<i>Patient</i>	<i>confidant, insurant, descendant</i>

Таблица 5

Формант *-ist*

Общекатегориальная сема	Примеры дериватов
<i>Denominal person noun</i>	<i>guitarist, Marxist</i>
<i>Deadjectival person noun</i>	<i>purist, fatalist</i>

Как свидетельствуют приведенные классификации, анализируемые дериваты демонстрируют достаточно разветвленную полисемию, но в то же время можно выделить целый ряд случаев, в которых общекатегориальные элементы значения, выделенные у разных дериватов, совпадают. Очевидно, к примеру, что посредством суффикса *-ee* наиболее частотно и, следовательно, продуктивно образуются существительные, выступающие в семантическом падеже пациенса (*nominee* – *лицо, выдвинутое на какой-либо пост*, в частности). Остальные же аффиксы из анализируемого множества используются для формирования существительных, характеризующихся агентивной семантикой, либо же репрезентирующих объекты, тесно связанные с субъектами действий и / или процессов (инструменты, стимулы и т. п.). Вместе с тем, значительное число дериватов на *-ee* маркировано агентивной семантикой (ср. семантику существительных *escapée* – *беглец* или *retiree* – *человек, ушедший в отставку*), а многие существительные на *-er, -ant / -ent* и *-ist* демонстрируют способность образовывать как лексемы, выступающие в глубинном падеже пациенса, так и в других, «объектно-ориентированных», пассивных семантических ролях (к примеру, *insurant* – *получатель страховки*). Таким образом, налицо вполне определенный семантический парадокс, который представляется

возможным разрешить лишь при условии признания того, что *рассматриваемые аффиксы объективируют сходные по содержанию когнитивные структуры*. Попытаемся проинтерпретировать рассматриваемые деривационные схемы в терминах репрезентируемых ими когнитивных структур.

Прежде всего, обратим внимание на тот факт, что исследуемые форманты используются для образования существительных от основ других частей речи, как уже отмечалось – главным образом, глагола. Здесь наблюдается трансформация грамматической семантики исходной основы: действие → предмет. На первый взгляд, это действительно так, ведь аффиксы *-ee*, *-er*, *-ant / -ent* и *-ist* образуют существительные, но так ли это, если применить к данный деривационным механизмам гипотезу концептуального блендинга? В семантике существительных на *-ee*, *-er*, *-ant / -ent* и *-ist* очевидно взаимодействие двух концептов высокой степени абстракции – концептов ДЕЙСТВИЕ и ОБЪЕКТ. Ввиду того, что обе концептуальные структуры обладают перечисленными выше признаками сильной позиции ПК, анализ показывает, что при их взаимодействии содержание одной концептуальной структуры не вытесняет полностью содержание концепта-«приемника». Данный факт подтверждается результатами дефиниционного анализа рассматриваемых дериватов-существительных, в семантике 94 % которых эксплицитно актуализирована та или иная *акциональная сема*. Следовательно, акциональная семантика далеко не полностью трансформируется в семантику предметности. Сравним:

- *employee* – a person who works for another in return for wages [OED];
- *escapee* – someone who has escaped [OED];
- *opener* – 1) a person or thing that opens something, 2) a device for opening tins or bottles [OED];
- *thriller* – an exciting story or film, especially one involving crime [OED];
- *claimant* – a person who makes a claim, especially in law [OED];
- *guitarist* – someone who plays a stringed musical instrument with his fingers or a plectrum [OED];

- *purist* – a stickler for enforcing correctness, especially in language [OED].

Результатом взаимодействия концептов ДЕЙСТВИЕ и ОБЪЕКТ становится комплексная концептуальная сущность, в которой превалирует концепт ОБЪЕКТ, но актуализировано и содержание концепта-источника ДЕЙСТВИЕ. Присутствие акциональной семантической составляющей в структуре результирующего концепта обуславливает одну важную особенность его строения. Поскольку любое действие, процесс или состояние подразумевает наличие как субъекта (облигаторно), так и объекта (факультативно), содержательное пространство результирующего концептуального образования представляется необходимым разделить на субъектную и объектную части, границы между которыми видятся *нежесткими*. Именно этим фактом, нежесткостью границ между областями результирующей концептуальной структуры, можно, на наш взгляд, объяснить невозможность классификации дериватов на *-ee*, *-er*, *-ant* / *-ent* и *-ist* по субъектно-объектному критерию. Субъектно-объектная оппозиция выражена в результирующем концепте нечетко, так как *она представляет собой след концепта-источника, находившегося в слабой позиции в момент блендинга*.

В сильной позиции в анализируемом случае находился концепт ОБЪЕКТ, специфика содержания которого предполагает членение референтных сущностей на абстрактные и конкретные, и это деление, как нам представляется, выражено в результирующем концепте достаточно четко для того, чтобы классифицировать отглагольные дериваты-существительные на абстрактные и конкретные. Рассматриваемые в данном разделе производные слова являются конкретными.

Таким образом, представляется возможным подытожить сказанное следующим образом:

- процессы структурной и, как следствие, семантической деривации в языковой сфере представляют собой отражение конвенциональных моделей взаимодействия структур концептосферы языковой личности;

- взаимодействие концептуальных структур осуществляется в виде блендинга, в ходе которого концептуальный фрагмент, находящийся в сильной позиции, ассимилирует фрагмент, находящийся в более слабой (в рамках конкретной корреляции) позиции;
- ПК, участвующие в блендинге, образуют результирующий концепт, который интегрирует оба ПК;
- результирующий концепт сочетает в себе содержательные характеристики исходных концептов, причем характеристики ПК, находившегося в слабой позиции, выражены в результирующем концепте нечетко и не могут служить основой для семантической классификации соответствующих дериватов;
- отдельные словообразовательные форманты могут актуализировать различные области результирующего концепта, что обуславливает семантические различия лексем-дериватов, в то время как содержательное единство результирующего концепта определяет возможность объединения лексем, образованных по разным словообразовательным моделям.

4.2. Метафоризация в когнитивном моделировании

Вполне логично, что человек, в своем стремлении к неограниченному познанию, стремится к универсализации, к расширению своего языка, с тем, чтобы с его помощью обозначать любые явления. Это и обуславливает динамическую природу языка. В принципе в мире нет ничего, что не могло бы быть выражено языком. Жизнь настолько быстра и нова, что язык должен быть очень подвижным, чтобы реагировать на изменения. Лакуны, появляющиеся в языковой картине мира, должны быть заложены «языковыми кирпичиками». Однако любой язык обладает ограниченным количеством средств выражения, поэтому постоянно идут поиски разнообразных путей обозначения новых смыслов. При этом, как свидетельствует эмпирический материал, язык расширяется в структурном плане: появляются новые словообразовательные модели и форманты. Также человек прибегает к наиболее продуктивному способу – словосложению, ведь комбинаций слов – бесконечное множество. Но и этого оказывается недостаточно. Тогда основным средством, помогающим выразить новый смысл, становится *метафора*, реализуемая новыми значениями как простых в плане деривации слов, так и сложных, и сложнопроизводных. Таким образом, мы можем говорить об этом явлении как о *базовой тенденции развития языка*. Движущей силой создания метафоры является стремление к пониманию: «Metaphor is thus motivated by a search for understanding» [Taylor, 1995: 132].

Развитие языковой культуры поставило перед лингвистикой новые проблемы, требующие и новых средств исследования и решения; фактически, завершился очередной цикл развития теории, и начинается новый. И должен он, по нашему мнению, начаться с

накопления нового первичного фактического материала (касающегося смысловых сущностей) и первичной его обработки, поскольку в основании как овладения языком, так и его использования лежит ментальная деятельность не формального словообразования (в морфо-грамматическом плане), а *смысло-словообразования* (в практически-коммуникативном плане), цель которого – обеспечить понимание между коммуникантами. Большим эвристическим потенциалом в этом плане обладает метафора, как механизм порождения, передачи и сохранения смысла.

Метафоричность мышления в целом отмечалась такими учеными, как Э. Кассирер, Ф. Ницше, А. Ричардс, Х. Ортега-и-Гассет, П. Рикер и др. Универсальность метафоры общепризнана, но ее семантическое моделирование далеко не завершено. Метафора до сих пор выступает как объект моделирования, а не как средство моделирования, т. е. как языковой оборот (форма сравнения), а не как средство семантического анализа, т. е. не с лингвистической, а с филологической позиции [см. Теория метафоры, 1990].

Такая точка зрения на метафору имеет древнюю историю. Так, Цицерон резко отрицательно отзывался о метафорических суждениях ораторов и адвокатов, как лишние, запутывающих логику рассуждения и затрудняющих выявление истины и принятие решений (такое же мнение потом высказывал Дж. Локк). А Аристотель, наоборот, видел в метафоре важное положительное качество – объяснительное средство общения, хотя в других случаях, как он писал, она выступает как загадка [Аристотель и античная литература, 1978: 174]. Именно последнее обстоятельство всегда делало метафору привлекательным и, в то же самое время, труднообъяснимым явлением для языковедов, и, как водится в классической науке, до сих пор не исследованы причины этой необъяснимости. Интересные догадки о смысле метафоры можно найти у психологов и философов (С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, Л. Витгенштейн, Д. Давидсон, Дж. Серль): о том, что метафору нужно исследовать не как просто языковую структуру, а как некое, выражаемое в языке, ментальное действие. В последнее время эти догадки все чаще привлекают внимание и лингвистов. По мнению Дж. Серля, основ-

ная проблема метафорического переноса «сводится к нахождению сходств и различий между значением, которое подразумевается автором метафорического переноса, и прямым значением используемой им фразы, а теория метафорического переноса сводится к выведению ряда принципов, согласно которым адресат речи, имея в распоряжении прямое значение фразы, способен восстановить ее метафорический смысл» [см. Глазунова, 2000: 92].

В работах Н. Д. Арутюновой метафора рассматривается как способ создания лексики «невидимых миров», отображающей духовное начало, внутреннюю жизнь человека. Так, например, при использовании понятий, обозначающих природные явления (воду, огонь, ветер) для выражения эмоций, по ее мнению, «возникает некий сводный образ чувства, выявляемый в наборе противоречащих друг другу с точки зрения логики предметного мира предикатов», «создается подчиненный особой логике мир души» [Арутюнова, 1998: 397]. В. Н. Телия уже говорит о коннотации как способе «прагматического воздействия на адресата, а признак, лежащий в основе метафорических переносов, служит для выражения эмотивно-оценочного и стилистически-маркированного отношения субъекта речи к действительности» [цит. по Глазунова, 2000: 103], и далее снова Н. Д. Арутюнова говорит уже о «коммуникативно-прагматическом успехе» [там же], как результате применения метафоры, т. е. гораздо ближе к деятельностному контексту. То есть, фактически речь идет об идентификации неких образов, имеющих как сходства, так и различия, в соответствии с некими образно-нормативными структурами (например, фреймами); как пишет В. Н. Телия, «имеет место формирование нового концептуального содержания на базе уже существующей языковой единицы» [Телия, 1981: 120]. Г. Н. Складневская говорит уже о *регулярных* смысловых преобразованиях в процессе метафоризации, выделяя переносы по следующим схемам: ПРЕДМЕТ → ПРЕДМЕТ (водопад слез); ПРЕДМЕТ → ЧЕЛОВЕК (кремень); ПРЕДМЕТ → ФИЗИЧЕСКИЙ МИР (стена огня); ПРЕДМЕТ → ПСИХИЧЕСКИЙ МИР (бездна горя); ПРЕДМЕТ → АБСТРАКЦИЯ (бездна забот); ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК (индюк); ЧЕЛОВЕК → ЧЕЛОВЕК (актриса); ФИЗИЧЕСКИЙ МИР → ПСИ-

ХИЧЕСКИЙ МИР (весна любви) [Скляревская: 1993, 80–95]. В данной монографии подобные регулярные метафорические переносы в рамках отсоматического лексикона мы представили в 3.3 в виде ряда антропоморфных полей: *часть тела* → *человек*; *часть тела* → *предмет*; *часть тела* → *абстрактная категория (качество, состояние, идея, природное явление)*; *часть тела* → *действие, процесс*; *часть тела* → *параметрический концепт*; *часть тела* → *место*; *часть тела* → *животное*; *часть тела* → *растение*; *часть тела* → *сообщество, группа*; *часть тела* → *часть тела, организма*.

Языковой феномен метафоры традиционно являлся предметом изучения лексикологии. Отечественные дериватологи, отмечая метафорическую мотивацию производных единиц, говорят о *словообразовательной метафоре* [Лопатин, 1975; Козинец, 2007], которую можно представить как «особую лексико-словообразовательную подсистему и вместе с тем как разновидность лексической метафоры, поскольку она обладает ее основными системными и функциональными свойствами» [Козинец, 2011: аннотация].

Словообразовательная метафора действительно характеризуется такими же системными свойствами, как и лексическая метафора, а именно, двуплановостью или даже многоплановостью, так как ее семантика строится на сравнении двух и(ли) более явлений реальности (например, английский неологизм *body-clock* основывается на понимании физического понятия «тело» и его реакции на время, действующей как внутренние «часы»). Далее, словообразовательная метафора реализовывает те же функции, что и метафора лексическая: номинативную, образную, экспрессивную:

body-snatcher (OxDNW) – (Business World): *snatch* – грабить, хватать, т. е. *body-snatcher* – похититель тел, но в новом значении используется как хедхантер.

brainbox, n – дословно «ящик с мозгами», применяется для обозначения «умного человека»;

breadhead, n. (slang): *bread* – хлеб, *head* – человек; «хлебный человек» используется для обозначения жадного человека;

footsie – кокетничать, заигрывать. Буквально означает касаться под столом ноги или ступни (*foot*) соседки своей ногой или ступней

так, чтобы не видели другие. Последующая реакция покажет, приемлемо или нет такое нахальство.

Кроме вышеуказанных сходств лексической и словообразовательной метафор, словообразовательная метафора (также, как и лексическая) иногда образуется с нарушениями, в данном случае, семантической сочетаемости морфем [см. подробнее Козинец, 2007] – *footsie, braino, footsy-wootsy, hand-me-down*.

Все эти замечания и выводы требуют нового взгляда на выразительные возможности языка, которые и раскрывает анализ метафоры. Если ранее метафора рассматривалась исключительно как фигура речи, то в рамках когнитивной парадигмы метафорический перенос смысла относится к уровню мышления и деятельности, а не исключительно языковой практики.

Всплеск интереса к когнитивному подходу в исследовании метафор был инициирован пониманием того, что метафора имеет как онтологические (ментальные), так и эпистемологические (познавательные) основания. В отечественной лингвистике сформировались два основных направления в исследовании концептуальных метафор – дескрипторная теория метафор [Баранов, 1991; Баранов, Караулов, 1991] и теория метафорического моделирования [Будаев, Чудинов, 2006].

Когнитивная парадигма позволяет рассматривать метафору как средство концептуализации все более незнакомых и абстрактных понятий посредством обращения к опыту знакомому и конкретно-му. Следовательно, в данном случае мы не можем ограничивать метафору только сферой языка, метафора здесь – феномен более широкий, основанный на когнитивной функции мышления – мыслить метафорически. Концептуальная метафора представляет собой базовую ментальную модель, основанную «на аналогии и позволяющая осмысливать объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях), получающая выражение в языке, дискурсе, тексте в виде целостной системы метафорических выражений» [Мишанкина, 2009: 43].

При таком подходе метафора является унифицирующей основой, которая соединяет сенсорный и эмпирический опыт с концеп-

туальными репрезентациями [Lakoff, 1991]. Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона основана на наличии и «взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain)» [Лакофф, Джонсон, 2004: 9]. Исследование метафорических преобразований в рамках данных структур позволяет вскрыть внутренние механизмы организации единиц в составе базовых концептуальных метафор. Часто элементы структуры источника в той или иной степени воспроизводятся в структуре цели. Данное положение получило название «гипотезы инвариантности» [Lakoff, 1990: 54], а процесс «высвечивания» отдельных свойств источника в области цели, проявляющееся на уровне предложения и текста в виде метафорических следствий, называется «профилированием» [Лакофф, Джонсон, 2004: 9].

Дж. Лакофф справедливо считает, что лингвистика должна анализировать не формальные структуры языка, выделяемые теорией, а те его структуры, которые используются непосредственно в практической деятельности человека. При этом обнаруживаются интересные вещи: оказывается, в практически используемом языке огромное значение имеют не только те его формы, которые обеспечивают, например, идентификацию предметов или однозначные структурные преобразования, которые имеют основополагающее значение в естественных науках, но и обеспечивающие ориентацию в пространстве, отношение к событиям, смыслам и смысловым основаниям, действиям и т. д. [Лакофф, Джонсон, 2004: Гл. 12–13]. Идея Дж. Лакоффа заключается в том, что работа всех этих форм возможна только за счет метафорической модели смыслообразования.

По нашему мнению, этот вывод имеет решающее значение для уяснения того, в каком контексте следует разрабатывать теорию метафоры как таковую. Речь идет о базовых культурно-языковых архетипах, лежащих в основании некоей языковой культуры, в ее историко-генетическом аспекте, и воспроизводящих ее, через механизмы метафоры, в каждом новом поколении. Все слова в любом языке были когда-то и кем-то придуманы, введены в сферу общения и вошли в состав языка, потому что оказались универсально

понятными, и это – не потому, что использующие их люди читали одни и те же словари, а потому, что в ходе своей общей деятельности они могли с легкостью, часто по одному слову, восстановить в своем сознании образ (части) ситуации, в которой они совместно действовали, и в которой требовалось согласовывать их действия ради общей цели. Для обеспечения этой согласованности в любой ситуации один человек должен понять про другого: его цели и намерения; его видение ситуации (ее содержание в его составе и полноте) и перспектив ее развития; его представления о средствах деятельности в этой ситуации; его прогнозы о препятствиях, могущих возникнуть в ходе деятельности и т. д., а также – все предметные, технологические и организационные особенности перечисленных моментов. Понятно, что подробное описание всего этого в диалоге непрактично; именно поэтому сознание одного человека способно, по частичному описанию ситуации другим (даже по одному его слову), восстанавливать ее образ в нужной ему полноте, даже если он не видит эту ситуацию непосредственно. Важно отметить, что содержание этого образа и его ценностная структура (выделение наиболее важного) определяется когнитивной установкой (взаимо) действующих субъектов: именно они вкладывают в него смысл. Поэтому этот образ ситуации можно называть «смыслообразом», а функцию его порождения – прагматической, т. е. оперирующей не произвольными, а практически значимыми, целесообразными образами ситуации и ее элементов, – основой экспериенциального подхода в лингвистике.

Устойчивая, т. е. повторяющаяся, воспроизводящаяся, система когнитивных установок может быть названа когнитивной моделью ситуации, а ее прагматическая функция реализуется при переносе системного качества (т. е. совокупности признаков элементов не самих по себе, взятых произвольно, а в рамках объединяющих их системных отношений, от которых и зависит отбор описывающих их признаков). Понятно, что простой перенос признаков одного предмета на другой есть не их отождествление, а указание именем одного на другой – референция. Если второй предмет важен сам по себе, то это указание должно включать лексическое отличие от

имени первого, при сохранении основы. Именно эту работу осуществляют все словообразовательные средства. Именно они являются структурными инструментами регулярных словообразований, используемых в повседневной практике, для описания обычных практических ситуаций.

Дело усложняется, когда надо как-то обозначить предмет или явление, не имеющие самостоятельного наименования. Если язык используется в некоей замкнутой (профессиональной) сфере деятельности, то может использоваться одно и то же слово для обозначения смыслов разных, обозначаемых им, предметов или явлений: функция референции отводится всем содержательным моментам конкретной ситуации. Но в более широкой сфере общения (когда, скажем, эти ситуации пересеклись) это может привести к непониманию.

Для недопущения этого когнитивная установка может работать в режиме экстраполяции, т. е. описывая новый предмет по аналогии с известным и похожим на него в каком-то из вышеописанных моментов деятельности, т. е. метафорически. В этом случае обычная грамматика не помогает, и приходится вводить новое, составное слово, в котором, обычно, первая часть означает известный предмет, а вторая – указывает на неизвестный (простейшая форма этого – блендинг).

Можно допустить, что в качестве лексической основы словообразования может выступить любое слово, но если исходить из интересов практики, которую обслуживает язык, для облегчения (взаимо)понимания языковые обороты должны быть легко и быстро понимаемыми (незнакомые и искусственные слова непонятны), а когда речь идет о новых предметах и явлениях, то их легкое и быстрое понимание возможно, когда задается схема частичной реконструкции исходного смыслообраза путем введения в него новых признаков, как бы переносящих его в другую ситуацию, имеющую частичное сходство с изначальной. Тем самым, на новый предмет частично переносятся знания исходного.

В построении метафорических когнитивных моделей, реализуемых производными словами, возможно применение теории концеп-

туальной интеграции (conceptual integration) или концептуального блендинга (conceptual blending). Данная теория, выдвинутая Жилем Фоконье и Марком Тернером в конце XX века, стала отправной точкой в когнитивных теориях метафоры, грамматикализации, аналогии и др. Концептуальная интеграция построена на пересечении и объединении различных ментальных пространств (Input Space I, Input Space II) в новой концептуальной структуре, представленной общим пространством (Generic Space) и интегрированным пространством или блендингом (blending) [Faconnier, 1997: 168]. Применительно к словосложению два или более концепта объединяются, и место их пересечения представляет новый концепт, объективируемый новой языковой единицей – производным словом или новым значением (см. хорошо известные бленды Ж. Фоконье и М. Тернера: *land-yacht*, *McJobs* (*McDonalds* + *jobs*) и др.

Однако, как справедливо отмечает Э. В. Будаев, исследователи блендинга анализируют единичные примеры, корпусные исследования с точки зрения концептуального блендинга не проводятся, что связано, на взгляд ученого, с большой практической сложностью такого описания концептуальных интеграционных сетей (уникальных для каждого конкретного случая), отсутствием соответствующих методик, специфичностью индивидуальной интерпретации и уникальностью коммуникативного контекста [Будаев, 2009].

В когнитивных исследованиях метафора позволяет отследить и описать следующие аспекты ментальной деятельности: объем человеческого понимания в процессах коммуникации; особенности эмоциональных реакций собеседников; случаи непонимания, возникающие, когда в некоторые обороты речи вкладывается иной или дополнительный смысл (намек); смысловые девиации (отклонения), осуществляющиеся с помощью новых метафорических структур. З. И. Резанова считает, что интегральными признаками языковой метафоры являются: «а) выраженность языковыми средствами; б) сдвоенность смысла на основе аналогического (а иногда и на других основаниях) уподобления предметов, признаков, процессов с выходом за пределы естественных родов в логических классификациях» [Резанова, 2003: 26]. Здесь следует отметить, что

смысловые переносы, отклонения, преобразования, дополнения и пр. (фиксируемые в новых концептах и закрепляемые в лексике) лежат в основании словообразования вообще, поэтому исследования метафоры следует вести в направлении прояснения метафорических смысловых преобразований. Это дает основания для переоценки соотношения ассоциативного и понятийного типов мышления: похоже, заканчивается эпоха, когда единственно адекватным, рациональным считался только понятийный тип, тогда как ассоциативный – малопродуктивным и даже ошибочным.

Сегодня внимание к потенциалу метафоры в исследовании мыслительных возможностей человека становится все более пристальным. Именно в этом направлении работал Джордж Лакофф, и его ученик Стивен Пинкер положил эту мысль в основание собственной концепции: «Человеческий разум с его способностью придумывать неограниченное число абстрактных мыслей родился из основной схемы, существовавшей для решения задач физического и социального мира, расширенной возможностью распространять эти схемы на новые зоны с помощью метафорической абстракции. И, поскольку люди думают метафорами, ключом к пониманию человеческой мысли является деконструкция этих метафор» [Пинкер, 2013: 294]. В обыденной языковой практике использование метафор осуществляется автоматически, и их понимание/непонимание (как и способность/неспособность ответить тем же) является одним из критериев ума реципиента: все признают, что именно метафорическое мышление является собственно творческим – тропопорождающим [Пинкер, 2013: 297].

Важный шаг к раскрытию механизма метафоры был сделан в рамках коннотативной концепции метафоры (от лат. «*konnotatio*» – добавление значения), в которой представление о знаково-образном (опирающемся на ассоциативные связи) эмоциональном феномене, возникающем, например, у зрителя театрального спектакля, было распространено на понятие значения в целом: «Коннотат – закрепленный в образе устойчивый квалификационный признак или совокупность признаков, которые предназначены для сравнительной субъективно-оценочной, эмоциональной или стилистической ха-

рактеристики предмета (явления) через другой предмет (явление) на основе сложившихся в языке ассоциативно-предметных связей» [Глазунова, 2000: 50-51]. В основе коннотации, как считается, лежит отношение (действие) сравнения, результатом чего могло выявиться – полное сходство сравниваемых предметов (сигнификация); неполное сходство (коннотация) и полное различие, находящееся за пределами номинации: «В ходе осмысления предметов реальной действительности, в сознании носителей языка наряду с сигнификативным понятием, отражающим их сущностные характеристики, присутствует коннотативное содержание, обуславливающее ассоциативное соотнесение предмета с закрепленным за ним предикативным (ассоциация по смежности) или квалифицирующим (ассоциация по сходству) признаком» [там же]. Именно коннотативное (образное) содержание всегда составляло и составляет основной фонд предметного мышления человека, с эпохи господства магии и мифологии, которые только недавно были слегка потеснены научным, строго сигнификативным (понятийным), мышлением.

В данной концепции метафора и есть механизм коннотативно-го мышления: «Коннотативный образ представляет собой инструмент, с помощью которого на вербальном уровне идет постоянное развитие и пополнение признаковых значений. Он ориентирован на выражение качества или количества, и, следовательно, более субъективен по своей природе, так как процесс его создания опирается на категорию оценки» [Глазунова, 2000: 62]. Из этого вытекает антропоцентрическая природа метафоры: с ее помощью и в соответствии со своими интересами человек создает коннотаты – значения, которые, пройдя социально-психологический и прагматический отбор, приобретают статус универсальных идентификаторов, выражающих все, что существует в мире и дано человеку (прообраз картины мира).

Главное отличие механизма метафоры от механизма простого сравнения в том, что метафора – *это структурное* сравнение концептов или сравнение структур концептов; как пишет С. Пинкер, «Метафора позволяет мозгу использовать несколько основополагающих идей – вещества, места, силы, цели – для понимания

более абстрактных областей. Комбинаторика же дает возможность использовать некий ограниченный набор простых идей для производства бесчисленного количества идей сложных» [Пинкер, 2013: 299]. Этих соображений достаточно, чтобы, в общем, оценить роль метафоры в языковой культуре как всеобщего и универсального механизма словообразования.

Чтобы понять деятельностное содержание метафоры и ее культурный смысл, надо представить, как, собственно, она работает: какие задачи она решает в рамках человеческой деятельности. Вот как это описывает С. Пинкер, исходя из того, что единственной функцией языка является передача сведений от человека к человеку: когда нужно *срочно* передать сообщение о новом важном (опасном или полезном) явлении, нет никакой нужды описывать его через совокупность свойств (как это делается в словарях); требуется передать только, в чем и в какой степени данное явление опасно или полезно, и люди обращаются к метафоре, т. е. к указанию на хорошо известный объект, образ которого является, в данном случае, индикатором для характеристики нового объекта. В дальнейшем индикатор или приживается в языке, или нет; как пишет С. Пинкер: «Этот метафорический намек позволял слушателям освоить значение термина быстрее, чем в случае, если бы им приходилось полагаться исключительно на контекст, что давало этому слову преимущество в дарвиновском соревновании между неологизмами... Это слово распространялось и становилось эндемическим в соответствующей общине, пополняя ресурс существующих в том языке метафор» [Пинкер, 2013: 293]. Это еще раз доказывает то, что новые слова никогда не возникают на пустом месте; они всегда порождаются внутри языка и его средствами, и это порождение всегда обусловлено практико-деятельностными потребностями человека.

4.3. Проблемы и противоречия когнитивного моделирования в словообразовании

Несмотря на очевидную актуальность когнитивной парадигмы в лингвистике, ее формирование, как уже было показано, сопряжено с рядом трудностей и противоречий. Становление когнитивной лингвистики в конце прошлого века было названо временем «мятежа и переворотов» [Паршин, 1996: 30-31]. Поскольку классическая лингвистика исчерпала свои возможности – идея единой теории языка была признана несостоятельной – на первый план вышли проблемы понимания – при овладении языком; при обучении языку; при переводе с одного языка на другой. Ранее эти проблемы считались решаемыми автоматически, в рамках предполагаемой единой теории языка, настолько, что были попытки создания программ кибернетического перевода (и даже искусственного интеллекта); однако, эти попытки все время постигали неудачи. В конце концов, было признано, что в этом случае неадекватным является сам предмет работы: пытались создавать модели перевода с языка на язык *предложений* (имеющих грамматическую структуру и состоящих из слов, имеющих морфологическую структуру), а надо переводить *смыслы*, само содержание которых определяется другими, внелингвистическими факторами. Это означало переход, образно говоря, от «'что?'-лингвистики» и «'как?'-лингвистики» к «'почему?'-лингвистике», и далее – к «'зачем?'-лингвистике» [см. Кибрик, 1995], учитывающей намерения человека, использующего язык, т. е. к когнитивной лингвистике.

Первым делом, был выявлен принцип относительности смыслов, что означало в некотором роде непродуктивность методоло-

гии классической лингвистики; этот факт отмечает Ю. В. Фоменко [Фоменко, 2001: 18], но делает это в форме упрека лингвистам в забвении методологических правил исследования. Но этот упрек несостоятелен: развитие языковой культуры поставило перед лингвистикой новые проблемы, требующие и новых средств исследования и решения; фактически, завершился очередной цикл развития теории, и начинается новый. И должен он, по нашему мнению, начаться с накопления нового первичного фактического материала (касающегося смысловых сущностей) и первичной его обработки, поскольку в основании как овладения языком, так и его использования лежит ментальная деятельность не формального словообразования (в морфо-грамматическом плане), а смысло-образования (в практически-коммуникативном плане), цель которого – обеспечить понимание между коммуникантами. Важно видеть, что второй план надстраивается над первым, опирается на него, а не исключает его. Между тем, это – естественный процесс выработки новой лингвистической концепции словообразования, под которой теперь понимается не составление слов по правилам морфологии и грамматики (ведь говорящий на языке человек занимается совсем не этим), а вопрос о соответствии того или иного, используемого в рече-языковой практике, слова и практической ситуации его использования (включающей совокупность фактических обстоятельств дела и субъективных – деятельностных и поведенческих – установок-намерений носителя языка).

Е. С. Кубрякова отмечает, что когнитивная парадигма поставлена перед необходимостью «пробивать» себе дорогу «не без сопротивления», вынуждена переживать «критические нападки» со стороны представителей более традиционных подходов [Кубрякова, 2001: 4]. Современное языкознание характеризуется тенденцией к объединению солидных достижений структурно-семантического подхода, по определению лингвистики «внутренней», с результатами анализа языка в рамках когнитивного и функционально-прагматического направлений. Такое взаимодействие позволит продвинуться в преодолении «противостояния» между системно-структурной и когнитивной парадигмами и в установлении между

ними режима «мира и сотрудничества». Антагонистический характер взаимоотношений между традиционным и когнитивным направлением в изучении лингвистики прослеживается в ряде высказываний ученых [см. в этой связи Демьянков, 1994]. Естественно, что такая полемика вполне закономерна для этапа становления новой парадигмы, который может продлиться многие годы, и является свидетельством большого интереса к новому знанию и возможностям его описания.

В. Б. Касевич утверждает, что когнитивный анализ обогащает анализ эмпирического материала, однако его результаты и методы «никак не создают ни нового объекта (точнее, предмета) исследования, ни даже нового метода» и что поэтому «правомерно полагать, что когнитивной лингвистики не существует (подчеркнуто В. К.) – уже потому, что не существует некогнитивной (психо)лингвистики» [Касевич, 1998: 20]. В современных работах достаточно распространенным является понимание когнитивной лингвистики как исключительно базирующейся на возможности «упаковать» мыслительные структуры в некие искусственно-заданные модели, лишенные какой бы то ни было связи с культурно-историческим опытом. По мнению А. Гросса, лингвисты последних пяти десятилетий заблуждаются в своих утверждениях о том, что язык имеет однородную, общую, универсальную природу, в то время как на самом деле язык культуроспецифичен, и его необходимо описывать как *sui generis* обладающий многими гранями и коренящийся в специфических обстоятельствах и ограниченных контекстах [Гросс, 2009: 287]. Еще более сомнительным тезисом последнего времени является, по мнению ученого, положение о том, что «человеческая когниция носит общий характер, она едина, относительно неизменна от индивида к индивиду...» [там же]. По мнению Т. В. Милевской, дискурсивная деятельность «не может быть сведена лишь к когнитивному моделированию, это прежде всего адекватный условиям общения выбор, отражающий формы и методы освоения действительности данным языковым сообществом» [Милевская, 2007: 193].

По нашему мнению, ориентация на уникальность человеческой когниции, специфику обстоятельств и определенный контекст но-

сит ярко выраженный практический характер, построенный на эмпирических данных. И. Кант предвосхитил идею методологической относительности: любая абсолютизация метода, вытекающая из традиционно одностороннего взгляда на предмет, ведет к противоречиям и бессмыслице¹. Если абсолютная точность вычислений все равно недостижима, то значимым становится тот интерес разума, который удовлетворяется неточным, приблизительным вычислением, – т. е. *практический*; и Кант прямо писал, что «всякий интерес в конце концов есть практический...» [Кант, 1965: 454]. О важности эмпирического (практико-ориентированного) обоснования теоретических постулатов в когнитивной лингвистике говорит Е. И. Ривелис: «Фундаментальный постулат когнитивной лингвистики о символической природе единиц языка, как и любое другое онтологическое обязательство, нельзя «обосновать» каким-либо формальным доказательством. Но он может получить сильную эмпирическую поддержку путем развертывания на широком лексическом и лексико-грамматическом материале. Иными словами, тезис о том, что любая единица языка символизирует модель специфического когнитивного отношения к миру, концепт, и что концептуальное содержание языковой единицы мотивирует ее грамматическое поведение и комбинаторные свойства, должен быть продемонстрирован путем исчерпывающего описания материала, максимально разнообразного как с точки зрения традиционных лексикологических таксономий, так и с функциональной» [Ривелис, 2009: 336].

Такое всеобъемлющее описание эмпирического материала подразумевает обращение к данным, полученным в различных областях науки. Следовательно, когнитивная лингвистика в своем развитии «обречена» идти на союз с когнитивной культурологией, психологией, антропологией и другими науками. Исходя из этого, исследование словообразовательных процессов и производных единиц в таком ракурсе предполагает синтез ономаσιологического,

---

¹ Практически, абсолютизация метода проявляется, когда некий метод, выработанный в некоей ограниченной познавательной ситуации, распространяется за ее пределы: это рано или поздно порождает противоречия и парадоксы.

функционально-семантического и социокультурного анализа (описания) таковых, что позволит определить наиболее существенные для человеческой жизнедеятельности смыслы, воплощенные в производных словах (в частности, соматизмах и их производных) и словообразовательных процессах.

Чтобы описать переход от ментального представления к языковому, требуется процедура обращения к ментальным социально-культурным и индивидуальным знаниям, представляющим базу пропозициональных потенций в словообразовании. При создании номинативной единицы словообразовательное значение выступает в качестве опосредующей составляющей при движении от цели к результату, то есть от мотивирующей единицы к производному. Когнитивная природа словообразования заключается в языковой реализации замены основного логического предиката на другой, что в целом означает появление названия нового предмета действительности. Различные стороны экстралингвистической реальности не существуют изолированно, а скорее напротив, они могут быть осознаны, а, следовательно, и отражены в языке, только в их взаимодействии. Таким образом, словообразование представляет собой языковую реализацию процесса концептуальной субкатегоризации окружающей действительности. Так, например, часть тела *hand* (рука), является материальным предметом. В ходе субкатегоризации действительности, выраженной в языке конверсией, *hand* обозначает процесс (*to hand*) или признак (*hand, adj.*). Другие способы словообразования отражают субкатегоризацию, осложненную концептуальным сращением (блендом): предметное содержание *hand* трансформируется в признаковое (*handful, handless, handy, behindhand, etc.*) или другое предметное содержание (*hander, hand-axe, hand-waving, etc.*).

Когнитивные модели, выявленные в ходе изучения отсоматических производных, образованных в рамках семантической проекции **часть тела** → **параметрический концепт**, отражают знания, в том числе, и о пространственных категориях – длине, ширине, размере, объеме и форме. Данный процесс может быть представлен рядом пропозиций:

(1) **QUANTITY (VOLUME) – BE CONTAINER – OBJsoma** (соответствует только суффиксальным производным с суффиксом – *ful*: *handful*, *headful*, etc.):

handful – 1) а) пригоршня; горсть б) горстка, небольшое количество

*The spectacle was often repeated with great applause, till on one occasion a courtier, bent on mischief, took from his pocket a **handful** of nuts and threw them upon the stage (Aesop. Fables).*

headful – 1) количество того, что может покрыть голову 2) большое количество (знаний или информации)

*“All that remains for any of us, is a **headful** of brilliant frozen moments, already dangerously distorted by the wisdoms of maturity” (Olander J. A Childhood Perceived).*

mouthful – 1) а) полный рот (чего-л.) б) кусок; глоток; небольшое количество (еды)

Politely Aunt Louise took a mouthful and inclined her head in thanks (BNC)

(2) **DISTANCE – USE AS MEASUREMENT INSTRUMENT – OBJsoma** (*earshot*);

*He walks the poop darting gloomy glances, as though he wished to poison the sea, and snaps your head off savagely whenever you happen to blunder within **earshot** (Conrad J. The Mirror of the Sea).*

(3) **LENGTH – USE AS MEASUREMENT INSTRUMENT – OBJsoma** (*footage*, *kneehigh*);

*Whether or no, the mender of roads ran, on the sultry morning, as if for his life, down the hill, **knee-high** in dust, and never stopped till he got to the fountain (Dickens Ch. A Tale Of Two Cities).*

(4) **WIDTH – USE AS MEASUREMENT INSTRUMENT – OBJsoma** (*handbreadth*):

*They were eloquent in their distress; but they presently discovered that the fire had eaten so far up under the great log it had been built against (where it curved upward and separated itself from the ground), that a **handbreadth** or so of it had escaped wetting... (Twain M. Tom Sawyer).*

Эти пропозициональные модели являются характерными для словообразовательных моделей: **N1 + -ful** → **N2** (*armful*, *handful*, 260

headful, mouthful, fingerful, etc.), **N1 + -age** → **N2** (*footage*), **N1 + N2** → **N3** (*armload, earshot, fingerbreadth, handbreadth*), **N1 + Adj** → **N2** (*foot-long*), **N2 + N1** → **N3** (*acre-foot*); **N1 + Adj** → **Adj** (*knee-high*).

Выявлены атомарные (восстановленные) предикаты: *be contained, use as measurement instrument*. Ономасиологическими признаками, актуализируемыми производными в проекции *часть тела* → *параметрический концепт* выступают концептуальные категории *цель, инструмент, пространство, мера* (см. более подробно 4.4.).

Как уже было сказано выше, отношения между производящим и производным словами, осложненных метафорическими и метонимическими связями, гораздо более сложные, и построение формально-унифицированных моделей связано со значительными трудностями. Как отмечает Дж. Лакофф, до сих пор когнитивная теория метафоры не вскрывает сути процесса взаимодействия когнитивной области источника (*source domain*) и цели (*target domain*), так как во-первых, еще не представлен общепринятый метаязык описания знаний с целью объяснения функционирования языка, во-вторых, не выработан инвентарь формальных процессов преобразования знания, и в-третьих, что представляется нам самой важной причиной, не выработаны механизмы представления семантической информации в элементах структуры фрейма [Лакофф, Джонсон, 2004: 9–10].

Сложные слова могут образовываться от различных по своей структуре и семантике типов основ. Следует отметить, что в моделях происходит противопоставление плана выражения плану содержания, выраженное взаимодействием формальной (структурной) и содержательной (номинативной) сторон языкового знака. Однако, единичные классификации, как правило, не представляют всего многообразия семантических отношений между словообразовательными элементами. В попытках все-таки формализовать подобные знания, мы провели опрос 30 респондентов, говорящих на английском языке, но не являющихся его носителями. Задача заключалась в прогнозировании значений сложных слов, исходя из значений их составляющих, которые были приведены в анкете. Приведем несколько примеров. Так, в результате эксперимента

были получены некоторые потенциальные варианты значения сложного слова *thickhead* (тупой человек) исходя из его составляющих (*thick* (толстый) + *head* (голова)). При этом для респондентов были уточнены значения составляющих и предсказуемый результат – а именно, наименование человека по его ментальным способностям. Так, для 33 % респондентов *thickhead* вызвало ассоциации с большой, прочной головой и ими было предсказано значение – «очень умный человек», «генератор идей»; 40 % респондентов ассоциировали «толстую голову» с «толстым деревом», выходя на значение «человек тупой, как дерево»; 20 % отметили значение «нечувствительный, непробиваемый, безразличный». Один респондент увидел связь с болезнью, называемой в просторечии «водянкой головного мозга»; еще двое привели значение «упорный, усердный».

Еще одним словом в опроснике было английское *juicyhead* (пьяница, алкоголик). Здесь данные более однозначны, но, тем не менее, далеки от словарного значения. Более 90 % респондентов вывели значение «интеллектуал, творческий, сообразительный, любознательный, очень умный человек», два респондента привели значение «легкомысленный, ветреный». Остальные восемь компонентов, внесенных в опросник, также трактовались по-разному, значения, как правило, не совпадали со словарными, что позволило нам прийти к важному методологическому выводу о том, что внутренняя форма дериватов, образованных метафорическим путем, не поддается унифицированному когнитивному моделированию. Каждое такое производное может иметь свою уникальную когнитивную модель, в связи с тем, что связь между производящим и производным может лежать на самом глубинном уровне, часто недоступном для выявления смысловых отношений. В «поверхностном» (термин Ю. Д. Апресяна) значении деривата значение исходной мотивирующей лексемы часто не представлено. По мнению Н. А. Мишанкиной, «метафорическая модель варьируется для автора и читателя текста и находится в зависимости от фоновых знаний коммуникантов, актуализируя сходные, но не идентичные когнитивные структуры. Метафорический образ характерен тем, что он по-разному организован для того, кто метафору порождает».

ет, и того, кто ее воспринимает: в основе метафоры лежит взаимодействие фреймов и гештальтов – общеязыкового и личного опыта коммуникантов» [Мишанкина, 2009: 43]. Восстановление исходного значения и выявление связи между мотивирующим и производным часто зависит от опыта (практического, перцептивного, культурного) говорящего, от его субъективного мировосприятия, что, по нашему мнению, невозможно подвести под единый шаблон.

На наш взгляд, рассмотрение закономерностей репрезентации мыслительных процессов *в самом языке* может стать шагом на пути познания сущности мышления, несмотря на то, что его определения на сегодняшний момент «строятся посредством перечисления экспериментально выявляемых компонентов» [Шамис, 2006: 16] данного процесса, ввиду чего зачастую страдают очевидной фрагментарностью. Построение всеобъемлющей модели мышления пока видится непродуктивным, и причина этого заключается в том, что «сами компоненты процесса мышления ... не определяются или определяются очень приблизительно», а «строящееся на этой основе индуктивное определение может рассматриваться лишь как шаг на пути к необходимому обобщению» [там же]. Можно сказать, больше: очевидно, метод моделирования, применяемый к объектам естественнонаучного исследования, принципиально неприменим к любым проявлениям субъекта; любая попытка сделать это превращает действующего субъекта в объект, т. е. в манекен, имеющий лишь поверхностное сходство с реальным человеком, а его деятельность – в действия робота.

Таким образом, полноценное исследование словообразовательных процессов и производных единиц не может быть сведено к формальным процедурам, но требует выявления и описания существенных для человеческой жизнедеятельности смыслов, воплощенных в производных словах (в частности, соматизмах и их производных) и словообразовательных процессах.

4.4. Лингвокогнитивное моделирование отсоматических производных в английском языке и его специфика

Проведенный анализ структурных (3.2) и семантических (3.3) особенностей отсоматических производных позволяет выделить некоторый набор когнитивных моделей, отражающих возможные трансформации концептуальной сферы «ЧАСТИ ТЕЛА».

В ходе обработки эмпирического материала доказано, что аффиксальные производные характеризуются более прозрачными связями с производящей основой в связи с более-менее устойчивым значением аффикса, в данном случае возможно построение ряда пропозициональных моделей.

Считаем возможным выявить некоторые примеры «пропозиционализации» когнитивных моделей для ряда антропоморфных полей, с целью подтверждения выводов, сделанных в процессе структурно-семантического анализа, представленного в пп. 3.2–3.3.

Выявление набора пропозициональных (ситуативных) моделей позволяет обозначить когнитивное равенство множества способов языкового выражения, что обусловлено тем, что языковая система в процессе своего развития выработала много способов обозначения «ментального» содержания. В анализе семантики дериватов выявлено, что соматизмы участвуют в образовании ограниченного количества концептуальных областей; при этом каждая концептуальная область включает единицы, образованные различными способами словообразования и по разным моделям.

Мы выделяем ряд пропозициональных моделей в рамках исследуемых антропоморфных полей, рассмотренных в п. 3.3: (1) *часть тела* → человек; (2) *часть тела* → предмет; (3) *часть тела* → аб-

страктная категория (качество, состояние, идея, природное явление); (4) часть тела → действие, процесс; (5) часть тела → параметрический концепт; (6) часть тела → место; (7) часть тела → животное; (8) часть тела → растение; (9) часть тела → часть тела, организма; (10) часть тела → сообщество, группа.

Ономасиологическим базисом для всех моделей является концептуальная структура **ЧАСТЬ ТЕЛА**. (Для удобства в когнитивных моделях обозначаем мотивирующий соматизм (источник) как **OBJsoma**, а в словообразовательных моделях – **N1**). Задачей когнитивного моделирования ставится выявление ономасиологических признаков и восстановление атомарных предикатов.

(1) ЧАСТЬ ТЕЛА → ЧЕЛОВЕК

Основными когнитивными моделями являются:

ACTOR – USE AS INSTRUMENT – OBJsoma (*fingerer, brainworker, eyer, footer, tonguer*).

ACTOR– MAKE – OBJsoma (*face-painter*)

ACTOR– HAVE – OBJsoma (*baby-face, paleface*)

ACTOR– WORK WITH – OBJsoma (*skinner, hairdresser*)

Эти когнитивные модели являются характерными для словообразовательных моделей: **N1 + -er → N2; N1 + N2 → N3**.

Атомарные (восстановленные) предикаты: **USE AS INSTRUMENT, WORK WITH, HAVE, MAKE**. Ономасиологическим признаком, актуализируемым производными в группе **ЧАСТЬ ТЕЛА → ЧЕЛОВЕК** выступает концептуальная категория **АГЕНС**.

(2) ЧАСТЬ ТЕЛА → ПРЕДМЕТ

Когнитивные модели, выявленные в ходе изучения отсоматических производных ЛСГ антропоморфного поля **часть тела → предмет**:

OBJECT – BE USED FOR – OBJsoma (*armband*)

OBJECT – BE OPERATED WITH – OBJsoma (*football, eyedraught – набросок на глаз*)

OBJECT – BE MADE OF – OBJsoma (*waterskin – сумка из кожи*)

OBJECT – BE LIKE – OBJsoma (*bioarm, fingerpost – указательный столб; footpin – костыль*)

Эти когнитивные модели реализуются путем использования словообразовательных моделей: $N1 + N2 \rightarrow N3$; $N2 + N1 \rightarrow N3$.

Атомарные (восстановленные) предикаты: *BE USED FOR*; *BE LIKE*; *BE MADE OF*; *BE OPERATED WITH*. Ономасиологическим признаком, актуализируемым производными в группе **ЧАСТЬ ТЕЛА** → **ПРЕДМЕТ**, выступают концептуальные категории **ЦЕЛЬ**, **ИНСТРУМЕНТ**, **ОБЪЕКТ**, **СРЕДСТВО**.

(3) **ЧАСТЬ ТЕЛА** → **АБСТРАКТНАЯ КАТЕГОРИЯ (КАЧЕСТВО, СОСТОЯНИЕ, ИДЕЯ, ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ)**

Когнитивные модели, выявленные в ходе изучения отсоматических производных ЛСГ антропоморфного поля **часть тела** → **качество, состояние**:

а) **часть тела** → **качество**

QUALITY - ABSENCE OF - OBJsoma (bodyless) – словообразовательная модель $N1 + -less \rightarrow Adj$;

QUALITY - EXISTING OUTSIDE - OBJsoma (out-of-body) – словообразовательная модель $out-of- + N1 \rightarrow Adj$;

QUALITY - BE SUPPLIED WITH - OBJsoma (brained, legged, eared) – словообразовательная модель $N1 + -ed \rightarrow Adj$;

QUALITY - AFFECTS - OBJsoma (earsplitting) – модель $N1 + Ving \rightarrow Adj$;

QUALITY - BE LIKE - OBJsoma (ear-like) – словообразовательная модель $N1 + -like \rightarrow Adj$;

б) **часть тела** → **состояние**

CONDITION - CHARACTERISTIC (FOR) - OBJsoma (brain-dead, headache, brainfag) – словообразовательные модели $N1 + N2 \rightarrow N3$, $N1 + ADJ \rightarrow N2$;

Эти когнитивные модели являются характерными для словообразовательных моделей: $N1 + -less \rightarrow Adj$, $out-of- + N1 \rightarrow Adj$, $N1 + -ed \rightarrow Adj$, $N1 + Ving \rightarrow Adj$, $N1 + -like \rightarrow Adj$, $N1 + N2 \rightarrow N3$, $N1 + ADJ \rightarrow N2$.

Атомарные (восстановленные) предикаты: *ABSENCE OF*, *EXISTING OUTSIDE*, *BE SUPPLIED WITH*, *AFFECT*, *BE LIKE*, *BE CHARACTERISTIC (FOR)*. Ономасиологическим признаком, актуализируемым производными в группе **часть тела** → **состояние, ка-**

чество выступают концептуальные категории **СОСТОЯНИЕ** (для субстантивных производных), **КВАЛИТАТИВНОСТЬ** (для адъективных производных).

(4) ЧАСТЬ ТЕЛА → ДЕЙСТВИЕ, ПРОЦЕСС

Когнитивные модели, выявленные в ходе изучения отсоматических производных ЛСГ антропоморфного поля **часть тела → действие, процесс**:

OPERATION - BE AIMED AT - OBJsoma (*to leg - ударять по ноге*) **OPERATION - USE AS INSTRUMENT - OBJsoma** (*footfight, to finger*)

Эти когнитивные модели реализуются путем использования словообразовательных моделей: **N1 → V; N1 + Ving → N2, N1 + N2 → N3**.

Атомарные (восстановленные) предикаты: **BE AIMED AT, USE AS INSTRUMENT**. Ономазиологическим признаком, актуализируемым производными в группе «часть тела → действие, процесс» выступают концептуальные категории **ПАЦИЕНС, ИНСТРУМЕНТ, ДЕЙСТВИЕ, ПРОЦЕСС**.

(5) ЧАСТЬ ТЕЛА → ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Когнитивные модели, выявленные в ходе изучения отсоматических производных антропоморфного поля **часть тела → параметрический концепт**, отражают знания о пространственных категориях – длине, ширине, размере, объеме и форме;

QUANTITY (VOLUME) - BE CONTAINER - OBJsoma (соответствует только суффиксальным производным с *-ful*: *handful, headful*)

DISTANCE - USE AS MEASUREMENT INSTRUMENT - OBJsoma (*earshot*)

LENGTH - USE AS MEASUREMENT INSTRUMENT - OBJsoma (*footage, kneehigh*)

WIDTH - USE AS MEASUREMENT INSTRUMENT - OBJsoma (*hand-breath*)

Эти когнитивные модели являются характерными для словообразовательных моделей: **N1 + -ful → N2, N1 + -age → N2, N1 + N2 → N3**.

Атомарные (восстановленные) предикаты: **BE CONTAINER, USE AS MEASUREMENT INSTRUMENT**. Ономасиологическими признаками, актуализируемыми производными в группе **часть тела** → **параметрический концепт** выступают концептуальные категории **ЦЕЛЬ, ИНСТРУМЕНТ, ПРОСТРАНСТВО, МЕРА**

(6) ЧАСТЬ ТЕЛА → МЕСТО

Когнитивные модели, выявленные в ходе изучения отсоматических производных антропоморфного поля **часть тела** → **место**:

PLACE - BE USED FOR - OBJsoma (*legroom, kneehole, kneeroom*).

Эти когнитивные модели формируются при опоре на словообразовательной модели: **N1 + N2 → N3**. Атомарный предикат: **BE USED FOR**. Ономасиологическими признаками, актуализируемым производными в группе **часть тела** → **место** выступает концептуальная категория **МЕСТО**.

(7) ЧАСТЬ ТЕЛА → ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЖИВОТНОГО МИРА

Когнитивные модели, выявленные в ходе изучения отсоматических производных антропоморфного поля **часть тела** → **представитель животного мира**:

OBJ zool - BE LIKE - OBJ soma (*thickhead; tonguefish, sabertooth*) – модели

OBJ zool - OPER IN PLACE - OBJ soma (*mouth-breeder*)

Эти когнитивные модели являются характерными для словообразовательных моделей: **Adj. + N1 → N2; N1 + N2 → N3**.

Атомарные предикаты: **BE LIKE, OPER IN PLACE**. Ономасиологическими признаками, актуализируемым производными в группе **часть тела** → **представитель животного мира**, выступает концептуальная категория **ОБЪЕКТ** (зоол.).

(8) ЧАСТЬ-ТЕЛА → РАСТЕНИЕ

Когнитивные модели, выявленные в ходе изучения отсоматических производных антропоморфного поля **часть тела** → **растение**:

OBJ phyto - BE LIKE - OBJ soma (*cat's-ear, elephant's-ear, bird's-foot, dragonhead; finger-berry, five-finger, blackheart, blue-leg, turtlehead*).

Эти когнитивные модели реализуются путем использования словообразовательных моделей: $N1 + N2 \rightarrow N3$; $Num + N1 \rightarrow N3$; $N2$ (possessive) + $N1 \rightarrow N3$; $Adj. + N1 \rightarrow N2$.

Атомарный (восстановленный) предикат: **BE LIKE**. Ономасиологическим признаком, актуализируемым производными в группе **часть тела** → **растение** выступает концептуальная категория **ОБЪЕКТ** (фито).

(9) ЧАСТЬ ТЕЛА → ЧАСТЬ ТЕЛА, ОРГАНИЗМА

Основная когнитивная модель, выявленная в ходе изучения отсоматических производных антропоморфного поля **часть тела** → **часть тела, организма**:

OBJ – BE PART OF – OBJ soma (*forehand, brainstem*)

Данная модель относится к метонимической когнитивной модели, когда производное является частью целого производящего. Атомарный (восстановленный) предикат: **BE PART OF**. Ономасиологическим признаком, актуализируемым производными в группе **часть тела** → **часть тела, организма** выступает концептуальная категория **ЧАСТЬ ЦЕЛОГО**.

(10) ЧАСТЬ ТЕЛА → СООБЩЕСТВО, ГРУППА

Не выявлено пропозициональных моделей.

Атомарными предикатами, восстановленными в ходе моделирования пропозициональных моделей, являются следующие: *be part of; be like; use as instrument (measurement instrument); work with, have, make; be made of; be operated with; absence of; existing outside; be supplied with; affect; be characteristic (for); be aimed at; be container; be used for; oper in place*.

Ономасиологическими признаками, актуализируемыми субстантивными производными выступают следующие концептуальные категории: *агнс, объект* (в т. ч. зоол., фито.), *инструмент, часть целого, цель, средство, состояние, пациент, пространство, мера, место*.

Ономасиологическим признаком, актуализируемым производными-адъективами, выступает концептуальная структура **КВАЛИТАТИВНОСТЬ**. В данном случае мы можем говорить о трансформации предметного содержания в признаковое.

Ономасиологическими признаками, актуализируемыми производными глаголами, выступают концептуальные структуры **ДЕЙСТВИЕ, ПРОЦЕСС**. Здесь эксплицируется трансформация предметного содержания в акциональное деятельное (процессуальное).

Производные как конкретной, так и абстрактной семантики имеют разную степень сложности семантических трансформаций при переходе от производящей базы к производной единице. Однако ряд ЛСГ включает производные, образованные в основном по пути формирования «простых пропозиций»: часть тела → параметрический концепт, часть тела → конкретный предмет, часть тела → часть тела. Сложные пропозиции, осложненные метафорическими и метонимическими связями, свойственны полям: часть тела → абстрактная категория, часть тела → движение, процесс и др.

Анализ пропозициональных моделей позволяет выделить ядерные атомарные предикаты, реализуемые в большинстве антропоморфных полей: *be part of; be like; use as instrument*, что доказывает выводы, сделанные при анализе семантики семантических и морфологических производных (см. 2.3 и 3.3).

При образовании существительных от существительных можно говорить о совпадении категориального характера производящего и производного слов, которые принадлежат к предметной концептуальной области. Вторая группа представлена прилагательными, образованными от основ существительных-соматизмов. В данном случае производящая основа принадлежит к предметной концептуальной области, а производное прилагательное – к признаковой концептуальной области. Выявлено одно наречие, образованное от основы существительного, которое также может быть отнесено к признаковой концептуальной области.

Итак, различные стороны экстралингвистической реальности не существуют изолированно, а скорее напротив, они могут быть осознаны, а, следовательно, и отражены в языке, только в их взаимодействии. Словообразование представляет собой языковую реализацию процесса концептуальной субкатегоризации окружающей действительности.

Так, например, часть тела, например, *hand*, является материальным предметом. В ходе субкатегоризации действительности, выраженной в языке конверсией, *hand* обозначает процесс (*to hand*) или признак (*hand, adj.*). Другие способы словообразования отражают субкатегоризацию, осложненную концептуальным сращением (блендом): предметное содержание *hand* трансформируется в признаковое (*handful, handless, handy, behindhand, etc.*) или другое предметное содержание (*hander, hand-axe, hand-waving, etc.*).

Субкатегоризация сопровождается процессом развития значений. В аффиксальных моделях происходит соединение концептов основы и концептов аффиксов путем предикативных отношений. Выявление предиката является необходимым шагом для определения структур знаний, актуализируемых в процессе образования аффиксальных производных. Функция предиката детерминирована функцией основы и функцией аффикса, что задается словообразовательным значением описываемых моделей.

Рассмотрим модель **N1 + -age → N2**. Суффикс *-age* латинского происхождения образует существительные с количественным значением (*footage*) или значением собирательности (*herbage* – травы, травяной покров). В обнаруженном производном *footage*, объединяются концепты «ЧАСТЬ ТЕЛА» и «РАЗМЕР». Объединение концептуальных структур позволяет выявить предикат: USE AS MEASUREMENT INSTRUMENT – «ИСПОЛЬЗОВАТЬ В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА ИЗМЕРЕНИЯ».

Дальнейшее формирование семантической структуры производного слова способствовало развитию концептуальных структур за счет привлечения других знаний: «ЧАСТЬ ТЕЛА» и «РАЗМЕР» достраиваются концептом «ПРЕДМЕТ»:

footage – часть пленки, отснятого материала

But one worker at the shopping centre said CCTV footage showed two other men calmly stepping past him when he collapsed at the entrance of the gents' toilets. (Dying man 'was ignored' by Evening Chronicle (Newcastle, England))

Производное *heartage* не зарегистрировано словарями, однако, мы можем предсказать его значение, исходя из знаний о концеп-

туальных областях источников (основы и суффикса) и контекстуальном использовании данной лексемы: *heartage* – любовь, сердечность; все, что в сердце или от сердца (Л. А):

“*Heartage every moment*” (название видеоклипа) (@: http://www.liveinternet.ru/users/valo_666/post75637241/play)

Объединение концептов «ЧАСТЬ ТЕЛА» и «СОБИРАТЕЛЬ-НОСТЬ» дает возможность выявить предикат данной модели: «*объединить все чувства, все, что в сердце*».

Важность словообразования в непрерывном процессе субкатегоризации (т. е. систематизации, десистематизации и ресистематизации) действительности заключается в языковой реализации замены основного логического предиката на другой, системно связанный с первым, что в целом означает появление названия нового предмета действительности.

Актуальной задачей когнитивного моделирования в лингвистике является поиск корреляций между концептуальными и языковыми структурами. Словообразовательная концептуализация в границах выделенных антропоморфных полей представляет собой переход, семантическую и ментальную трансформации в пределах связки «источник-соматизм – конечная дериват-номинация». Выявляя когнитивные модели, мы обнаруживаем не только связи значений, но и факторы их выбора, т. е. пути и шаги номинации, по которым осуществляется переход старого знания (часть тела) в новое. При этом естественно предположить, что когда мы переходим от собственно словообразовательных категорий (как устоявшихся традиционных схем значений) на уровень когнитивного моделирования, мы тем самым получаем возможность выявления универсальных, а не только национально-специфических, когнитивных моделей языка.

Таким образом, комплексный анализ, сочетающий структурно-семантическое рассмотрение производящих и производных единиц и когнитивное моделирование концептуальных структур, участвующих в формировании значения производных единиц, позволяет установить корреляции между лексическими и концептуальными структурами языка, раскрывающими внутреннее богатство совмещенных смыслов во внешне достаточно экономной структуре производного слова.

Выводы

1. Деривационные механизмы отражают результаты ментальных операций языковой личности. Мотивированное значение производной лексемы может быть выражено как пропозиционально структурируемое значение, в котором – на уровне смыслов – «свернута» специфика ментальных структур языковой личности и деривационных механизмов развития языка. Залогом деривационного функционирования языкового знака является, прежде всего, динамический, саморазвивающийся и саморегулирующийся характер ментальной сферы индивида, в рамках которой структуры знания, формирующиеся как результат определенных когнитивных процессов, претерпевают модификацию, приращение, дробление, реструктуризацию и другие изменения, фиксируемые в некоторой знаковой форме посредством языковых единиц.

2. Любой язык обладает ограниченным набором средств выражения, поэтому постоянно идут поиски разнообразных путей обозначения новых смыслов. Язык постоянно изменяется в структурном плане (появляются новые словообразовательные модели и форманты, новые типы связей и словообразовательных значений, изменяется продуктивность моделей). Однако этих способов оказывается недостаточно, чтобы выразить в языке все то новое, что появляется в окружающем мире и требует своего наименования. Тогда основным средством, помогающим выразить новый смысл, становится метафора, реализуемая новыми значениями как простых в плане деривации слов, так и сложных, и сложнопроизводных. Таким образом, мы можем говорить об этом явлении как о базовой тенденции развития языка.

3. Словообразовательная категоризация в границах выделенных антропоморфных полей представляет собой переход, семантическую и ментальную трансформации в пределах связки «источник-соматизм – конечная дериват-номинация». Выявление когнитивных

моделей позволяет обнаруживать не только связи значений, но и факторы их выбора, по которым осуществляется переход старого знания (часть тела) в новое. В результате метафорического проецирования «источник-соматизм → конечная дериват-номинация» происходит частичное воспроизведение в структуре цели (конечная дериват-номинация) структуры источника, при этом наблюдается постепенное исчерпывание семантического потенциала соматической концептуальной (когнитивной) структуры, что отражается в изменении общекатегориальной семантики отсоматического производного (от предметности к процессу и признаку).

4. Выявлены базовые концептуальные структуры, репрезентируемые английскими отсоматическими производными: *человек*, *материя* (предметы и объекты действительности), *движение* (действия, процессы и события), *пространство* (параметрические концепты), *качество*, *состояние*. Базовый концепт *время* не представлен в группе отсоматических производных.

5. Атомарными предикатами, восстановленными в ходе моделирования пропозициональных моделей, являются следующие: *absence of; affect; be aimed at; be characteristic (for); be container; be like; be made of; be operated with; be part of; be supplied with; be used for; existing outside; have, make; oper in place; use as instrument (measurement instrument); work with*. Ономасиологическими признаками, актуализируемыми субстантивными производными выступают следующие концептуальные категории: *агнс*, *инструмент*, *мера*, *место*, *объект* (в т. ч. зоол., фито.), *состояние*, *средство*, *пациент*, *пространство*, *цель*, *часть целого*. Ономасиологическим признаком, актуализируемым производными-адъективами, выступает концептуальная структура *квалитативность*, что свидетельствует о трансформации предметного содержания в признаковое. Ономасиологическими признаками, актуализируемыми производными глаголами, выступают концептуальные структуры *действие*, *процесс*. Здесь эксплицируется трансформация предметного содержания в акциональное деятельное (процессуальное). В большинстве антропоморфных полей реализуются ядерные атомарные предикаты: *be part of; be like; use as instrument*, что подтверждает выводы, сделанные в ходе семантического моделирования производных.

Заключение

Проведенный анализ процесса словообразовательной категоризации действительности, не претендующий на всеобъемлемость и законченность, и основывающийся на эмпирическом исследовании отсоматических дериватов английского языка, позволил выявить сущность данного феномена, его роль в формировании языковой картины мира, а также потенциал когнитивной науки в его исследовании. Словообразовательная категоризация представлена в данной работе как процесс познавательной лингвокреативной деятельности человека, позволяющий подвести объект под определенную категорию или рубрику опыта при помощи словообразования. Таким образом, данный процесс представлен как диалектическое взаимодействие трех ведущих сторон, а именно, лингвокреативной деятельности человека, социально-культурного знания и опыта и, наконец, собственно языка с его многоярусной системой средств.

Такой подход логически укладывается в столь популярную сегодня антропоцентрическую парадигму научных исследований, в основе которой лежит рассмотрение различных духовных процессов через призму «мыслительной деятельности» (получения, переработки, хранения и воспроизведения информации) и с позиций «человеческого фактора». Данная исследовательская установка учитывает, в том числе, и фактор человеческой телесности как существенной составляющей, или даже как источника познавательных процессов, что позволило нам выделить в структуре языковой личности, предложенной Ю. Н. Карауловым, еще один уровень – физически-телесный.

Словообразование нельзя сводить исключительно к формальным процедурам лексико-грамматических словоизменений или дериваций: в этом случае всегда остаются невыраженными важные

смыслообразующие факторы. Для обнаружения таковых в данной монографии на основе методологического синтеза представлены три вида теоретико-модельного представления словообразовательной категоризации на основе английских соматизмов и отсоматизмов: структурный, семантический и когнитивный. *Сочетание* структурно-семантического рассмотрения производящих и производных единиц и когнитивного моделирования концептуальных структур, участвующих в формировании значения производных единиц позволило установить корреляции между языковыми и концептуальными структурами во внешне достаточно экономной структуре производного слова. В этом свете становится ясно, что словообразовательная категоризация как сфера языковой действительности является особой темой для исследований, требующих новаторских подходов.

Важным методологическим результатом проведенного исследования является формулирование теоретико-методологических принципов исследования словообразовательной категоризации. Они включают: а) деривационный процесс необходимо понимать не просто как процесс рождения нового слова, но и как обуславливающий его процесс образования новых смыслов; б) рассмотрение процессов словообразовательной категоризации следует трактовать как результат активного взаимодействия познающего субъекта и предмета познания; в) исследование словообразовательной категоризации требует взаимодополнительности синхронического и диахронического подходов; г) производное слово выступает медиатором словообразовательных отношений, как наделенное способностью, с одной стороны, сохранять первоначальный смысл исходного слова, а с другой стороны, «запускать» процесс появления новых смыслов в результате сжатия различных когнитивных структур в компактную форму; исходное слово – начало всех дериваций – можно назвать «когнитивным порождающим архетипом»; д) производное слово является единицей фиксации и трансляции результатов избирательности человеческого мышления, что подтверждает антропоцентрический характер словообразовательной категоризации действительности; е) словообразовательное гнездо

является комплексной системой хранения и упорядочивания знания, которая может продуктивно использоваться при изучении родного и иностранных языков.

В данной работе эти принципы были применены при исследовании словообразовательной категоризации действительности на материале соматизмов английского языка и их производных. Экспериментальный подход к исследованию отсоматического лексикона позволил показать важность тех или иных частей тела и их функций не только в освоении окружающей действительности и практической деятельности человека, но и в отражении культурного опыта, не имеющего непосредственной привязки к его телесной организации. Отсоматическая лексика позволяет человеку описать ситуацию в прямом сравнении свойств тела и его частей с особенностями предметов, объектов и ситуаций окружающего мира. Следовательно, отсоматическая лексика представляет собой важное средство репрезентации ментальных процессов концептуализации и категоризации действительности, а также фиксации новых знаний человека о мире и о себе.

В данной работе предложена авторская трактовка семантической модели порождения английских отсоматических дериватов – «соматическая концептосфера» в рамках «антропосферы». Ее схема включает: а) этимоны-соматизмы, обладающие определенным семантическим потенциалом в рамках их когнитивной структуры, б) ассоциативные повторяющиеся типы семантической связи между словами-соматизмами и их производными, возникающие в человеческом сознании, в рамках культурно-деятельностных, прагматических ситуаций (10 антропоморфных полей): *часть тела* → человек; *часть тела* → предмет; *часть тела* → абстрактная категория (качество, состояние, идея, природное явление); *часть тела* → действие, процесс; *часть тела* → параметрический концепт; *часть тела* → место; *часть тела* → животное; *часть тела* → растение; *часть тела* → часть тела, организма; *часть тела* → сообщество, группа. **Ядро** соматической концептосферы представлено полями: *часть тела* → человек; *часть тела* → предмет; *часть тела* → абстрактная категория. **К ближней периферии** относятся

поля: *часть тела* → *часть тела*; *часть тела* → *действие, процесс*; *часть тела* → *параметрический концепт*. К *дальней периферии* относятся поля: *часть тела* → *место*; *часть тела* → *животное*; *часть тела* → *растение*; *часть тела* → *группа, сообщество*.

Анализ эмпирического материала исследования позволил выявить некоторые закономерности в развитии значений соматизмов и их производных: значения, связанные с прототипическим знанием о форме предмета, появляются раньше тех, которые связаны с его функцией; конкретные значения возникают раньше абстрактных; при образовании терминов знание о форме и функции части тела является наиболее важным семантическим прототипом; на протяжении всех этапов развития языка у многих соматизмов развиваются значения, связанные с измерением, что обусловлено прагматическими интенциями людей найти способы измерения окружающих предметов наиболее простыми и доступными способами, используя в качестве ориентира или измерительного прибора собственное тело; большинство описываемых соматизмов имеют переносное значение «человек, лицо», детализируемое в каждом случае связью с исходным значением соматизма, что еще раз подчеркивает антропоцентрический характер лингвокреативной деятельности человека.

Анализ эмпирического материала позволил обнаружить аксиологическую маркированность результатов словообразовательной категоризации на материале отсоматической лексики английского языка. Так, выявлено, что физические части тела, которые наиболее важны для человека в сенсорном познании мира и в предметно-практической деятельности, являются источником гораздо большего количества производных единиц. Посредством лингвистического анализа доказано, что функциональная нагрузка той или иной части тела ограничивает области ее референции, а, следовательно, и семантику производных от ее названия слов и значений.

Изучение процесса словообразовательной категоризации фрагмента объективного мира (телесности человека) позволило выделить определенную типологическую последовательность описаний значений: *форма, положение, функция*, которые порождают дальнейшие отсоматические семантические и морфологические произ-

водные. Анализ эмпирического материала в рамках разработанных антропоморфных полей показал, что соматическая концептосфера является источником номинаций, которые служат для обозначения широкого спектра феноменов (топонимии, зоонимии, флоронимии), и отражают разнообразие человеческих отношений к окружающему его миру: активную предметно-практическую деятельность, чувственное восприятие мира (зрение, слух, вкус, ощущения и др.), мышление, характер и другие качества, социальные роли и отношения, моральный статус, профессиональную и расовую принадлежность и т. п.

Соматизмы являются богатым источником семантических и лексических неологизмов, что доказывает непрерывный процесс расширения и усложнения концептуальной сферы жизнедеятельности человека, а, следовательно, и антропоцентрический характер ЯКМ. Проведенный статистический анализ структурных и семантических особенностей производных неологизмов позволил выявить некоторые тенденции и направления в современном английском словообразовании, а именно: продуктивность образования лексем способом контаминации, префиксации и суффиксации возрастает на фоне снижения продуктивности словосложения; формирование отсоматического словаря *неологизмов* идет следующими направлениями: 1) развитие новых значений у соматизмов в рамках семантической деривации; 2) развитие новых значений у отсоматических дериватов; 3) образование новых лексем аффиксальным способом; 4) образование новых слов безаффиксными способами (словосложением, контаминацией); 5) образование новых слов от отсоматических производных (аффиксация, конверсия); 6) образование новых слов от неологизмов, в составе которых имеются соматизмы (конверсия, реверсия); 7) образование отсоматических неологизмов по новым словообразовательным моделям: $digi + N \rightarrow N$, $out-of- + N1 \rightarrow Adj.$, $super- + N1 \rightarrow N2$.

Образование отсоматического лексикона английских неологизмов наиболее активно происходит в спортивном, медицинском, техническом, компьютерном, политическом дискурсах, что является следствием интенсивного развития данных социально-деятельностных

сфер жизнедеятельности человека на современном этапе. Отсоматические неологизмы относятся как к общеупотребительной, так и специальной лексике (термины и профессионализмы).

На основании анализа эмпирического материала было продемонстрировано, что отсоматическая производная лексика отражает динамическое развитие фоновых знаний человека, которые могут трактоваться как когнитивная опора (или прототипическое знание о качествах, структуре и функциях человеческого организма и его частей). Словообразовательная концептуализация в границах выделенных антропоморфных полей представляет собой переход, семантическую и ментальную трансформации в пределах связки *«источник-соматизм – конечная дериват-номинация»*. Выявляя когнитивные модели, мы обнаруживаем не только связи значений, но и факторы их выбора, т. е. пути и шаги номинации, по которым осуществляется переход старого знания (часть тела) в новое. В результате семантического проецирования «концепт-источник (соматизм) → концепт-цель (отсоматическое производное)» происходит постепенное исчерпывание семантического потенциала соматической концептуальной структуры, что проявляется в изменении общекатегориальной семантики производного слова (от предметности к признаку и процессу). Несмотря на некоторое исчерпывание семантического потенциала соматической концептуальной структуры, обнаруженные неологизмы в той или иной степени актуализируют семантику исходного соматизма. Таким образом, путем словообразовательной категоризации прототипическое знание, зафиксированное значением исходного слова, становится источником других видов знания, как о себе, так и об окружающей действительности. В свете вышеизложенного роль категории телесности в познании действительности позволяет обособить статус формируемого этой категорией фрагмента ЯКМ как сферы-источника других фрагментов ЯКМ. Являясь устойчивыми константами, знания о части тела получают новую актуализацию в языке под влиянием социокультурных условий. Следовательно, словообразовательная категоризация играет значительную роль в процессах категоризации человеческого опыта.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования необходимо отметить, что в рамках междисциплинарного плюрализма, все больше охватывающего исследования в разных областях научной мысли, традиционная теория словообразования оказывается недостаточной. Для получения знаний о глубинных особенностях словообразования необходима разработка новых подходов и методов исследования, привлечение достижений когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, прагмалингвистики, теории дискурса, что позволит расширить и развить методологический аппарат достаточно нового лингвистического направления – когнитивной дериватологии.

Список сокращений и условных обозначений

Лексикографические источники

- БАРС Большой англо-русский словарь. В 2-х томах / Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин, Р. С. Гинзбург и др. – М.: Русский язык, 1987. – 4-е изд. испр. с дополнением.
- ЛЭС Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия». – 1990.
- ФЭС Философский энциклопедический словарь
- BNC British National Corpus
- COD-2006 The Concise Oxford English Dictionary/ Ed. by C. Soanes, A. Stevenson. – Oxford: Oxford University Press Inc., New York, 2006. – 11th ed.
- DNW Dictionary of New Words [Text] / Ed. by J. Green. – М.: Вече Перий, 1996.
- DNW&M Трофимова З. С. Словарь новых слов и значений в английском языке [Текст]. – М.: «ПАВЛИН», 1993. – 304 с.
- LRNW The Longman Register of New Words [Text]. – М.: Русский язык, 1990. – 426 p.
- MWOD Merriam-Webster Online Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com>
- NShOxD The New Shorter Oxford Dictionary on Historical Principles. – Oxford: Clarendon Press, 1993
- on-line ED Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etymonline.com/>
- OxDNW The Oxford Dictionary of New Words [Text] / Ed. By E. Knowles. – New York: Oxford University Press. – 1997. – 357 с.

OED	Oxford English Dictionary [Текст]. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 938 p.
UrbanD	Urban Dictionary – онлайн-словарь слов и фраз англоязычного сленга
WinE	Words in English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruf.rice.edu/~kemmer/Words04/structure/index.html
WO	WordOver [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wordover.com

Список условных сокращений, принятых в работе

Бот.	ботаника
ИКМ	идеализированные когнитивные модели
ирон.	ироническое
КЗ	комплексный знак
КМ	картина мира
ЛГР	лексико-грамматический разряд
ЛСВ	лексико-семантический вариант
ЛСГ	лексико-семантическая группа
нем.	немецкий
ПК	признак концепта
ПО	производящая основа
ПС	производное слово
СГ	словообразовательное гнездо
СЗ	словообразовательное значение
устар.	устаревшее
ЯКМ	языковая картина мира
ЯЛ	языковая личность
Adj	adjective
Adv	adverb
Am.	American
Austral.	Australian
back-form.	back-formation
comb.form	combining form
conv.	conversion

derog.	derogatory
E16	early sixteenth century
FD	Free Dictionary [Электронный ресурс]
inf.	informal
L15	late fifteenth century
LME	late Middle English
LOE	late Old English
M16	mid sixteenth century
ME	Middle English
N	noun
N1	исходный соматизм (в словообразовательной модели)
Ncomp.	сложное существительное
Num	numeral
OBJsoma	мотивирующий соматизм
OE	Old English
PI, PII	participle I, II
PhV	фразовый глагол
Pref	prefix
sl	slang
suf	suffix
V	verb
vulg.	Vulgar
@	электронный ресурс

Библиография

1. *Абрамян, К. Ш.* О словообразовательной вариативности при сопоставительном изучении языков [Текст] / К. Ш. Абрамян // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета: Труды и материалы / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. – С. 17–18.
2. *Абросимова, Л. С.* Словообразовательное поле глаголов, производящей базой которых являются существительные, в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Абросимова Лариса Сергеевна. – Пятигорск, 1994. – 190 с.
3. *Абросимова, Л. С.* Деривационные механизмы как языковое отражение основных когнитивных процессов языковой личности: к постановке проблемы [Текст] / Л. С. Абросимова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2009. – № 4. – С. 125–129.
4. *Абросимова, Л. С.* Истоки и основные принципы когнитивной дериватологии [Текст] / Л. С. Абросимова // Вестник Томского государственного университета. – Томск: ТГУ. – 2011. – № 351 (октябрь 2011 г.). – С. 7–13.
5. *Абросимова, Л. С.* Рефлексия когнитивности в экспрессивном словообразовании [Текст] / Л. С. Абросимова // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск – Новосибирск. – 2011. – № 1(31). – С. 247–254.
6. *Абросимова, Л. С.* Интерпретация фонемена «языковая личность» в гуманитарной культуре [Текст] / Л. С. Абросимова // Современные парадигмы исследования языковой личности: монография / Е. В. Муругова, Т. А. Лопатухина, Т. М. Багдасарян и др. – Ростов н/Д: Издательский центр ДГТУ, 2012. – С. 4–37.
7. *Абросимова, Л. С.* Экзистенциальные смыслы телесности в словообразовании [Текст] / Л. С. Абросимова // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. Вып. XI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике 10–12 октября 2012 года. – М. – Тамбов, 2012. – С. 322–325.

8. *Абросимова, Л. С., Богданова, М. А.* Культурная биография человека: слово и тело: Онтологическое описание [Текст] / Л. С. Абросимова, М. А. Богданова. – LAP LAMBERT: Academic Publishing, 2011. – 314 с.
9. *Абросимова, Л. С., Богданова, М. А.* Человек телесный и словесный: монография [Текст] / Л. С. Абросимова, М. А. Богданова. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2011. – 184 с.
10. *Авилова, Н. С.* Морфологические категории глагола: Категория вида [Текст] / Н. С. Авилова / Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Т. 1. – М.: Наука, 1982. – С. 583–613.
11. *Адмони, В. Г.* Основы теории грамматики [Текст] / В. Г. Адмони. – М., Л.: Наука, 1964. – 105 с.
12. *Азаренко, С. А.* Сообщество тела [Текст] / С. А. Азаренко. – М.: Академический Проект, 2007. – 239 с.
13. *Алдиева, М. Ш.* Соматическая лексика чеченского языка в сопоставлении с английской: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 20 / Алдиева Марина Шахидовна. – Махачкала, 2009 – 18 с.
14. *Алиева, Т. М.* Полисемантизм соматической лексики в разносистемных языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 20 / Алиева Тамилла Аликовна. – Махачкала, 2010.
15. *Алимурадов, О. А.* Интенциональные аспекты динамики концептосферы языковой личности [Текст] / О. А. Алимурадов // Language, Individual and Society: International Scientific Publications. – Bulgaria: InfoInvest, 2007. – P. 529–548.
16. *Алимурадов, О. А.* Концепт «ОТНОШЕНИЯ»: структурная характеристика и некоторые закономерности вербализации [Текст] / О. А. Алимурадов // Lingua Mobilis: Научный журнал. – 2008. – № 2 (11). – С. 130–148.
17. *Алимурадов, О. А.* Современные теории ментальных процессов: некоторые методологические парадоксы [Текст] / О. А. Алимурадов // Гуманитарные исследования, 2010. – № 3 (35). – С. 24–27.
18. *Алефиренко, Н. Ф.* Когнитивная семантика: миф или реальность? [Текст] / Н. Ф. Алефиренко // Вестник ТГПУ. 2006. Выпуск 5 (56). Серия: Гуманитарные науки (филология). – С. 43–48.
19. *Амосова, Н. Н.* Этимологические основы словарного состава современного английского языка [Текст] / Н. Н. Амосова. – М.: Изд-во литр-ры на иностр. языках, 1956. – 220 с.
20. *Антропова, Н. А.* Соотношение регулярности и нерегулярности в словообразовании немецких аффиксальных существительных: автореф. дис. ...

- канд. филол. наук: 10. 02. 04/ Антропова Наталья Анатольевна. – М., 1991. – 16 с.
21. Апажев, М. Т. Проблемы кабардинской лексики [Текст] / М. Л. Апажев. – Нальчик, 1992. – 334 с.
  22. Апресян, В. Ю., Апресян, Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций [Текст] / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–34.
  23. Апресян, Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
  24. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
  25. Араева, Л. А. Словообразовательный тип [Текст] / Л. А. Араева. – М.: Либроком, 2009. – 272 с.
  26. Араева, Л. А., Проскурина, А. В. Пропозиционально–семантическая актуализация словообразовательного типа в диалектных зонах русского языка [Текст] / Л. А. Араева, А. В. Проскурина // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. – 2012. – № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. – С. 15–17.
  27. Аристотель. Риторика (Книга III) // Аристотель и античная литература / Пер. Н. Платоновой. – М: Наука, 1978.
  28. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
  29. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5–32.
  30. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
  31. Арьянова, В. Г. О способах номинации растений в среднеобских говорах [Текст] / В. Г. Арьянова / Материалы научной конференции молодых ученых г. Томска. Т. 2. – Томск, 1968. – С. 380–383.
  32. Ачаева, М. С. Номинативное пространство словообразовательных гнезд параметрических прилагательных в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.20 / Ачаева Марина Сергеевна. – Казань, 2012. – 22 с.
  33. Бабина, Л. В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: монография [Текст] / Л. В. Бабина. – Тамбов–Москва: Изд–во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. – 264 с.

34. *Бабина, Л. В.* Концептуальные основы словообразования [Текст] / Л. В. Бабина // Когнитивные исследования языка. – 2009. – Выпуск 4. Концептуализация мира в языке. – С. 128–150.
35. *Бабушкин, А. П.* Концепты разных типов в лексике и фразеологии, и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / А. П. Бабушкин; под ред. И. А. Стернина. – Воронежский государственный университет, 2001. – С. 52–57.
36. *Балли, Ш.* Язык и жизнь: пер. с фр. / [Текст] / Ш. Балли; вступ. статья В. Г. Гака. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с.
37. *Баксанский, О. Е., Кучер, Е. Н.* Когнитивный образ мира: научная монография [Текст] / О. Е. Баксанский, Е. Н. Кучер. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2010. – 224 с.
38. *Баранов, А. Н.* Очерк когнитивной теории метафоры [Текст] / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М., 1991. – С. 184–193.
39. *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика и поэтика [Текст] / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1998. – 616 с.
40. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с. – (Из истории сов. Эстетики и теории искусства).
41. *Бейлин, Дж.* Краткая история генеративной грамматики [Текст] / Дж. Бейлин; под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной // Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 13–57.
42. *Бенвенист, Э.* Индоевропейское именное словообразование [Текст] / Э. Бенвенист. – М.: Изд-во ин. лит-ры, 1955. – 260 с.
43. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
44. *Берестнев, Г. И.* Самопознание личности в зеркале языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 19 / Берестнев Геннадий Иванович. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – 50 с.
45. *Беседина, Н. А.* Морфология как способ концептуализации языкового знания [Текст] / Н. А. Беседина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 4 (44). – С. 469–475.
46. *Беседина, Н. А.* Морфологические категории и лингвокреативная деятельность человека [Текст] / Н. А. Беседина // Когнитивные исследования

- языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. Вып. XI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике, 10–12 октября 2012 года: Сборник материалов. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – С. 362–365.
47. *Библер, В. С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры [Текст] / В. С. Библер. – М.: Изд-во Прогресс, Гнозис, 1991. – 176 с.
  48. *Бижева, З. Х.* Адыгская языковая картина мира [Текст] / З. Х. Бижева. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 122 с.
  49. *Блэк, М.* Метафора [Текст] / М. Блэк // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 153–172.
  50. *Богданова, М. А.* Тело человека как мнемоорганическое устройство [Текст] / М. А. Богданова // Вестник ТГУ. – № 358. – 2012. – С. 18–20.
  51. *Бодуэн де Куртене, И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртене. Т. 1. – М., 1963.
  52. *Богин, Г. И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10. 02. 19 / Богин Георгий Исаевич. Л., 1984. – 38 с.
  53. *Боголепова, С. В.* Психолингвистический анализ тематического поля соматизмов: дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 19 / Боголепова Светлана Викторовна. – М., 2012. – 216 с.
  54. *Богородицкий, В. А.* Общий курс русской грамматики (из университетских чтений) [Текст] / В. А. Богородицкий. – Изд-е 5-е, перераб. – М.–Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1935. – 156 с.
  55. *Богус, З. А.* Соматизмы в разносистемных языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты: на материале русского, адыгейского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02, 10.02.20 / Замира Аслановна Богус. – Майкоп, 2006. – 25 с.
  56. *Болдырев, Н. Н.* Значение и смысл с когнитивной точки зрения и проблема многозначности [Текст] / Н. Н. Болдырев // Материалы II Междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике (В 2-х ч.) – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000. – С. 11–17.
  57. *Болдырев, Н. Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии [Текст] / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. Ун-та, 2000. – 123 с.
  58. *Болдырев, Н. Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. – № 1. – С. 18–36.

59. *Болдырев, Н. Н.* О типологии знаний и их репрезентации в языке [Текст] / Н. Н. Болдырев / Типы знаний и их репрезентация в языке. – Тамбов, 2007. – С. 12–28.
60. *Болдырев, Н. Н., Беседина, Н. А.* Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке, 2006. [Электронный ресурс] / Н. Н. Болдырев, Н. А. Беседина. – Режим доступа: <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/177.pdf>
61. *Бондарко, А. В.* Теория морфологических категорий. [Текст] / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1976. – 158 с.
62. *Бондарко, А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка [Текст] / А. В. Бондарко / Рос. Академия наук, Ин-т лингвистических исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
63. *Бондарко, А. В.* Грамматические категории: истолкование понятия, принципы классификации, межкатегориальные связи [Текст] / А. В. Бондарко // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие: Материалы междунар. науч. конф., Санкт Петербург, 22–24 сентября, 2003 г. – СПб., 2003. – С. 22–25.
64. *Борисенкова, Л. М.* Когнитивные аспекты словообразования (на материале немецкого языка): монография [Текст] / Л. М. Борисенкова. – М., 2007. – 495 с.
65. *Борискина, О. О., Кретов, А. А.* Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса [Текст] / О. О. Борискина, А. А. Кретов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. – 211 с.
66. *Борисова, Т. Г.* Деривационная категория и деривационный тип: определение, функционирование, взаимодействие [Текст] / Т. Г. Борисова // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: мат-лы Междунар. науч. конф. – Волгоград: ВолГУ, 2005. – С. 188–192.
67. *Будаев, Э. В.* Когнитивная метафора и политический дискурс: методологические вариации [Текст] / Э. В. Будаев // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил, НТГСПА, 2009. – С. 86–124.
68. *Будаев, Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в политическом интердискурсе [Текст] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2006. – 208 с.
69. *Быховская, И. М.* “Номо somaticos”: аксиология человеческого тела. [Текст] / И. М. Быховская. – М.: Едиториал УРСС, 2000. – 208 с.

70. *Вайсгербер, Й. Л.* Родной язык и формирование духа. [Текст] / Й. Л. Вайсгербер; пер. с нем. [Вступ. Ст. и коммент. О. А. Радченко]. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
71. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая [Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой]. – М.: Русские словари, 1996. – 412 с.
72. *Вежбицкая, А.* Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
73. *Вендина, Т. И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) [Текст] / Т. И. Вендина. – М.: Изд-во «Индрик», 1998. – 240 с.
74. *Вендина, Т. И.* Словообразование как источник реконструкции языкового сознания [Текст] / Т. И. Вендина // Вопросы языкознания. – № 4. – 2002. – С. 42–72.
75. *Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г.* Язык и культура [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
76. *Виноградов, В. В.* О языке художественной литературы [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
77. *Виноградов, В. В.* Вопросы современного русского словообразования. [Текст] / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 164.
78. *Виноградов, В. В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии [Текст] / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – 371 с.
79. *Виноградов В. В.* Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка [Текст] / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 47–68.
80. *Виноградов, В. В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования [Текст] / В. В. Виноградов // История слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Толк, 1994. – 1138 с.
81. *Винокур, Г. О.* Избранные работы по русскому языку [Текст] / Г. О. Винокур. – М.: Наука, 1959. – 442 с.
82. *Витгенштейн, Л.* Философские исследования [Текст] / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. – С. 79–128.
83. *Воркачев, С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт [Текст] / С. Г. Воркачев. – М.: ИТДГК Гнозис, 2004. – 236 с.
84. *Ворокова, Н. У.* Национальная культура в идиоматике [Текст] / Н. У. Ворокова. – Нальчик, 2003. – 140 с.

85. *Выготский, Д. С.* Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка [Текст] / Д. С. Выготский. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. – 519 с.
86. *Выготский, Л. С.* Выступление на I Всесоюзном съезде по изучению поведения человека / Стенографический отчет I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека [Текст] / Л. С. Выготский. – Л., М., 1930.
87. *Выготский, Л. С.* Мышление и речь. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии [Текст] / Л. С. Выготский. Под ред. В. В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1982. – С. 6–361.
88. *Газарова, Е. Э.* Тело и телесность: психологический анализ // Психология телесности между душой и телом/ Ред.-сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА. 2007. – С. 558–573.
89. *Гак, В. Г.* К типологии лингвистических номинаций [Текст] / В. Г. Гак // Языковая номинация. (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 230–294.
90. *Гак, В. Г.* Метафора: универсальное и специфическое [Текст] / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте. М., Наука, 1988. – С. 11–26.
91. *Гак, В. Г.* Лексическое значение слова [Текст] / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. – С. 261–263.
92. *Гак, В. Г.* Языковые преобразования [Текст] / В. Г. Гак. – М., 1998. – 768 с.
93. *Гандалоева, А. В.* Фразеологические единицы с компонентами «голова» и «сердце» в ингушском языке в сопоставлении с английским: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гандалоева Ася Вахаевна. – Махачкала, 2013. – 170 с.
94. *Глазанова, Е. В.* Типы связей в ментальном лексиконе и экспериментальные методы их исследования: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / Глазанова Евгения Валентиновна. – СПб, 2001. – 22 с.
95. *Глазунова, О. И.* Логика метафорических преобразований [Электронный ресурс] / О. И. Глазунова. – Библиотека Гумер. – Режим доступа: [www.gumer.info/Книги для студентов/Linguist/Glaz/prim.php](http://www.gumer.info/Книги_для_студентов/Linguist/Glaz/prim.php).
96. *Голев, Н. Д.* Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации: инварианты и варианты [Текст] / Н. Д. Голев // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка: Коллективная монография / Под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. – С. 65–84.
97. *Голев, Н. Д.* О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны [Электронный ресурс] / Н. Д. Голев. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z08.html>.

98. *Голев, Н. Д.* О соотношении семантических и мотивировочных признаков [Электронный ресурс] / Н. Д. Голев. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z62.html>.
99. *Головин, Б. Н.* К вопросу о сущности грамматической категории [Текст] / Б. Н. Головин // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 117–124.
100. *Гольдберг, В. Б.* Форматы фонового знания в образном сравнении // Когнитивные исследования языка [Текст] / В. Б. Гольдберг // Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сб. науч. тр. Вып. 9. – М.: ИЯ РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. – С. 175–183.
101. *Городецкая, И. Е.* Фразеологизмы–соматизмы в русском и французском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 20 / Ирина Евгеньевна Городецкая. – Пятигорск, 2007. – 233 с.
102. *Григорьева, С. А., Григорьев, Н. В., Крейдлин, Г. Е.* Словарь языка русских жестов. Языки русской культуры [Текст] / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин // Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 49, Москва–Вена, 2001. – 230 с.
103. *Гриндер, Д., Пьюселик, Р. Ф.* Истоки нейро-лингвистического программирования [Текст] / Д. Гриндер, Р. Ф. Пьюселик. – Accent Graphics Communications, 2014. – 300 с.
104. *Гришина, И. П.* Из диалектной лексики флоры Рязанской области [Текст] / И. П. Гришина // Уч. Зап. Рязанского ГПИ. Т. 25. – Рязань, 1959. – С. 187–248.
105. *Гросс, А.* Эмпирическая лингвистика как решение проблемы, порожденной шаманской лингвистикой [Текст] / А. Гросс // Studia linguistica cognitiva. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд. БГУЭП, 2009. – С. 279–302.
106. *Грошева, Т. Н.* Словообразовательные гнезда бедный, богатый в современном русском языке: семантический аспект. Дис. канд. ... фил. наук: 10.02.01 / Татьяна Николаевна Грошева. – Арзамас, 2010. – 216 с.
107. *Гумбольдт, В.* Язык и философия культуры [Текст] / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
108. *Гумбольдт, В.* Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. [Текст] / Гумбольдт [Общ. ред. Г. В. Рамишвили; Послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева]. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
109. *Гураль, С. К.* Мировоззрение, картина мира, язык: лингвистический аспект соотношения [Текст] / С. К. Гураль // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 299. – С. 13–18.

110. Гуссерль, Э. Картезианские размышления [Текст] / Э. Гуссерль [Пер. с нем. Д. В. Складнева]. – СПб.: Наука, 1998. – 315 с.
111. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры [Текст] Д. Дэвидсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 172–193
112. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
113. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] / В. З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.
114. Демьянков, В. З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование [Текст] / В. З. Демьянков. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 206 с.
115. Дилтс, Р. Моделирование с помощью НЛП [Текст] / Р. Дилтс. – СПб: Питер, 2011. – 288 с.: ил. – (Серия: Практическая психология).
116. Евсеева, И. В. Комплексные единицы русского словообразования: Когнитивный подход [Текст] / И. В. Евсеева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 312 с.
117. Елистратов, В. С. Словарь русского арго [Электронный ресурс] / В. С. Елистратов // ГРАМОТА. РУ – 2002. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/argo>
118. Ермакова, О. П. Сопоставительное изучение словообразования и внутренней форма слова [Текст] / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1985. – Т. 44. – № 6. – С. 518–525.
119. Есперсен, О. Философия грамматики [Текст] / О. Есперсен. – М.: Изд-во иностр. л-ры, 1958. – 404 с.
120. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – М.: АСТ; Астрель, 2005. – 636 [4] с.
121. Жадейко, М. Н. Антропологические аспекты полисемии соматизмов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Жадейко Марина Николаевна. – Нижний Новгород, 2008. – 185 с. – С. 84–120.
122. Жаналина, Л. К. Словообразовательное значение с позиции интегративного подхода [Текст] / Л. К. Жаналина // Филологические науки. – 2004. – № 4. – С. 67–78.
123. Жирмунский, В. М. О природе частей речи и их классификации [Текст] / В. М. Жирмунский // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). – Л.: Наука, 1968. – С. 7–32.

124. *Заботкина, В. И., Боярская, Е. Л.* Явление полисемии и категоризирующая деятельность сознания [Текст] / В. И. Заботкина, Боярская Е. Л. // Когнитивные исследования языка. 2010. – № 7. – С. 60–68.
125. *Заботкина, В. И.* Слово и смысл [Текст] / В. И. Заботкина. – М.: Изд-во РГГУ. 2012. – 431 с.
126. *Заботкина, В. И.* Когнитивная лингвистика в науках когнитивного цикла [Текст] / В. И. Заботкина // Когнитивные исследования языка. 2013. – № 15. – С. 33–43.
127. *Загоруйко, А. Я.* Основные проблемы словообразования [Текст] / А. Я. Загоруйко // Личность, речь и юридическая практика: Межвуз. сб. науч. труд. – Вып. 6. / Гл. ред. Е. И. Дулимов. – Ростов н/Д: Донск. юрид. ин-т., 2003. – С. 71–75.
128. *Загоруйко, А. Я., Абросимова, Л. С.* Словообразовательное поле отсудстантивных глаголов в современном английском языке [Текст] / А. Я. Загоруйко, Л. С. Абросимова // Функционально-семантические и словообразовательные поля в лингвистике. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 84–120.
129. *Загоруйко, А. Я., Муругова, Е. В.* Сущность и формы выражения словообразовательных значений в производных словах современного английского языка [Текст] / А. Я. Загоруйко, Е. В. Муругова // Известия Ростовского государственного педагогического университета: Сб. науч. тр. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовск. гос. пед. ун-та, 1998. – Вып. 1: Филология. – С. 82–87.
130. *Задорожный, М. И.* Словообразовательная категория как родовое понятие [Текст] / М. И. Задорожный // Актуальные проблемы русского словообразования. – Елец: Изд-во Елецкого гос. ун-та им. И. А. Бунина, 2001. – С. 162–167.
131. *Зайнуллина, Л. М.* Композиционная семантика производных единиц. [Текст] / Л. М. Зайнуллина. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 192 с.
132. *Зализняк, А. А.* Грамматический словарь русского языка: Словоизменение [Текст] / А. А. Зализняк. М.: Русский язык, 1980. – 880 с.
133. *Зализняк, А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» [Текст] / А. Зализняк // Вопросы языкознания. – М., 2001. – № 2. – С. 13–25.
134. *Земская, Е. А.* Язык как деятельность / Морфема. Слово. Речь [Текст] / Е. А. Земская (Studia philologica). – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.

135. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность. Изд. 3-е. [Текст] / Е. А. Земская. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 224 с.
136. Иванов, В. В. Части речи [Текст] / В. В. Иванов, А. Н. Тихонов // Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. – 4-е изд., стереотипн. / Под общ. ред. Л. А. Новикова. – СПб.: Изд-во «Лань», 2003. – С. 382–385.
137. Иванов, Вяч. Вс. Наука о человеке: Введение в современную антропологию: Курс лекций [Текст] / Вяч. Вс. Иванов. – М.: РГГУ, 2004. – 194 с.
138. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования [Текст] / Е. В. Иванцова // Вестник ТГУ, Филология. – 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.
139. Ильиш, Б. А. Строй современного английского языка [Текст] / Б. А. Ильиш. 2-е изд. – Л.: Просвещение, 1971. – 365 с. – На англ. яз.;
140. Ирисханова, О. К. Некоторые особенности категоризации отглагольных имен существительных [Текст] / О. К. Ирисханова // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Рязань, 2000. – С. 62–69.
141. Ирисханова, О. К. О теории концептуальной интеграции [Текст] / О. К. Ирисханова // Известия АН. Серия лит-ры и языка. – Т. 60, № 3. – М: Наука, 2001. – С. 44–49.
142. Ирисханова, О. К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена [Текст] / О. К. Ирисханова. – Монография. – М.: Изд-во ВТИИ, 2004. – 352 с.
143. Исаев, М. И. К вопросу о взаимосвязи языка и культуры [Текст] / М. И. Исаев // Вопросы филологии. 2004. – № 2 (17). – С. 73–78.
144. Казак, М. Ю. Интегративная теория словообразовательные гнезда: грамматическое моделирование; квантитативные аспекты; потенциал; прогнозирование [Текст]: Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / М. Ю. Казак. – Белгород, 2004. – 39 с.
145. Казаков, А. В. Образные средства и парадигматические ряды образов с названиями частей тела в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Казаков Андрей Викторович. – Киров, 2004. – 180 с.
146. Кант, И. Сочинения в 6-ти т. [Текст] / И. Кант. Т. 4, ч. 1. – М.: Мысль, 1965.
147. Кант, И. Сочинения в шести томах. [Текст] / И. Кант. Т. 6. – М.: Мысль, 1966.
148. Капп, Э., Кунов, Г., Нуаре, Л., Эспинас, А. Роль орудия в развитии человека [Электронный ресурс]. – 1925. – Режим доступа: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/kapp_rol/01.aspx.

149. *Карасик, В. И.* Значение слова: определение и толкование [Текст] / В. И. Карасик // Коммуникативные аспекты значения: Межвуз. сб. науч. работ / В. И. Карасик. – Волгоград, 1990. – С. 58–67.
150. *Карасик, В. И.* Культурные доминанты в языке [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 3–16.
151. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
152. *Караулов, Ю. Н.* О некоторых особенностях современного состояния русского языка и науки о нем [Текст] / Ю. Н. Караулов // Русистика сегодня. – 1995. – № 1. – С. 5–23.
153. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
154. *Касевич, В. Б.* О когнитивной лингвистике [Текст] / В. Б. Касевич // Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. – СПб: Наука, 1998. – С. 14–21.
155. *Кассирер, Э.* Сила метафоры [Текст] / В. Б. Касевич // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 33–43.
156. *Кацнельсон, С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение [Текст] / С. Д. Кацнельсон / Под общ. ред. В. М. Жирмунского, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсона. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2011. – 112 с.
157. *Кибрик, А. А.* Современная лингвистика: откуда и куда? [Текст] / А. А. Кибрик // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 5. – С. 93–103.
158. *Кибрик, А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовой и специфичное в языке) [Текст] / А. А. Кибрик. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 336 с.
159. *Кимов, Р. С.* Когнитивные и эпистемические аспекты представления мира в языке (на материале кабардинского, русского и английского языков) // Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Кимов Рашад Султанович. – Нальчик. 2010. – 50 с.
160. *Кимов, Р. С.* Формирование языковой картины мира на примере соматизмов [Текст] / Р. С. Кимов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 128–133.
161. *Кимов, Р. С.* Пространство и время через призму соматической лексики [Текст] / Р. С. Кимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. – № 2. – С. 122–125.

162. *Князев, Ю. П.* Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе [Текст] / Ю. П. Князев. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 702 с. – (Серия: Studia philologica).
163. *Князева, Е., Турубов, А.* Познающее тело. Новые подходы в эпистемологии [Текст] / Е. Князева, А. Турубов // Новый мир. – 2002. – № 1. – С. 95–142.
164. *Кобозева, И. М.* Лингвистическая семантика: учеб. пособие [Текст] / И. М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
165. *Козинец, С. Б.* Словообразовательная метафора в русском языке: монография [Текст] / С. Б. Козинец. – LAMPERT, 2011. – 360 с.
166. *Козинец, С. Б.* Словообразовательная метафора: пересечение лексической и словообразовательной систем [Текст] / С. Б. Козинец // Филологические науки. – 2007. – № 2. – С. 61–70.
167. *Коломонова, О. Н.* Словообразовательные гнезда глаголов движения в смоленских говорах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Коломонова Ольга Николаевна. – Смоленск, 2009. – 214 с.
168. *Колшанский, Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 108 с.
169. *Копочева, В. В.* Соотношение искусственной и естественной номинации (На материале названий растений): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Копочева Валентина Васильевна. – Томск, 1985. – 255 с.
170. *Косырева, М. С.* Деривационно-фреймовая парадигма как единица когнитивного описания системных отношений на уровне словообразования [Текст] / М. С. Косырева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 30 (131). – С. 58–67.
171. *Кравченко, А. В.* Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода [Текст] / А. В. Кравченко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 37–52.
172. *Кравченко, А. В.* Является ли язык репрезентативной системой? [Текст] / А. В. Кравченко // Studia Linguistica Cognitiva: Выпуск I. Язык и познание. Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 135–156.
173. *Кравченко, О. Н.* Словообразовательный потенциал соматизмов сердце и голова: на материале английского, немецкого и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кравченко Ольга Николаевна. – Белгород, 2009. – 22 с.
174. *Крейдлин, Г. Е.* Язык тела и кинесика как раздел невербальной семиотики (методология, теоретические идеи и некоторые результаты) (статья)

- [Текст] / Г. Е. Крейдлин // Тело в русской культуре. – М.: «Новое литературное обозрение», 2005. – С. 19–37.
175. Кронгауз, М. А. Семантика: учеб. для студентов вузов [Текст] / М. А. Кронгауз. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2005. – 352 с.
176. Крушевский, Н. В. Избранные работы по языкознанию [Текст] / Н. В. Крушевский [Отв. ред. В. Н. Ярцева; Рос. акад. наук. отд-ние лит. и яз. комис. по истории филол. наук]. – М.: Наследие, 1998. – 293 с.
177. Крючкова, О. Ю. Деривационные системы как носители концептуальной информации [Текст] / О. Ю. Крючкова // Русский язык: Исторические судьбы и современность: труды и материалы 2 Междунар. конгресса исследователей рус. яз. – М.: МГУ, 2004. – 282 с.
178. Крючкова, О. Ю. Когнитивный анализ словообразовательных гнезд [Текст] / О. Ю. Крючкова // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004а. – С. 26–27.
179. Крючкова, О. Ю. Языковое моделирование мира в словообразовательном гнезде [Текст] / О. Ю. Крючкова // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004б. – С. 26–27.
180. Крючкова, О. Ю. Соотношение функциональных и когнитивных типов словообразовательных моделей [Текст] / О. Ю. Крючкова // Актуальные проблемы современного словообразования: материалы Междунар. Науч. конф. / Под общей редакцией проф. Л. А. Аравовой. Кемерово, 2009. – С. 211–217.
181. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании картины мира [Текст] / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141–173.
182. Кубрякова, Е. С. Возвращаясь к определению знака: Памяти Р. Якобсона [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 20–27.
183. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. – 330 с.
184. Кубрякова, Е. С. Словообразование [Текст] / Е. С. Кубрякова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 467–469.

185. *Кубрякова, Е. С.* Теоретические проблемы русского словообразования (транспозиция в концептуализации и категоризации мира) [Текст] / Е. С. Кубрякова // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2001. – С. 190–191.
186. *Кубрякова, Е. С.* О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001а. – С. 4–10.
187. *Кубрякова, Е. С.* Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира [Текст] / Е. С. Кубрякова // Филология и культура / Ред. Болдырев Н. Н. – Тамбов: ТГУ, 2003. – С. 32–34.
188. *Кубрякова, Е. С.* Основы морфологического анализа: На материале германских языков [Текст] / Е. С. Кубрякова/ Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 328 с.
189. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
190. *Кубрякова, Е. С.* Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие [Текст] / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. лит. и яз., 2006. – Т. 65. – № 2. – С. 3–14.
191. *Кубрякова, Е. С.* Основы морфологического анализа: На материале германских языков [Текст] / Е. С. Кубрякова. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 328 с.
192. *Кубрякова, Е. С.* В поисках сущности языка [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 5–12.
193. *Кубрякова, Е. С.* Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус [Текст] / Е. С. Кубрякова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 1994. – Т. 53. – № 2. – С. 5–13.
194. *Кубрякова, Е. С., Демьянков, В. З., Панкрац, Ю. Г., Лузина, Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов [Под общей ред. Е. С. Кубряковой]. – М., 1996.
195. *Кустова, Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г. И. Кустова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
196. *Лав, Н.* Когниция и языковой миф [Текст] / Н. Лав / Пер. с англ. // Studia Linguistica Cognitiva: Выпуск I. Язык и познание. Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 105–134.

197. *Лайонз, Дж.* Лингвистическая семантика: Введение [Текст] / Дж. Лайонз / Пер с англ. В. В. Морозова и И. Б. Шатуновского; Под общ. ред. И. Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
198. *Лайонз, Дж.* Язык и лингвистика. Вводный курс: Пер. с англ [Текст] / Дж. Лайонз. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
199. *Лакофф, Дж.* Когнитивная семантика [Текст] / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 143–185.
200. *Лакофф, Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи [Текст] / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры. 2004. – 792 с.
201. *Лакофф, Дж., Джонсон, М.* Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон [Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова]. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
202. *Леденев, Ю. Ю.* Когнитивно–дискурсивная природа языковой изофункциональности [Текст] / Ю. Ю. Леденев // Язык. Текст. Дискурс. – 2010. – № 8. – С. 463–470.
203. *Леви–Стросс, К.* Структура и форма [Текст] / Клод Леви–Стросс // Семиотика: [Сб. статей. Переводы]. – М., 1983. – С. 400–428.
204. *Ле Гофф, Ж.* Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. / Общ. ред. С. К. Цатуровой [Текст] / Ж. Ле Гофф. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. – 440 с.
205. *Ле Гофф, Ж.* Цивилизация средневекового Запада [Текст] / Ж. Ле Гофф // Ле Гофф Ж. Рождение Европы – М.: Александрия, 2007 г. – 400 с.
206. *Лейчик, В. М.* Люди и слова: Как рождаются и живут слова в русском языке [Текст] / В. М. Лейчик [Отв. Ред. Г. В. Степанов]. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 216 с.
207. *Леонтьев, А. А.* Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность) [Текст] / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2001. – 392 с.
208. *Леонтьев, А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А. Н. Леонтьев / под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл; Академия, 2004. – 346 с.
209. *Локк, Д.* Опыт о человеческом разуме. Избранные произведения. В двух томах [Текст] / Д. Локк. – М.: Наука, 1960. – 1266 с.
210. *Ломоносов, М. В.* Российская грамматика Михаила Ломоносова [Текст] / М. В. Ломоносов. – М.: Худож. лит., 1982. – 213 с.
211. *Лопатин, В. В.* Метафорическая мотивация в русском словообразовании [Текст] / В. В. Лопатин // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент: Укитувчи, 1975. – С. 53–57.
212. *Лопатин, В. В.* О принципах сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков [Текст] / В. В. Лопатин // Сопоставительная лингвистика. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 100–110.

- ставительное изучение словообразования славянских языков. Тезисы международного симпозиума (декабрь 1984), 1984. – С. 40–42.
213. *Лопатин, В. В., Улуханов И. С.* Основные понятия морфемики [Текст] / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов // Русская грамматика. – Т. 1 / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1982. – С. 123–143.
214. *Лосев, А. Ф.* Языковая структура [Текст]: Учебное пособие / А. Ф. Лосев. – М.: Московский гос. пед. ин-т, 1983. – 376 с.
215. *Лосев, А. Ф.* Философия имени [Текст] / А. Ф. Лосев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 269 с.
216. *Лурия, А. Р.* Язык и сознание [Текст] / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1998. – 336 с.
217. *Лэнекер, Р. В.* Концептуальная семантика и символическая грамматика [Текст] / Р. В. Лэнекер // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 3. – 2006. – С. 15–28.
218. *Магомедова, С. И.* Соматизмы «глаз», «сердце», «голова» в объективации картины мира: на материале аварского и арабского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20; 10.02.02 / Магомедова Сакинат Изудиновна. – Махачкала, 2009. – 176 с.
219. *Манучарян, Р. С.* Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках [Текст] / Р. С. Манучарян. – Ереван: Луйс, 1981. – 314 с.
220. *Мареев, С. Н., Мареева Е. В.* История философии. Учебное пособие. [Текст] / С. Н. Мареев, Е. В. Мареева. – М.: Академический Проект, 2004. – 880 с. – («Gaudeamus»).
221. *Марсель, Г.* Быть и иметь [Текст] / Г. Марсель / Пер. И. Н. Полонской. – Новочеркасск: Сагуна, 1994. – 159 с.
222. *Марчук, Ю. Н.* Методы моделирования перевода [Текст] / Ю. Н. Марчук. – М.: Наука, 1985. – 201 с.
223. *Масалева, Н. В.* Соматизмы в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Масалева Надежда Вячеславовна. – Иваново, 2010. – 14 с.
224. *Маслова, В. А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учеб. пособие. [Текст] / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
225. *Маслова В. А.* Ното lingualis в культуре: Монография [Текст] / В. А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
226. *Матурана, У., Варела, Ф.* Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания [Текст] / У. Матурана, Ф. Варела / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М.: Прогресс–Традиция, 2001. – 224 с.

227. Мельчук, И. А. Язык: от смысла к тексту [Текст] / И. А. Мельчук. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 176 с.
228. Мешков, О. Д. Словообразование современного английского языка [Текст] / О. Д. Мешков. – М.: Наука, 1976. – 245 с.
229. Мешков, О. Д. Семантические аспекты словосложения английского языка [Текст] / О. Д. Мешков. – М.: Наука, 1986. – 208 с.
230. Меркулова, В. А. О некоторых принципах этимологии названий растений [Текст] / В. А. Меркулова // Этимология. – М. – 1964. – С. 72–87.
231. Милевская, Т. В. Грамматика дискурса [Текст] / Т. В. Милевская. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. Ун-та, 2003. – 312 с.
232. Милевская, Т. В. Фрейм как основа семантической связности [Текст] / Т. В. Милевская. – Доклады III Межд. научн. конф. «Язык. Дискурс. Текст». – Ростов н/Д: ЮФУ, 2007. – С. 191–193.
233. Милевская, Т. В. Когнитивная семантика с точки зрения теории связности [Текст] / Т. В. Милевская. – Материалы II Международного Конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». II Междун. конгресс исследователей русского языка. М., МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет. 18–21 марта 2004 г. Труды и материалы / составители: М. Л. Ремнева, О. В. Дедова, А. А. Поликрпов. – М.: Изд-во Московского университета, 2004. – С. 126–127.
234. Милославский, И. Г. Морфология [Текст] / И. Г. Милославский // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / В. А. Белошапкина, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; Под ред. В. А. Белошапковой. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 442–605.
235. Милославский, И. Г. Морфологические категории современного русского языка [Текст] / И. Г. Милославский. – М.: Либроком, 2011. – 256 с.
236. Миськевич, Г. И., Чельцова Л. К. Новые слова, их принятие и нормативная оценка (Проблема новых слов в культурно-речевом аспекте) [Текст] / Г. И. Миськевич, Л. К. Чальцева // Актуальные проблемы культуры речи / Под ред. В. Г. Костомарова, Л. И. Скворцова. – М.: Наука, 1970 – С. 243–277.
237. Мишанкина, Н. А. Метафорические модели лингвистического дискурса [Текст] / Н. А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 324. – С. 41–48.
238. Моисеев, А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке [Текст] / А. И. Моисеев. – Л.: ЛГУ, 1987. – 196 с.

239. *Муругова, Е. В.* Система взаимодействия частей речи и способов их образования в лингвокреативной деятельности человека: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Муругова Елена Валерьевна. – Ростов н/Д, 2007. – 503 с.
240. *Муругова, Е. В.* Антропоцентрическая парадигма в лингвокреативной деятельности человека [Текст] / Е. В. Муругова // Современные парадигмы исследования языковой личности: монография / Под ред. Е. В. Муруговой, Т. А. Лопатухиной, Т. М. Багдасарян и др. – Ростов н/Д, 2012. – С. 57–79.
241. *Нанси, Ж.-Л.* *Corpus* [Текст] / Ж. –Л. Нанси. – М.: AdMarginem, 1999.
242. *Немченко, В. Н.* Основные понятия словообразования в терминах: краткий словарь-справочник [Текст] / В. Н. Немченко. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 204 с.
243. *Никитевич, А. В.* Комплексные деривационные структуры в отношении к когнитивным структурам знания [Текст] / А. В. Никитевич // Словообразование современного русского языка. – М., 2001. – С. 194.
244. *Никитин, М. В.* Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 36–42.
245. *Никитин, В. Н.* Онтология телесности: Смыслы, парадоксы, абсурд [Текст] / В. Н. Никитин. – М.: Когито-Центр, 2006. – 320 с.
246. *Новодранова, В. Ф.* Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum* [Текст] / В. Ф. Новодранова. – Рос. академия наук; Ин-т языкознания. МГМСУ. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 328 с. – (Studia philologica).
247. *Ортега-и-Гассет, Х.* Две великие метафоры [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет [Перевод с исп. Н. Д. Арутюновой] // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 68–81.
248. *Осадчий, М. А.* Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров) [Текст]: автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.01 / Осадчий Михаил Андреевич – Кемерово, 2007. – 27 с.
249. *Осадчий, М. А.* Однокоренная лексика русских народных говоров: Фреймовая структура гнезда [Текст] / М. А. Осадчий. – М.: Книжный дом «Либроком» / URSS, 2009. – 304 с.
250. *Павиленис, Р. И., Петров, В. В.* Язык как объект логико-методологического анализа: новые тенденции и перспективы [Текст] / Р. И. Павиленис, В. В. Петров // Вопросы философии. – 1987. – № 7. – С. 54–61.
251. *Панкрац, Ю. Г.* Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней: (На материале сложноструктури-

- рованных глаголов современного английского языка) [Текст]: дис... д-ра филол. наук: 10.02.04: Панкрац Юрий Генрихович. – М., 1992. – 333 с.
252. *Панкрац, Ю. Г.* Пропозициональные модели / структуры [Текст] / Ю. Г. Панкрац // КСКТ. М: Филолоию ф-тет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 134–147.
253. *Паршин, П. Б.* Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века [Текст] / П. Б. Паршин // Вопросы языкознания. – 1996. – №2. – С. 19–42.
254. *Пастернак, Б.* Воздушные пути [Текст] / Б. Пастернак. – М., 1982.
255. *Пименова, М.* Метафоры в описании внутреннего мира человека [Текст] / М. Пименова // Text Processing and Cognitive Technologies. Paper Collection. – № 12. – Moscoe–Varna, MISA, Ucheba, 2005. – P. 135–141.
256. *Пименова, М. В.* О методе исследования концептов внутреннего мира человека [Текст] / М. В. Пименова // Концептуальный анализ языка: Современные направления исследования: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е. С. Кубрякова. – М; Калуга: Эйдос, 2007. – С. 237–246.
257. *Пинкер, С.* Язык как инстинкт: Пер. с англ. [Текст] / С. Пинкер / Общ. Ред. В. Д. Мазо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
258. *Пинкер, С.* Субстанция мышления. Язык как окно в человеческую природу [Текст] / С. Пинкер. – М., Книжный дом ЛИБРОКОМ. – 2013. – 560 с.
259. *Плунгян, В. А.* Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях [Текст] / В. А. Плунгян // Семиотика и информатика. Вып. 3. – М., 1998. – С. 324–386.
260. *Позднякова, Е. М.* Категория имени деятеля и пути ее синхронного развития в когнитивном и номинативном аспекте (на мат. англ. яз.): автореф. дисс... докт. филол. наук: 10.02.04 / Позднякова Елена Михайловна. – М., 1999. – 34 с.
261. *Позднякова, Е. М.* Новые задачи исследования композиционной семантики производного слова в рамках когнитивно-дискурсивного направления [Текст] / Е. М. Позднякова // С любовью к языку: Сб. науч. трудов посвящается Е. С. Кубряковой. – Москва–Воронеж: ИЯ РАН, Воронежск. гос. ун-т, 2002. – С. 213–219.
262. *Покровский, М. М.* Семасиологические исследования в области древних языков [Текст] / М. М. Покровский. Изд. 2. – М.: КомКнига, 2006. – 136 с. – Серия «Школа классической филологии».
263. *Поляков, В. Н.* Когнитивное моделирование в лингвистике: Хроника 7-й Междунар. конф. [Текст] / В. Н. Поляков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 2/3. – С. 119–123.

264. Полянчук, О. Б. Когнитивные причины закономерностей семантической деривации производных слов (на материале французского языка) [Текст] / О. Б. Полянчук // ВЕСТНИК ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2005. № 2. – С. 43–45.
265. Попова, Т. В. Словообразовательная семантика русского глагола в зеркале когнитивной лингвистики [Текст] / Т. В. Попова // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 33. – С. 12–18.
266. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
267. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А. А. Потебня. – Т. 1–2. М: Учпедгиз, 1958. – 536 с.
268. Потебня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потебня. – М.: Лабиринт, 2007. – 256 с.
269. Привалова, И. В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Привалова Ирина Владимировна. – Москва, 2006. – 50 с.
270. Прототипические и непрототипические единицы в языке: Коллективная монография [Под ред. С. Ю. Богдановой, Т. И. Семеновой]. – Иркутск: Издательство Иркутского государственного лингвистического университета, 2012. – 266 с.
271. Прохорова, О. Н., Чекулай, И. В. Проблема ценности в философской и лингвистической семантике [Текст] / О. Н. Прохорова, И. В. Чекулай // Акмеология. – 2006. – № 2. – С. 10–18.
272. Прохорова, О. Н., Чекулай И. В., Багана Ж., Куприева И. А. Ментальные структуры и их репрезентация лексическими средствами в германских и романских языках [Текст] / О. Н. Прохорова, И. В. Чекулай, Ж. Багана, И. А. Куприева. – М.: Флинта, 2013. – 332 с.
273. Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. – М.: АСТ МОСКВА, 2007. – 732 с.
274. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е. В. Рахилина. – М.: Рус. Словари. – 2000. – 416 с.
275. Рахилина, Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики [Текст] / Е. В. Рахилина // Известия РАН. – Сер. лит. и яз. – 2000а. – Т. 59. – № 3. – С. 3–15.
276. Редкозубова, Е. А. Словообразовательные поля существительных и глаголов в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Редкозубова Екатерина Анатольевна. – Ростов н/Д, 2001. – 191 с.

277. *Ревзина, О. Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках [Текст] / О. Г. Ревзина. – М.: Изд-во Московск. гос. ун-та, 1969. – 154 с.
278. *Режабек, Е. Я.* Культурные границы языкового сознания: о вписанности языка в культуру [Текст] / Е. Я. Режабек // В поисках рациональности (статьи разных лет): научное издание (Gaudeamus). – М.: Академический Проект, 2007. – 383 с.
279. *Резанова, З. И. и др.* Метафора в процессах языкового миромоделирования // Резанова З. И., Мишанкина Н. А., Катунин Д. А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты / Под ред. З. И. Резановой. Воронеж: ВГУ – МИОН, 2003. Ч. 1. – С. 3–74.
280. *Резанова, З. И.* Когнитивная лингвистика в парадигмах лингвистического функционализма и интегральных концепций сознания [Текст] / З. И. Резанова // Вестник ТГУ. – 2010. – № 334. – С. 195–199.
281. *Ривелис, Е. И.* Словарь в свете когнитивной лингвистики [Текст] / Е. И. Ривелис // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд. БГУЭП, 2009. – С. 303–349.
282. *Рикер, П.* Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / П. Рикер // Теория метафоры. М., 1990. – 419 с.
283. *Ричардс, А.* Философия риторики [Текст] / А. Ричардс // Теория метафоры. М., 1990. – С. 44–67.
284. *Рождественский, Ю. В.* Теория языка в античности. Теория языка в средние века [Текст] / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский // Очерки по теории лингвистики. – М., 1975.
285. *Рубинштейн, С. Л.* Избранные философско–психологические труды (Основы онтологии, логики и психологии). М., Наука, 1997. – 463 с.
286. *Рябцева, Н. Н.* Естественный интеллект и язык [Текст] / Н. Н. Рябцева. – М.: Academia, 2005.
287. *Савченко, В. А.* Концептосфера «человек телесный» в русской и немецкой паремиологической картине мира: кросскультурный анализ соматизмов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Савченко Вероника Альбертовна. – Курск, 2010. – 249 с.
288. *Сайфи, Л. А.* Концептуализация соматического образа человека в языке и дискурсивных практиках: на материале современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Сайфи Людмила Алексеевна. – Уфа, 2008.
289. *Самаркина, Н. Н.* Адвербиальная валентность английского глагола: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. Н. Самаркина. – Калинин, 1971. – 19 с.

290. *Сахарный Л. В.* Психолингвистические аспекты теории словообразования: Учеб. Пособие [Текст] / Л. В. Сахарный. – Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова. 1985. – 97 с.
291. *Семерикова, З. В.* Развитие словообразовательных гнезд имен существительных английского языка (на материале слов, обозначающих части тела человека): дис. канд. ...филол. наук: 10.02.04 / З. В. Семерикова. – М., 1974. – 196 с.
292. *Сепир, Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 565с.
293. *Серебреников, Б. А.* Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенность описания [Текст] / Б. А. Серебреников // Принципы описания языков мира/Отв. ред. В. Н. Ярцева, Б. А. Серебреников. – М.: Наука, 1976. – С. 7–52.
294. *Серебреников, Б. А.* Номинация и проблема выбора [Текст] / Б. А. Серебреников // Языковая номинация. Общие вопросы. – М., 1977. – Т. 1. – С. 147–188.
295. *Серебреников, Б. А.* Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира [Текст] / Б. А. Серебреников и др. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
296. *Серль, Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов [Текст] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 171–222.
297. *Сильницкий, Г. Г.* Семантические классы глаголов и их роль в типологической семасиологии [Текст] / Г. Г. Сильницкий / Структурно-типологическое описание современных германских языков. – М.: Наука, 1966. – С. 224–260.
298. *Скаличка, В.* Асимметричный дуализм языковых единиц [Текст] / В. Скаличка // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С. 119–225.
299. *Скляревская, Г. Н.* Метафора в системе языка [Текст] / Г. Н. Скляревская / отв. ред. Шмелев Д. Н. – Санкт-Петербург: «Наука», 1993. – 152 с.
300. *Склярова, Н. Г.* Альтернативность, как языковая универсалия [Текст] / Н. Г. Склярова. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006. – 284 с.
301. *Смирницкий, А. И.* Морфология английского языка [Текст] / А. И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959. – 440 с.
302. *Соболева, П. А.* Моделирование словообразования [Текст] / П. А. Соболева // Проблемы структурной лингвистики 1971 г. – М.: Наука, 1972. – С. 165–212.
303. *Соссюр, Ф.* Труды по языкознанию [Текст] / Ф. Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.

304. *Соссюр, Ф. де.* Заметки по общей лингвистике [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс. 2000. – 280 с.
305. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики / Лингвистика XX века: система и структура языка: Хрестоматия. Ч. 1 / Сост. Е. А. Красина. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – С. 7–32.
306. *Степанов, Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю. С. Степанов. – М., 1975. – 312 с.
307. *Степанов, Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 990 с.
308. *Степанова, М. Д.* Методы синхронного анализа лексики [Текст] / М. Д. Степанова. – М.: Высшая школа, 1968. – 200 с.
309. *Степанова, М. Д.* Аспекты синхронного словообразования [Текст] / М. Д. Степанова // Иностранные языки в школе. – 1972. – № 3. – С. 3–13.
310. *Степанова, М. Д.* Словообразование современного немецкого языка [Текст] / М. Д. Степанова / Под ред. Т. В. Строевой. Изд. 2–е, испр. – М.: КомКнига, 2007. – 376 с. (Из лингвистического наследия М. Д. Степановой)
311. *Стернин, И. А.* Проблемы анализа структуры значения слова [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж, 1979. – 156 с.
312. *Стернин, И. А.* К теории речевых культур носителей языка [Текст] / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 22–29.
313. *Субботин, А. И.* Когниция и концепт: структура, функции и роль в культуре [Текст] / А. И. Субботин // Когнитивные исследования на современном этапе. КИСЭ–2012: материалы Третьей Международной научно-практической конференции (29–30 марта 2012 г., Россия, Ростов-на-Дону). – Ростов н/Д: Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ, 2012.
314. *Талми, Л.* Отношение грамматики к познанию [Текст] / Л. Талми // Вестник МГУ, Серия 9. Филология. – 1999. – № 1. – С. 30–48.
315. Телесность как эпистемологический феномен / Росс. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. И. А. Бескова [Текст]. – М.: ИФРАН, 2009. – 231 с.
316. *Телия, В. Н.* Вторичная номинация и ее виды [Текст] / В. Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 120–129.
317. *Телия, В. Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке [Текст] / В. Н. Телия. – М., Наука, 1981. – 269 с.
318. *Телия, В. Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция [Текст] / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 26–52.

319. *Телия, В. Н.* Внутренняя форма и ее роль в функционировании значения слов и фразеологизмов [Текст] / В. Н. Телия // Семантика языковых единиц: Мат. 3-й Межвуз. науч.-практ. конф. Ч. II. – М., 1993. – С. 55–59.
320. Тело в русской культуре. Сборник статей [Текст] / Сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 400 с.
321. *Теньер, Л.* Основы структурного синтаксиса [Текст] / Л. Теньер [Пер. с франц. Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака]. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
322. Теория метафоры: Сборник [Текст] / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
323. *Тихонов, А. Н.* Системное устройство русского словообразования [Текст] / А. Н. Тихонов // Современный русский язык. Словообразование: проблемы и методы исследования / Под ред. Д. Н. Шмелева. – М.: 1988. – С. 71–74.
324. *Толстая, С. М.* Мотивационные семантические модели и картина мира [Текст] / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – М., 2002. – № 1(3). – С. 112–127.
325. *Толстой, Н. И.* Избранные труды. Т. I: Славянская лексикология и семасиология [Текст] / Н. И. Толстой. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 520 с.
326. *Трубачев, О. Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика [Текст] / О. Н. Трубачев / Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 147–179.
327. *Тульчинский, Г. Л.* «Слово и тело: от феноменологии невменяемости к метафизике свободы» [Текст] / Г. Л. Тульчинский // Вопросы философии, 1999. – № 10. – С. 35–53.
328. *Тюрина, Р. Я.* К вопросу о статусе словообразования в современной русистике [Текст] / Р. Я. Тюрина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – № 2. – С. 23–26.
329. *Улуханов, И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания [Текст] / И. С. Улуханов. Изд. 3-е, стереотипн. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
330. *Улуханов, И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка, и их лексическая реализация [Текст] / И. С. Улуханов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 232 с.
331. *Уорф, Б. Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 135–168.
332. *Урысон, Е. В.* Синтаксическая деривация и «наивная картина мира» [Текст] / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1996. – № 4. – С. 25–39.

333. Урысон, Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) [Текст] / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3–22.
334. Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы [Текст] / А. А. Уфимцева. – М.: АН СССР, 1962. – 320 с.
335. Уфимцева, А. А. Об особенностях семантики глагольных лексем английского языка [Текст] / А. А. Уфимцева // Теория языка. Англистика. Кельтология. – М.: Наука, 1976. – С. 145–151.
336. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков [Текст] / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1974. – 206 с.
337. Уфимцева, А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) [Текст] / А. А. Уфимцева // Языковая номинация. (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 5–86.
338. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики [Текст] / А. А. Уфимцева / Под ред. Ю. С. Степанова. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
339. Уфимцева, А. А., Азнаурова, Э. С., Кубрякова, Е. С., Телия, В. Н. Лингвистическая сущность и аспекты номинации [Текст] / А. А. Уфимцева, Э. С. Азнаурова, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия // Языковая номинация. (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 7–99.
340. Флоренский П. А. Органопроекция [Текст] / П. А. Флоренский // Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика–Пресс, 1993. – С. 149–162.
341. Фокс, К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения [Текст] / К. Фокс; [пер. с англ. И. П. Новоселецкой]. – М.: РИПОЛ классик, 2008. – 512 с.
342. Фоменко, Ю. В. Лингвистика должна остаться наукой [Текст] / Ю. В. Фоменко // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный Конгресс исследователей русского языка. (Москва, МГУ, 13–16 марта 2001 г.). Труды и материалы. – М.: МГУ, 2001. – С. 18.
343. Фортунатов, Ф. Ф. Избранные труды. Сравнительное языковедение. Общий курс [Текст] / Ф. Ф. Фортунатов. – М.: Учпедгиз, 1956. – Т. 1. – 450 с.
344. Функционально–семантические и словообразовательные поля в лингвистике [Текст] / Под. Ред. Ю. Н. Власовой, Ю. В. Дашко. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовск. гос. пед. ун-та, 1998. – 360 с.
345. Фурс, Л. А. Метафигурирование и конструирование смысла [Текст] / Л. А. Фурс // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 6. – С. 284–287.

346. Фурс, Л. А. Когнитивные процессы интерпретации знания в синтаксисе [Текст] / Л. А. Фурс // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 13. – С. 394–400.
347. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления [Текст] / М. Хайдеггер / Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с. (мыслители XX в.)
348. Хайруллина, Р. Х., Пожидаев, Р. А. Картина мира в русском словообразовании (микрокосм) [Электронный ресурс] / Р. Х. Хайруллина, Р. А. Пожидаев // Журнал «Социосфера». – 2013. – Режим доступа: http://sociosphera.com/publication/journal/2013/3085/kartina_mira_v_russkom_slovoobrazovanii_mikrokosm/
349. Халилова, К. У. Соматизм «сердце» в языковой картине мира (на материале азербайджанского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Халилова Кадиша Ураковна. – Махачкала, 2012.
350. Харитончик, З. А. Лексикология английского языка [Текст] / З. А. Харитончик. – Минск: Вышэйшая школа, 1992. – 229с.
351. Харитончик З. А. Рецензия на книгу Е. С. Кубряковой «Части речи с когнитивной точки зрения» [Текст] / З. А. Харитончик // Вопросы языкознания. –1999. – № 5. – С. 127–130.
352. Харитончик, З. А. Транспозиция, конверсия, суффиксация [Текст] / З. А. Харитончик // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е. С. Кубряковой. – Москва–Воронеж: ИЯ РАН, Воронежск. гос. ун–т, 2002. – С. 197–206.
353. Ходунова, Т. Н. Словообразовательное гнездо с вершиной двигать: история и современное состояние: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ходунова Татьяна Николаевна. – М., 2010.
354. Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи [Текст] / С. Н. Цейтлин. – М.: Знак, 2009. – 592 с.
355. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. Изд. 2-е, доп. [Текст] / Т. В. Цивьян. – М.: КомКнига, 2005. – 280 с.
356. Чебакова, Ю. Системный подход к телесной саморегуляции: культурологическая интерпретация [Текст] / Ю. Чебакова // Телесность как эпистемологический феномен / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – Москва: ИФ РАН, 2009. – 231 с. – С. 199–210.
357. Чейф, У. Л. Значение и структура языка [Текст] / У. Л. Чейф. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.;
358. Чернейко, Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени [Текст] / Л. О. Чернейко. – М.: МГУ, 1997. – 320 с.
359. Чеснов, Я. В. «Телесность человека: философско-антропологическое понимание» [Текст] / Я. В. Чеснов. – М.: ИФ РАН, 2007. – 213 с.

360. Чумичева, Т. С. Фразеологизмы с компонентами-соматизмами в национальных вариантах английского языка (на материале британского и американского вариантов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/ Чумичева Татьяна Сергеевна. – Н. Новгород, 2010. – 242 с.
361. Шаваева, Ш. А. Зоонимическая лексика карачаево-балкарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Шаваева Шура Алиевна. – Нальчик, 2009.
362. Шадрин, В. И. К проблеме ономаσιологической интерпретации сложных существительных в английском языке [Текст] / В. И. Шадрин // Проблемы словообразования в английском и немецком языках. Межвуз. сб. науч. тр. – Смоленск, 1982. – С. 110–117.
363. Шамис, А. Л. Пути моделирования мышления. Активные синергетические нейронные сети, мышление и творчество, формальные модели поведения и распознавания и пониманием [Текст] / А. Л. Шамис. – М.: КомКнига, 2006. – 336 с.
364. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию [Текст] / Н. М. Шанский. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 336 с.
365. Шахбазян, О. Л. Суффиксальная терминология в языке экономики: когнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Шахбазян Ольга Леонидовна. Краснодар, 2008. – 20 с.
366. Шахматов, А. А. Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи) [Текст] / А. А. Шахматов. – М.: Учпедгиз, 1952. – 272 с.
367. Шахматов, А. А. Историческая морфология русского языка [Текст] / А. А. Шахматов. – М.: Учпедгиз, 1957. – 400 с.
368. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография [Текст] / В. И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 418 с.
369. Шахнарович, А. М. Языковая личность и языковая способность [Текст] / А. М. Шахнарович // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей/ Институт русского языка РАН. – М., 1995. – С. 213–223.
370. Шведова, Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» [Текст] / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3–16.
371. Швейцер, А. Д. Современная социолнгвистика: Теория, проблемы, методы [Текст] / А. Д. Швейцер. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 176 с.
372. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.

373. *Шмелев, Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
374. *Шмелев, Д. Н.* Избранные труды по русскому языку [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 888 с.
375. *Шмелев, Д. Н.* Современный русский язык. Лексика [Текст] / Д. Н. Шмелев. 4-е изд., стер. – М.: URSS: КомКнига, 2005. – 334 с.
376. *Шустерман, Р.* Мыслить через тело: гуманитарное образование [Текст] / Р. Шустерман // Вопросы философии. – 2006. – № 6. – С. 52–67.
377. *Щерба, Л. В.* О частях речи в русском языке [Текст] / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 63 – 85.
378. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность [Текст] /Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
379. *Энгельс, Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Политиздат, 1985. – 639 с.
380. *Эпштейн, М. Н.* Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре: Эпоха модернизма [Текст] / М. Н. Эпштейн / Под ред. Иоффе Д. – М.: Ладомир, 2008. – С. 497–517.
381. *Юдкин-Рипун, И. Н.* Краткий семантико-этимологический справочник: славистика и романо-германистика [Текст] / И. Н. Юдкин-Рипун. – Киев: НАНУ; Украинский комитет славистов. – 2004. – 236 с.
382. Языкознание. Энциклопедия языкознания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jazykoznanie.ru/168/>
383. *Якобсон, Р.* Избранные работы [Текст] / Р. Якобсон. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.
384. *Янко-Триницкая, Н. А.* К системе русского словообразования [Текст] / Н. А. Янко-Триницкая // НДВШ, Филологические науки. – 1976. – № 5. – С. 42–47.
385. *Янценецкая, М. Н.* Семантические вопросы теории русского словообразования (аспект взаимодействия словообразования с лексикой): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01/ М. Н. Янценецкая. – Томск, 1982.
386. *Янценецкая, М. Н.* О пропозициональной обусловленности словообразования // Принципы деривации в истории языкознания и современной лингвистике. Пермь, 1991. – С. 54–55.
387. *Ярцева, В. Н.* Историческая морфология английского языка [Текст] / В. Н. Ярцева. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 194 с.

388. Ярцева, В. Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка [Текст] / В. Н. Ярцева // Исследования по общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968. – 212 с.
389. Ярцева, В. Н. Проблемы вариативности и взаимоотношения уровней грамматической системы языка [Текст] / В. Н. Ярцева // Вопросы языкознания. – 1983. – № 5. – С. 17–25.
390. Adams, V. An introduction to Modern English word-formation [Text] / V. Adams. – Longman, 1973. – 230 p.
391. Arnold, I. V. The English Word [Text] / I. V. Arnold. – 3rd ed., rev. – Moscow: Vysshaya shkola, 1986. – 296 p.;
392. Barandiaran, X., Ruiz-Mirazo, K. Modelling autonomy: Simulating the essence of life and cognition [Text] / X. Barandiaran, K. Ruiz-Mirazo // BioSystems, 2008. – № 91(2). – p. 295–304.
393. Bauer, L. Introducing Linguistic Morphology [Text] / L. Bauer. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1988. – 439 p.
394. Bauer L. English Word-Formation [Text] / L. Bauer. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 311 p.
395. Bauer, L. Morphological Productivity [Text] / L. Bauer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 262 p.
396. Beard, R., Volpe, M. Lexeme–Morpheme Base Morphology [Text] // Handbook of Word-Formation. / P. Stekauer, R. Lieber (eds). Springer. Volume 64. – 2005. – P. 189–206.
397. Blokh, M. Y. A Course in Theoretical English Grammar [Text] / M. Y. Blokh. – 3rd ed., rev. – М.: Vysshaya shkola, 2000. – 381 p.
398. Bloomfield, L. Language [Text] / L. Bloomfield. – New York: Holt, Rinehart and Winston Inc., 1965. – 564 p.
399. Brekle, H. E., Kastovsky, D. Perspektiven der Wortbildungsforschung [Text] / H. E. Brekle, D. Kastovsky (eds) // Beitrage zum Wuppertaler Wortbildungskolloquium. – Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1977. – 235 p.
400. Brekle, H. E. Reflections on the Conditions for Coining, Use and Understanding of Nominal compounds [Text] / H. E. Brekle // Proceedings of the 12th International Congress of Linguistics. – Innsbruck, 1978. – P. 68–77.
401. Chafe, W. Meaning and the Structure of Language [Text] / W. Chafe. –Chicago–London: The University of Chicago Press, Sec. Impression, 1971. – 360 p.
402. Chomsky, N. Remarks on Nominalization [Text] / N. Chomsky / In: R. Jacobs and P. Rosenbaum (eds.), Readings in English Transformational Grammar, Ginn, Waltham, MA, 1970. – P. 184–221.

403. *Chomsky, N.* Syntactic Structures [Text] / N. Chomsky. – De Gruyter Mouton, 2002. – 117 p.
404. *Clark, A.* Being There: Putting Brain, Body and World Together Again [Text] / A. Clark. – Cambridge, MA: MIT Press, 1997. – 389 p.
405. Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology [Text] / Ed. T. Janssen and G. Redeker. – Berlin, N. Y.: Mouton de Gruyter. – 1999. – 270 p.
406. Collins Cobuild English Grammar [Text]. – London: The University of Birmingham, 1990. – 486 p.
407. *Cowley, S. J.* Linguistic Cognition: Using cognitive contexts to realize values [Text] / S. J. Cowley // Когнитивные исследования языка. Вып. VIII. Проблемы языкового сознания: материалы Международной научной конф. – Тамбов, 2011. – С. 33 – 34.
408. *Craig, C.* Theoretical Issues of Categorization and Human Cognition [Text] / C. Craig // Noun Classes and Categorization: Proceedings of a Symposium on Categorization and Noun Classification, Eugene, Oregon, October 1983 / Ed. by Colette Craig. – Amsterdam, 1986. – P. 1–9.
409. *Croft, W., Cruse D. A.* Cognitive Linguistic [Text] / W. Croft, D. A. Cruse. – UK: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
410. *Crystal, D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language [Text] / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 489 p.
411. *Damasio, A.* The Feeling of What Happens: Body, Emotion and the Making of Consciousness [Text] / A. Damasio. – New York: Harvester, 2000.
412. *Dokulil, M.* Tvořeni slov v češtině [Text] / M. Dokulil. – Praha: Československaakad. ved, 1962. – 264 p.
413. *Dressler, W. U.* Word formation as a part of natural morphology [Text] / W. U. Dressler // Leitmotifs in natural morphology. Amsterdam, 1987.
414. *Dreyfus, H. L.* What Computers Still Can't Do, (3rd ed.) [Text] / H.L. Dreyfus. – Cambridge, MA: MIT Press. – 1992.
415. *Evans, V.* The Structure of Time. Language, Meaning and Temporal Cognition [Text] / V. Evans. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2004.
416. *Faconnier, G.* Mental Spaces [Text] / G. Faconnier. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
417. *Faconnier, G.* Mapping in thought and language [Text] / G. Faconnier. – Cambridge: University Press, 1997.
418. *Fillmore, Ch. J.* Frame Semantics [Text] / Ch. J. Fillmore // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL. Seoul, 1982. – P. 111–137.

419. *Franklin, K. J.* Using Body part terms to begin a dictionary [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: http://www.sil.org/pacific/png/pubs/49648/Bodyparts_to_start_dict.pdf.
420. *Franklin, K. J.* Some Kewa Metaphors: Body Parts as Automobile Parts [Электронный ресурс] / К. J. Franklin // SIL International. – 2003. – P. 1–8. – Режим доступа: <http://www.sil.org/silewp/2003/silewp2003-005.pdf>
421. *Gallagher, S.* How the Body Shapes the Mind [Text] / S. Gallagher. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 294 p.
422. *Geeraerts, D.* Introduction: a Rough Guide to Cognitive Linguistics [Text] / D. Geeraerts // Cognitive Linguistics: Basic Readings / ed. by D. Geeraerts. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. – P. 1 – 28.
423. *Geeraerts, D.* Methodology in Cognitive Linguistics [Text] / D. Geeraerts // Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives / G. Kristiansen. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2006a. – P. 21 – 49.
424. *Geeraerts, D.* Theories of Lexical Semantics [Text] / D. Geeraerts. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 341 p.
425. *Gibbs, R. W. Jr.* Metaphor and Thought. The State of the Art [Text] / R. W. Gibbs Jr. // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / ed. by R. W. Gibbs Jr. – Cambridge: University Press, 2008. – P. 3–13.
426. Handbook of Word-Formation / Ed. by P. Stekauer, R. Lieber // Studies in Natural Language and Linguistic Theory. – Volume 64. – 2005. – 470 p.
427. *Humes, J.* Speak like Churchill, stand like Lincoln: 21 powerful secrets of history's greatest speakers [Text] / J. Humes. – Prima Publishing, Roseville, California, 2000. – 208 p.
428. *Jackendoff, R.* X-bar Semantics [Text] / R. Jackendoff // Semantics and the Lexicon. – Dordrecht, 1993. – P. 15–26.
429. *Jackendoff, R.* Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution [Text] / R. Jackendoff. New York: Oxford University Press, 2002.
430. *Jackendoff, R.* Meaning and the Lexicon: the Parallel Architecture, 1975–2010. [Text] / R. Jackendoff. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 485 p.
431. *Jensen de López, K.* Language-specific patterns in Danish and Zapotec children's comprehension of spatial grams [Text] / K. Jensen de López // Eve Clark (ed.), The Proceedings of the 31st Stanford Child Language Forum: Space in Language: Location, Motion, Path and Manner. – Stanford University: Center for the Study of Language and Information. – 2002. – P. 50–59.
432. *Jespersen, O. A.* Modern English Grammar on Historical Principles [Text] / O. Jespersen. – Copenhagen, 1942. – Part VI. Morphology. – 570 p.

433. *Jespersen, O.* Growth and Structure of the English language [Text] / O. Jespersen. – 10th. Ed. – The Univ. Chicago Press, 1982. – 244 p.
434. *Johnson, M.* The Body in the Mind [Text] / M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1987.
435. *Johnson-Laird, P. N.* Mental Models [Text] / P. N. Johnson-Laird. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 514 p.
436. *Jones, F. W.* The Principles of Anatomy as seen in the hand [Электронный ресурс] / F. W. Jones. – London. – 1920. – Режим доступа: http://archive.org/stream/principlesofanat00jonerich/principlesofanat00jonerich_djvu.txt
437. *Kay, P., Fillmore, Ch.* Grammatical Constructions and Linguistic Generalizations: The ‘What’s X Doing Y?’ Construction [Электронный ресурс] / P. Kay, Ch. Fillmore // Language. – 1999. – № 75. – P. 1–33. – Режим доступа: <http://www.icsi.berkeley.edu/~fillmore/WXDY2/wxdy.html>
438. *Koziol, H.* *Handbuch* der Englischen Wortbildungslehre [Text] / H. Koziol. – Heidelberg, 1937. – 83 p.
439. *Lakoff, G.* Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal About the Mind [Text] / G. Lakoff. – Chicago: University of Chicago Press, 1987.
440. *Lakoff, G.* Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind [Text] / G. Lakoff. – The University of Chicago Press, Chicago and London, 1990. – 614 p.
441. *Lakoff, G.* The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason on Image–Schemas? [Text] / G. Lakoff // Cognitive Linguistics. 1990a. – Vol. 1. – № 1. – P. 39–74.
442. *Lakoff, G.* Metaphor and War: The metaphor system used to justify War in the Gulf [Text] / G. Lakoff // D. Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. – Honolulu, 1991. – 26 p.
443. *Lakoff, G., Johnson, M.* Philosophy in the flesh. The embodied mind and its challenge to Western thought [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – New York: Basic Books, 1999.
444. *Langacker, R. W.* Grammar and Conceptualization [Text] / R. W. Langacker. – Berlin; NY: Mouton de Gruyter, 2000. – 427 p.
445. *Langacker, R. W.* Cognitive Grammar: A Basic Introduction [Text] / R. W. Langacker. New York: Oxford University Press, 2008. – 562 p.
446. Language [Text] / L. Bloomfield. – London: Allen, 1935. IX. – 566 p.
447. Language and thought. Interdisciplinary themes edited by Peter Carruthers and Jill Boucher. Cambridge University Press, 1998. – 324 p.
448. *Ledenev, Yu. Yu.* On the problem of revealing linguocognitive universal units [Text] / Yu. Yu. Ledenev // Когнитивные исследования языка. 2011. № 8. – С. 66–68.

449. *Lees, R. B.* The grammar of English nominalizations [Text] / R. B. Lees. – The Hague: Mouton de Gruyter, 1960. – 322 p.
450. *Lieber, R.* Morphology and Lexical Semantics [Text] / R. Lieber // Cambridge Studies in Linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 196 p.
451. *Lindblom, J., Ziemke, T.* Embodiment and Social Interaction. A Cognitive Science Perspective [Text] / Ziemke T., Zlatev J. // Ziemke T., Zlatev J. and Frank R. (eds.) Body, Language and Mind. Vol. 1; Embodiment. Berlin: Morton de Gruyter, 2007. – P. 129–162.
452. *Lipka, L.* English Lexicology: lexical structure, word semantics and word-formation. – Tübingen: Narr, 2002. – 244 s.
453. *MacLaury, R.* Zapotec body-part locatives: Prototypes and metaphoric extensions [Text] / R. MacLaury // International Journal of American Linguistics. – 1989. – № 55. – P. 119–154.
454. *Marchand, H.* The categories and types of present-day English word-formation [Text] / H. Marchand. – München: Verlag CH Beck, 1969. – 545 p.
455. *Marchand, H.* Studies in Syntax and Word-Formation [Text] / H. Marchand. – München, 1972. – 439 p.
456. *Marcus, G. F.* The Algebraic Mind: Integrating Connectionism and Cognitive Science [Text] / G. F. Marcus. – Cambridge, Mass.: MIT Press. – 2001.
457. *Marlett, S.* Why the Seri language is important and interesting [Электронный ресурс] / S. Marlett // Journal of the Southwest: Seri Hands. – A special issue 42(3). – P. 611–633. – Режим доступа: http://lengamer.org/admin/language_folders/seri/user_uploaded_files/links/File/whyinteresting.html.
458. *Maturana, H. R., Varela, F. J.* The tree of knowledge: The biological roots of human understanding. – Boston: Shambhala Publications, 1987. – 272 p.
459. *Moser, M. B., Marlett, S. A.* Seri dictionary: body parts, bodily processes, sickness and medicine [Электронный ресурс] / M. B. Moser, S. A. Marlett // Work Papers of the Summer Institute of Linguistics, University of North Dakota Session. – 1998. – Vol. 42. – Режим доступа: <http://www.und.nodak.edu/dept/linguistics/wp/1998Moser-Marlett-Body.pdf>.
460. *Motsch, W.* Word-formation: Compounding [Text] / W. Motsch // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed by R. E. Asher. – Oxford, Seoul, Tokyo: Pergamon Press Ltd., 1994. – Vol. 9. – P. 5021–5024.
461. *Onysko, A., Michel, S.* Cognitive perspectives on word formation [Text] / A. Onyshko, S. Michel // Trends in Linguistics Studies and Monographs – Berlin / New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. –2010. – № 221. – 431 p.
462. *Palmer, G.* Toward a Theory of Cultural Linguistics [Text] / G. Palmer. – Austin: The University of Texas Press. – 1996.

-
463. *Pecher, D., Zwaan, R. A.* Grounding cognition. The role of perception and action in memory, language, and thinking [Text] / D. Pecher, R. A. Zwaan. – Cambridge University Press. – 2005.
464. *Pennanen, E. V.* Conversion and Zero-Derivation in English [Text] / E. V. Pennanen // Helsinki: Universitatis. Ser. A. Tampere. – 1971. – Vol. 40. – 76 p.
465. *Pennanen, E.* Current Views of Word-Formation [Text] / E. Pennanen // Neuphilologische Mitteilungen. – Helsinki. – 1972. – B. 72. – № 2. – P. 292–308.
466. *Pennebaker, J. W., King, L. A.* (1999). Linguistic styles: language use as an individual difference [Text] / J. W. Pennebaker, L. A. King // Journal of Personality and Social Psychology. – 1999. – № 77. – P. 1296–1312.
467. *Pfeifer, R., Bongard, J.* How the Body Shapes the Way We Think: A New View of Intelligence [Text] / R. Pfeifer, J. Bongard. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2007. – 409 p.
468. *Pinker, St.* Words and Rules. The Ingredients of Language [Text] / St. Pinker. – NY: Harper Collins Publishers, Inc., 1999. – 349 p.
469. *Plag, I.* Word-Formation in English [Text] / I. Plag. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 256 p.
470. *Rohrer, T.* The Body in Space: Embodiment, Experientialism and Linguistic Conceptualization [Text] / T. Rohrer // Body, Language and Mind, vol. 2. Zlatev, Jordan; Ziemke, Tom; Frank, Roz; Dirven, René (eds.). – Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. – P. 1–26.
471. *Rosch, E. H.* Natural Categories [Text] / E. H. Rosh // Cognitive Psychology. 1973. – Vol. 4. – № 3. – P. 328–350.
472. *Rosch, E.* Cognitive Representations of Semantic Categories [Text] / E. Rosch // Journal of Experimental Psychology. – 1975. – P. 192–233.
473. *Ryder, M. E.* Bankers and Blue-Chippers: an Account of -er Formations in Present-Day English [Text] / M. E. Ryder // English Language and Linguistics. – 1999. – № 3. – P. 269 – 297.
474. *Scalise, S.* Generative Morphology [Text] / S. Scalise. – Foris, Dordrecht, 1984. – 249 p.
475. *Scorolli, Cl.* Language and Embodiment: sensory-motor and linguistic-social experience. Evidence on sentence comprehension [Text] / Cl. Scorolli // UNIVERSITA' DEGLI STUDI DI BOLOGNA, 2009. – 204 p.
476. *Searle, J.* Metaphor [Text] / J. Searle // Pragmatics. Ed. by Steven Davis, Oxford University Press, New York, Oxford, 1991. – P. 519–539.
477. *Searle, J.* The Rediscovery of the Mind [Text] / J. Searle. – Cambridge, MA: MIT Press. – 1992. – 270 p.

478. *Shank R. C., Rieger, C. J.* Inference and the computer understanding of natural languages [Text] / R. C. Shank, C. J. Rieger // *Artificial Intelligence*. 1974. – № 5. – P. 373–412.
479. *Sinha, Ch., Jensen de López, K.* Culture and the Embodiment of Spatial Cognition [Text] / Ch. Sinha, K. Jensen de Lopez // *Cognitive Linguistics*. – 2000. – № 11. – P. 17–41.
480. *Skalička, V.* Hyposyntax [Text] / V. Skalička // *Slovo a slovesnost*. – Praha, 1970. – № 1. – S. 1–6.
481. *Stanfield, R. A., Zwaan, R. A.* The effect of implied orientation derived from verbal context on picture recognition [Text] / R. A. Stanfield, R. A. Zwaan // *Psychological science*. – 2001. – № 12. – P. 153–156.
482. *Štekauer, P.* English Word Formation. A History of Research (1960–1995) [Text] / P. Štekauer. – Tübingen: Narr, 2000. – 501 c.
483. *Stockwell, R., Minkova, D.* English Words: History and Structure [Text] / R. Stockwell. D. Minkova. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 288 p.
484. *Talmy, L.* The Relation of Grammar to Cognition [Text] / L. Talmy // *Topics in Cognitive Linguistics* / B. Rudzka-Ostin (ed/) Amsterdam, P. A. John Benjamins Publ. Co., 1988. – P. 165–207.
485. *Taylor, J. T.* Linguistic categorization: Prototypes in linguistic theory, 2nd edition [Text] / J. T. Taylor. – Oxford: Oxford University Press. – 1995.
486. *The Artful Mind. Cognitive Science and the Riddle of Human Creativity* [Text] / Ed. by Mark Turner. – NY: Oxford University Press, 2006. – 314 p.
487. *Tyler, A., Evans, V.* The Semantics of English Prepositions: Spatial Scenes, Embodied Meaning and Cognition [Text] / A. Tyler, V. Evans – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 266 p.
488. *Wierzbicka, A.* The Alphabet of Human Thoughts [Text] / A. Wierzbicka // R. A. Geiger, B. Rudzka-Ostyn. *Conceptualization and Mental Processing in Language*. – Berlin, 1993. – P. 23–51.
489. *Wierzbicka, A.* Semantics. Primes and Universals [Text] / A. Wierzbicka. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1996. – 500 p.
490. *Wierzbicka, A.* The Semantics of Grammar [Text] / A. Wierzbicka. – Amsterdam: John Benjamins, 1998. – 156 p.
491. *Wierzbicka, A.* Lexical Prototypes as a Universal Basis for Cross-linguistic Identification of “Parts of Speech” [Text] / A. Wierzbicka // *Approaches to the Typology of Word Classes* / Ed. by Petra M. Vogel, Bernard Comrie. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 285–321.

492. Yu, N. Metaphor from Body and Culture [Text] / N. Yu // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / ed. by R. W. Gibbs Jr. Cambridge: University Press, 2008. – P. 247–261.
493. Zimmer, K. E. Affixal Negation in English and Other Languages: An Investigation of Restricted Productivity [Text] / K. E. Zimmer // Supplement to Word. – Volume 20. – № 2 (August, 1964). Monograph № 5. – 105 p.
494. Zlatev, J. Situated Embodiment: Studies in the Emergence of Spatial Meaning [Text] / J. Zlatev. – Stockholm: Gotab Press, 1997.
495. Zlatev, J. Embodiment, Language, and Mimesis [Text] / Ziemke T., Zlatev J. and Frank R. (eds.) Body, Language and Mind. – Vol. 1: Embodiment. – Berlin: Morton de Gruyter. – 2007. – P. 297–338.
496. Zlatev, J. Spatial semantics [Text] / J. Zlatev. // In: Geeraerts, D. & Cuyckens, H. (eds.). The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. New York: Oxford University Press. – 2007a. – P. 318–350.
497. Zwaan, R., Taylor, L. J. Seeing, Acting, Understanding: Motor Resonance in Language Comprehension [Text] / R. Zwaan, L. J. Taylor // Journal of Experimental Psychology: General. – 2006. – № 135. – P. 1–11.

Словари и справочники

1. Answers. com – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.answers.com/>
2. British National Corpus – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
3. Deutsche Corpus DWDS – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dwds.de/
4. Dictionary of New Words [Text] / Ed. by J. Green. – М.: Вече Перий, 1996. – 339 p.
5. English-Word Information – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wordinfo.info/search>
6. Farlex Free Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreedictionary>
7. Longman Dictionary of English Language and Culture [Text]. – Longman Group UK Limited, 1992. – 1528p.
8. Merriam-Webster Dictionary On-Line – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/>
9. New Dictionary of Contemporary Informal English [Text] / Ed. by S. A. Glazunov. – М.: Russky Yazik Publishers, 2000. – 2nd. stereotyped ed. – 776 p.

10. Online Etymology Dictionary – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com/>
11. Oxford English Dictionary [Текст]. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 938 p.
12. The American Heritage Dictionary of the English Language, 4th edition, published by Houghton Mifflin Company – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.answers.com/library/Dictionary-cid-28440>
13. The Concise Oxford English Dictionary [Text] / Ed. by C. Soanes, A. Stevenson. – Oxford: Oxford University Press Inc., New York, 2004. – 11th ed. – 1683p.
14. The Longman Register of New Words [Text]. – М.: Русский язык, 1990. – 426 p.
15. The New Shorter Oxford Dictionary on Historical Principles. – Oxford: Clarendon Press. 1993. – Vol. 1–2.
16. The Oxford Dictionary of New Words [Text] / Compiled by Sara Tulloch. – New York: Oxford University Press, 1992. – 322 p.
17. The Oxford Dictionary of New Words [Text] / Ed. By E. Knowles. – New York: Oxford University Press. – 1997. 357c.
18. Urban Dictionary. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.urbandictionary.com/>
19. Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged, Band 1. – Merriam-Webster, 1993. – 2782 p.
20. Wiktionary (Викисловарь) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wiktionary.org/>
21. Wordnik – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wordnik.com/>
22. WordOver [Электронный ресурс]. – URL: <http://wordover.com>
23. Words in English [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruf.rice.edu/~kemmer/Words04/structure/index.html>
24. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 2-е изд., 2004. – 576с.
25. Большой словарь русского языка. Толковый словарь В. И. Даля. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dict.t-mm.ru/dal/>
26. Большой словарь русского языка. Толковый словарь Д. Н. Ушакова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/r/rukop.html>
27. Большой словарь русского языка. Энциклопедический словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dict.t-mm.ru/enc_sl/
28. Бочкарев, А. Е. Семантический словарь [Текст] / А. Е. Бочкарев. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003. – 200 с.

29. Викитека – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikisource.org>
30. Краткий словарь когнитивных терминов. (1997) Сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1997.
31. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.: ил.
32. Немченко В. Н. Основные понятия словообразования в терминах: краткий словарь-справочник [Текст] / В. Н. Немченко. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 204 с.
33. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / Ю. Д. Апресян [и др.]; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000.
34. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – М.: Изд-во Онекс, Мир и Образование, 2007. – 24-е изд., испр. и доп. – 1200с.
35. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка [Текст] / А. Н. Зуев, И. Д. Молчанова, Р. З. Мурашов и др. / Под рук. М. Д. Степановой. – М.: Рус. яз. . 1979. – 536с.
36. Трофимова З. С. Словарь новых слов и значений в английском языке [Текст]. – М.: «ПАВЛИН», 1993. – 304 с.
37. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка [Текст] / Д. Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт, 2005. – 2-е изд. доп. – 1216с.
38. Философский энциклопедический словарь. – М.:ИНФРА-М, 2005. – 576 с.
39. Энциклопедия символики и геральдики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/>
40. Энциклопедия Кругосвет. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/>

Источники языкового материала

1. Alcott, Louisa May. Little Women – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://alcott.thefreelibrary.com/>
2. Ambrose, Bierce. The Devil's Dictionary – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bierce.thefreelibrary.com/The-Devils-Dictionary>
3. Anderson, Sherwood. Winesberg, Ohio – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://anderson.thefreelibrary.com/>
4. Appleton, Victor View. Tom Swift In The Land Of Wonders- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://appleton.thefreelibrary.com/>
5. Aristotle, A. Treatise on Government – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aristotle.thefreelibrary.com/A-Treatise-on-Government/>

6. *Baum, L. Frank.* The Wonderful Wizard of Oz – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://baum.thefreelibrary.com/>
7. BIOTECH Patent News – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreelibrary.com/>
8. Birmingham Mail (England). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.thefreelibrary.com/Birmingham+Mail+\(England\)/](http://www.thefreelibrary.com/Birmingham+Mail+(England)/)
9. Burroughs, Edgar Rice. The Chessmen of Mars – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://burroughs.thefreelibrary.com/>
10. *Carroll, Lewis.* Alice's Adventures In Wonderland – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://carroll.thefreelibrary.com/>
11. *Casson, Herbert N.* The History of the Telephone – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://casson.thefreelibrary.com/>
12. *Cather, Willa.* My Antonia – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cather.thefreelibrary.com/My-Antonia>
13. Coventry Evening Telegraph (England). Oct 18, 2008 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreelibrary.com/2008-October/18-d3>
14. Coventry Evening Telegraph (England). May 14, 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreelibrary.com/2012-May/14-d3>
15. *Crane, Stephen.* The Red Badge of Courage – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crane.thefreelibrary.com/The-Red-Badge-of-Courage>
16. Daily News (Los Angeles, CA). - Sep 15, 2006, Feb 28, 2002 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreelibrary.com/>
17. *Darwish A.* A good excuse for a party // The Middle East- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreelibrary.com/A-good-excuse-for-a-party-a0183423098>
18. *Dickens, Charles.* Bleak House – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dickens.thefreelibrary.com/Bleak-House>
19. DIE ZEIT, 17.01.2002, Nr. 4
20. DIE ZEIT, 18.03.1994, Nr. 12
21. *Fennelly, Martin.* It's Wait-And-See Time As Rays Turn To Kaz / Tampa Tribune & WFLA, Oct 16, 2008
22. *French, Marilyn.* The Women's Room- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://french.thefreelibrary.com/The-Women's-Room>
23. guardian.co.uk – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/>
24. *Hawthorne, Nathaniel.* Grandfather's Chair – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hawthorne.thefreelibrary.com/>

25. *Hippocrates*. On the Sacred Disease – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://classics.mit.edu/Hippocrates/sacred.html>
26. Huddersfield Daily Examiner (Huddersfield, England). Nov 5, 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.thefreelibrary.com/Huddersfield+Daily+Examiner+\(Huddersfield%2c+England\)/2011/November/5-p51559](http://www.thefreelibrary.com/Huddersfield+Daily+Examiner+(Huddersfield%2c+England)/2011/November/5-p51559)
27. Huddersfield Daily Examiner (Huddersfield, England). Aug 30, 2011 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreelibrary.com/2011-August/30-d3>
28. *Hugo, Victor*. Notre-Dame de Paris- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hugo.thefreelibrary.com/>
29. *Irving, Washington*. Astoria or Anecdotes of an enterprise beyond the Rocky Mountains – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://irving.thefreelibrary.com/>
30. *Fennelly, Martin*. It's Wait-And-See Time As Rays Turn To Kaz // Tampa Tribune & WFLA. – Oct 16, 2008. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreelibrary.com/It's+Wait-And-See+Time+As+Rays+Turn+To+Kaz-a01611673770>
31. *London, Jack*. Burning Daylight. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://london.thefreelibrary.com/Burning-Daylight>
32. *London, Jack*. Jerry of the Islands – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://london.thefreelibrary.com/Jerry-of-the-Islands>
33. *London, Jack*. White Fang – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://london.thefreelibrary.com/White-Fang>
34. *Madison, James*. Federalist Papers – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://madison.thefreelibrary.com/Federalist-Papers-Authored-by-James-Madison>
35. *Marshall, H. E.* English Literature For Boys And Girls – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://marshall.thefreelibrary.com/English-Literature-For-Boys-And-Girls>
36. *Melville, Herman*. Moby Dick LXVIII-CXXXIV – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://melville.thefreelibrary.com/Moby-Dick-LXVIII-CXXXIV>
37. Monthly Labor Review. Sep 1, 1986. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thefreelibrary.com/1986/September/1-d3>
38. Nancy, Wozn., Stuck on it: Kinesio tape has won a following among dancers // Dance Magazine. – Jul 1, 2009 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreelibrary.com/>
39. *Oppenheim, E. Phillips*. A Millionaire of Yesterday. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oppenheim.thefreelibrary.com/A-Millionaire-of-Yesterday>

40. *Shakespeare, William*. King Henry IV, Part 2 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://shakespeare.thefreelibrary.com/King-Henry-IV-Part-2>
41. *Shakespeare, William*. A Midsummer Night's Dream – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://shakespeare.thefreelibrary.com/A-Midsummer-Night's-Dream>
42. *Stoker, Bram*. Dracula – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stoker.thefreelibrary.com>
43. Stuck on it: Kinesio tape has won a following among dancers by Wozny, Nancy / Dance Magazine Jul 1, 2009.
44. The keys to life // Guardian. co. uk [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreelibrary.com/The+keys+to+life-a01611491819>
45. The Mirror (London, England) – Aug 15, 2009, Oct 9, 2006, Nov 5, 2009, Sep 1, 2006 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreelibrary.com/>
46. *Thoreau, Henry David*. Walden & on the Duty of Civil Disobedience. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thoreau.thefreelibrary.com/>
47. Times of Oman // Muscat, Oman. – Apr 28, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.thefreelibrary.com/Times+of+Oman+\(Muscat%2c+Oman\)/2011/April/28-p51504](http://www.thefreelibrary.com/Times+of+Oman+(Muscat%2c+Oman)/2011/April/28-p51504)
48. Tough scrutiny will keep the NHS healthy // Guardian. co. uk. Oct 15, 2008 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreelibrary.com/Tough-scrutiny-wil-keep-the-NHS-healthy-a01611672350>
49. *Twain, Mark*. A Connecticut Yankee – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://twain.thefreelibrary.com/A-Connecticut-Yankee>
50. *Twain, Mark*. A Horse's Tale – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://twain.thefreelibrary.com/A-Horse's-Tale>
51. *Wells H. G.* The War Of The Worlds – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wells.thefreelibrary.com/War-Of-The-Worlds>
52. *Wells, H. G.* Time Machine – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wells.thefreelibrary.com/Time-Machine>
53. Western Mail (Cardiff, Wales). Apr 7, 2012 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.thefreelibrary.com/Western+Mail+\(Cardiff%2c+Wales\)/2012/April/7-p52702](http://www.thefreelibrary.com/Western+Mail+(Cardiff%2c+Wales)/2012/April/7-p52702)

Научное издание

АБРОСИМОВА Лариса Сергеевна

**СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ЯЗЫКОВОЙ
КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА**

Подписано в печать 06.07.2015 г. Заказ № 4523.

Тираж 500 (1-й завод 100) экз. Формат 60*84 1/16. Усл. печ. лист 19,3. Уч. изд. л. 15,5.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 247-80-51.